

Л.А.Симакова
А.Д.Орлова
В.В.Снегирёва

ЛИТЕРАТУРА

ББК 83 я 721
С 37

*Рекомендовано
Міністерством освіти і науки України
(рішення колегії від 11.04.2006 р. № 4/4—19)*

Сімакова Л. А. та ін.

С37 Література: Підручник для 6 кл. загальноосвітніх навчальних закладів з російською мовою навчання/Л. А. Сімакова, А. Д. Орлова, В. В. Снегірьова. — К.: Вежа, 2006. — 256 с.: іл. — Мова рос. ISBN 966-7091-64-3.

Навчальне видання

**СИМАКОВА Лідія Анатоліївна
ОРЛОВА Антоніна Данилівна
СНЕГІРЬОВА Валентина Василівна**

ЛІТЕРАТУРА

**Підручник для 6 класу загальноосвітніх
навчальних закладів з російською мовою навчання
(Мова російська)**

**Видано за рахунок державних коштів.
Продаж заборонено.**

**Редактор Г. В. Брезницька
Художник С. В. Лопарєв
Художній редактор В. Б. Лопарєв
Технічний редактор І. Є. Гнатюк
Комп'ютерна верстка Л. І. Босенко
Коректор Н. І. Курбанова**

Підписано до друку 8.06.2006. Формат 70х100/16. Папір офсетний.
Гарнітура шкільна. Друк офсетний. Умов. друк. арк. 20,8.
Обл.-вид. арк. 18,0. Наклад 60 000 пр. Вид. № 79.
Віддруковано з готових діапозитивів у
ВАТ "Видавництво "Харків". Зам. 6-471

ISBN 966-7091-64-3

© «Вежа», 2006
© Л. А. Сімакова, А. Д. Орлова, В. В. Снегірьова, 2006
© С. В. Лопарєв. Художнє оформлення, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

■ Любите читать / 7

■ ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК — ХОРОШАЯ,
ПРАВИЛЬНАЯ КНИГА / 9

■ МИФЫ / 13

Мифы Древней Греции / 15

ДЕМЕТРА И ПЕРСЕФОНА / 16

ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД (Двенадцатый подвиг
Герakла) / 20

ДЕДАЛ И ИКАР / 24

Мифы древних славян / 27

МИФ О СОЛНЦЕ / 28

Учимся быть читателями. О мифах / 30

Учимся работать самостоятельно над
текстом художественного произведения.

Подготовка устного сообщения
на литературную тему / 31

■ БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ / 33

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ / 35

ПРИТЧА О ДОБРОМ САМАРЯНИНЕ / 37

Учимся работать самостоятельно над
текстом художественного произведения.

Как написать сочинение-миниатюру / 38

■ БАСНИ / 39

ЭЗОП / 41

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД / 42

КРЕСТЬЯНИН И ЕГО СЫНОВЬЯ / 42

ВОЛК И ЯГНЁНОК / 43

Иван Андреевич КРЫЛОВ / 44

ВОЛК И ЯГНЁНОК / 45

Учимся быть читателями. О выразительном чтении басен по ролям / 47

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ / 47

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ / 48

ЩУКА / 49

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ / 50

*Учимся быть читателями. О басне / 51**Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения.**Развёрнутый ответ на вопрос**по содержанию басен / 52*

■ ТЕМА И ИДЕЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ / 53

Александр Сергеевич ПУШКИН / 55

ЗИМНЕЕ УТРО / 57

НЯНЕ / 58

*Учимся быть читателями.**О двусложных размерах стиха / 59*

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМОМ ОЛЕГЕ / 60

*Учимся быть читателями. О балладе / 65**Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения.**Сравнение художественного произведения с историческим источником / 66**Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ / 67*

ПАРУС / 68

Учимся быть читателями.

О соблюдении ритма чтения / 69

ТРИ ПАЛЬМЫ / 70

«НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...» / 73

УТЁС / 74

Учимся быть читателями. Об идее

художественного произведения / 74

Николай Васильевич ГОГОЛЬ / 76

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ (В сокращении) / 78

Учимся быть читателями. О юморе / 109

О повести / 110

Владимир Галактионович

КОРОЛЕНКО / 112

В ДУРНОМ ОБЩЕСТВЕ (В сокращении) / 114

Учимся быть читателями.

О портрете литературного героя / 140

*Учимся работать самостоятельно над
текстом художественного произведения.*

Письменный рассказ о герое

художественного произведения / 141

■ ГЕРОЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА / 143

Даниель ДЕФО / 145

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

МОРЕХОДА РОБИНЗОНА КРУЗО (Отрывки) / 146

*Учимся работать самостоятельно над
текстом художественного произведения.*

*Сжатый пересказ главы художественного
произведения / 161*

Джек ЛОНДОН / 163

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ (В сокращении) / 165

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ / 179

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ (В сокращении) / 180

**Валентин Григорьевич
РАСПУТИН / 193**

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО (В сокращении) / 194

Учимся быть читателями. Об авторском отношении к герою / 215

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения. Выделение эпизодов художественного произведения и их комментирование / 217

■ ТЕМА ПРИРОДЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ / 219

**Николай Алексеевич
ЗАБОЛОЦКИЙ / 221**

ЖУРАВЛИ / 222

*Учимся быть читателями.
О метафоре / 224*

**Роберт Иванович
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ / 225**

КСЕНИИ / 226

*Учимся быть читателями. О композиции художественного произведения / 228
Об изобразительно-выразительных средствах языка художественной литературы / 230*

Рэй Дуглас БРЭДБЕРИ / 232

КАНИКУЛЫ / 233

Учимся быть читателями. О теме и идее художественного произведения / 241

УЛЫБКА / 242

ЗЕЛЁНОЕ УТРО / 247

Краткий словарь литературоведческих терминов / 253

Для внеклассного чтения / 255

Литература даёт нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нём не только чувство красоты, но и понимание — понимание жизни, всех её сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед нами сердца людей. Одним словом, делает нас мудрыми. Но всё это даётся только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием... Если первый раз прочли произведение невнимательно — читайте ещё раз, читайте и в третий раз.

У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях...

«Бескорыстному» чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках — то они рыли окопы под Петроградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой учитель отсутствовал, непринуждённо садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, удивиться искусству писателя и порадоваться предстоящему. Так мы послушали многие места из «Войны и мира», «Капитанской дочки», несколько рассказов Мопассана, былину о Соловье Будимировиче, другую былину — о Добрыне Никитиче, повесть о Горе-Злочастии, басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы — всё, что нравилось им и что постепенно начинало нравиться и нам.

«Незаинтересованное», но интересное чтение — вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все — она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор частично вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь просмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало, он вас отвлекает от забот, он вам диктует — как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбрать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете тоже, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймёте, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи... Читайте же больше и читайте с величайшим выбором. Определите сами свой выбор, сообразуясь с тем, какую роль приобрела выбранная вами книга в истории человеческой культуры, чтобы стать классикой...

Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, каким он обладает, — своё время.

Дмитрий Лихачёв

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК — ХОРОШАЯ, ПРАВИЛЬНАЯ КНИГА

Любите книгу всей душой!
Она не только ваш лучший
друг, но и до конца верный
спутник.

М. Шолохов

Настоящая книга хранит в себе много тайн. Вы открываете незнакомое произведение, читаете страницу, другую, третью — и с вами происходит чудо: вы забываете обо всём, что вас окружает, не слышите звуков, доносящихся с улицы... Вы оказываетесь в совершенно другом, удивительном мире — мире, который создан писателем с помощью слова. В этом мире вы путешествуете с героями Жюль Верна и Рэя Брэдбери в неведомые страны и на далёкие планеты; сражаетесь с врагами рядом с защитниками Москвы («Бородино» Михаила Лермонтова); весело смеётесь над озорными проказами Тома Сойера и Пеппи Длинныйчулок; спорите с героями, радуетесь, волнуетесь; вы даже видите этих героев, слышите их голоса...

Так что же за «чудо» с вами происходит? В чём сила писательского слова, так увлёкшего и захватившего вас? Ответить на эти вопросы — значит прикоснуться к тайне художественной литературы.

Весь чудесный мир литературного произведения, который заставляет нас, читателей, грустить и радоваться, плакать и смеяться, построен на художественных образах.

Люди, животные, явления природы, любые предметы, словесно воссозданные писателем, проникнутые его мыслями, чувствами, переживаниями, называются *художественными образами*.

Как же создаётся художественный образ? «Строительным материалом» образа является

слово. Писатель «очищает» слово от налёта времени, скрывшего его первоначальный смысл, и возвращает его читателю в первозданном виде.

Словосочетание «солнце заходит» нам настолько привычно, что мы забыли о его переносном значении. Владимир Маяковский открывает нам его первородное значение в одном из своих стихотворений. Обращаясь к заходящему солнцу, поэт приглашает его: «Чем так, без дела заходить, ко мне на чай зашло бы». Чувствуете разницу? Привычное выражение поэт превращает в яркий образ-олицетворение.

Писатель наделён особым талантом восприятия жизни. Он видит в людях, событиях, явлениях то, чего не замечают другие. Создавая образ, автор незаметное для других изображает как важное, даёт возможность читателю глубже, полнее и эмоциональнее воспринять этот образ.

Вот какие свежие и неожиданные качества слова открывает читателю Александр Пушкин в образах стихотворения «Зимняя дорога»:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна...

Вы, вероятно, не раз наблюдали такую картину. Но только Пушкин увидел в бегущих облаках освещённого лунной небой «волнистые туманы», сквозь которые «пробирается» (удивительно точное и выразительное слово!) луна. Поэт обогащает читателя своими открытиями; вызывает восхищение новизной и неповторимостью образов луны и облаков в ночном небе...

Отражение жизни в словесных образах — главное отличительное свойство литературы. В образности — разгадка того влияния, которое литература оказывает на человека. И чем талантливее писатель, тем это влияние сильнее.

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПЕРЕД КНИЖНОЙ ПОЛКОЙ

Книги, книги! Мои дорогие друзья,
Вас хранит благодарная память моя
С довоенной поры, с незабвенных годов,
Когда был я грозой соседских садов,

Слыл задирой, честили меня, огольца,
«Арестантом», пошедшим ни в мать, ни в отца.
Что бы выпало мне, что бы стать б могло,
И куда б, и к чему моё сердце легло,

Что ценил бы я в жизни, любил с той поры,
Если б вы не вошли в мир беспечной игры?
Если б вы не открыли в свой срок предо мной
Горизонты мечты необъятной людской?..

Книги, книги! Волшебною силой влеком,
Я читал и смеялся, и плакал тайком,
Те ребячьи года я в душе берегу,
Никогда-никогда позабыть не смогу,

Как домой вас я нёс, как дорогой листал,
Как запоем читал — мать ворчала: «глотал».
На лежанке до третьих сидел петухов
При коптилке над трёпаной книжкой стихов.

Я читал при луне и при свете костров,
Утром ветреным в поле, как пас я коров...

Книги, книги! Любовь моя, радость моя!
Не изведаль тревоги счастливее я,
Чем вот эта, что гонит и сон, и покой,
Лишь коснёшься обложки несмелой рукой...

Нил Гилевич

ДОН КИХОТ

Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.

Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.

Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнёт,
И будет сбит в неравном поединке
В него копьё вонзивший Дон Кихот.

Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведёт нас за собой.

И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.

Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.

Самуил Маршак

Давайте побеседуем

1. Какими интересными мыслями о значении литературы в жизни человека делится с читателями известный русский учёный-филолог¹ Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своей статье «Любите читать»?
2. «...Есть много книг, без которых нельзя жить», — пишет Лихачёв. Как это высказывание перекликается с содержанием стихотворения белорусского поэта Нила Гилевича «Размышление перед книжной полкой»?
3. Почему литературу называют искусством слова?
4. Что такое художественный образ? В чём сила воздействия художественного образа на читателя?
5. Прочитайте стихотворение Самуила Яковлевича Маршака «Дон Кихот». Какие образы на всю жизнь запечатлелись в памяти поэта после чтения им книги Сервантеса о Дон Кихоте? Как представлял он благородного рыцаря Дон Кихота и всё то, что с ним происходило? Как выразил поэт свой восторг от встречи с книгой, поразившей его воображение?
6. Расскажите об интересных книгах, которые вы прочитали за прошедший год. С какими новыми писателями вы познакомились? Кто из героев прочитанных книг особенно запомнился вам и почему?

Познакомьтесь поближе с этим учебником, полистайте его, рассмотрите иллюстрации, портреты писателей. Прочитайте эпиграфы к разделам учебника и к статьям о писателях, загляните в конец книги. Пусть она станет вашим добрым другом и собеседником, надёжным проводником в другие эпохи и к другим народам.

¹ Филология (от греч. *philologia*, буквально: любовь к слову) — область знания, изучающая письменные тексты.
Филолог — специалист в области языка и литературы.

Мифы (от греч. *mythos* — слово, сказание, предание) пришли к нам из глубины веков.

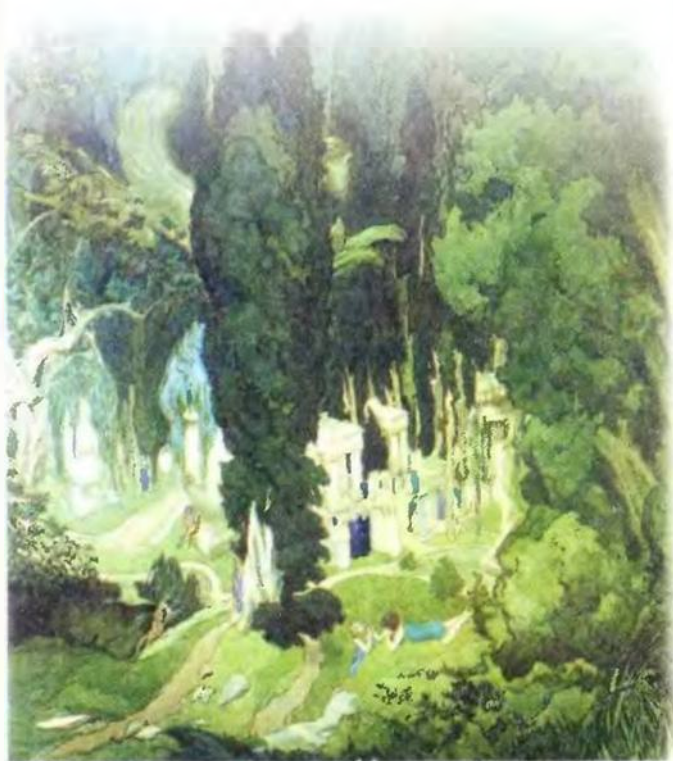
Многие тысячи лет человеческая память сохраняла предания людей первобытной культуры, в которых отразились

Глубокое проникновение в культуру прошлого и культуры других народов сближает время и страны.

Д. Лихачёв

МИФЫ

их представления об окружающем мире, их верования и коллективная фантазия.

Важнейшая особенность мифов состоит в том, что весь мир предстаёт в них как единое целое: наряду с героями действуют боги, самые невероятные превращения под воздействием сверхъестественной силы происходят в природе и в жизни людей.

Мифы — сокровищница первоначальных знаний, представлений древних людей о мире и их верований. Вот почему интерес к ним никогда не ослабевает. Мифологические образы и сюжеты стали источником для создания многочисленных произведений литературы, живописи, скульптуры, музыки.

Давайте побеседуем

1. О каких мифологических героях вы читали, какие кинофильмы или мультфильмы видели? Кто из героев вам наиболее запомнился? Чем?
2. Привлекая знания по истории, поразмышляйте, какова причина возникновения мифов.

Мифы Древней Греции

Древние греки были деятельным, энергичным народом, не боявшимся познавать реальный мир. Безграничная жажда познания пересиливала их страх перед неизвестной опасностью.

Создание мифов было первым шагом человека к творчеству и к познанию самого себя. Постепенно из отдельных сказаний, зародившихся в различных областях греческой земли, сложились целые циклы о судьбах героев и богах, которые были их покровителями.

Древнегреческие боги в мифах во всём подобны людям: добры, великодушны и милостивы, но в то же время зачастую жестоки, мстительны и коварны. Древние греки видели в богах существа, у которых всё, свойственное человеку, проявлялось в более грандиозном и возвышенном виде. Безусловно, это помогало грекам через богов лучше понять себя, осмыслить собственные намерения и поступки, оценить свои силы.

Греческие мифы легли в основу общечеловеческой культуры и глубоко проникли в представления и образ мыслей современного человека. Сегодня мы в самой обыденной речи говорим о *сизифовом труде* (имея в виду бессмысленную, бесполезную работу), о *титанических усилиях* и *гигантских размерах* (по мифам, *титаны* и *гиганты* — порождения богини земли Геи, боровшейся с греческими богами), о *паническом страхе* (а это проделки бога *Пана*, любившего наводить безотчётный ужас на людей), об *олимпийском спокойствии* (которым обладали древние боги — обитатели священной горы *Олимп*) или о *гомерическом смехе* (это безудержный громовой смех богов, описанный поэтом *Гомером*). Общеизвестны сравнения могучего и сильного человека с *Гераклом* (древнегреческим героем, свершившим двенадцать знаменитых подвигов), а смелой и решительной женщины — с *амазонкой* (амазонки — мифологические женщины-воительницы).

Художников, поэтов, скульпторов привлекали прежде всего глубина и художественность мифических образов. Но не только в этом объяснение той силы воздействия на людей, которую несла в себе греческая мифология. Она возникла как попытка древних объяснить появление жизни на земле и причины стихийных явлений природы, перед которыми человек был бессилен.

По А. Нейхардт

ДЕМЕТРА И ПЕРСЕФОНА

Могущественна великая богиня Деметра. Она даёт плодородие земле, и без её благотворной силы ничто не произрастает ни в тенистых лесах, ни на лугах, ни на тучных пашнях.

Была у богини Деметры юная, прекрасная дочь Персефона. Отцом Персефоны был громовержец Зевс. Однажды Персефона вместе со своими подругами, океанидами¹, беззаботно резвилась на цветущей Нисейской долине. Подобно легкокрылой бабочке перебегала юная дочь Деметры от цветка к цветку. Она рвала пышные розы, душистые фиалки, белоснежные лилии и красные гиацинты. Беспечно резвилась Персефона, не ведая той судьбы, которую назначил ей отец её Зевс. Не думала Персефона, что не скоро увидит она опять ясный свет солнца, не скоро будет любоваться цветами и вдыхать их сладкий аромат. Зевс предназначил её в жены мрачному своему брату Аиду, властителю царства теней умерших, и с ним должна была жить Персефона во мраке подземного царства, лишённая света горячего южного солнца.

Аид видел, как резвилась в Нисейской долине Персефона, и решил тотчас похитить её. Он упросил богиню земли Гею вырастить необычайной красоты цветок. Согласилась богиня Гея, и вырос дивный цветок в Нисейской долине; его пьянящий аромат далеко разлился во все стороны. Персефона увидела цветок; вот она протянула руку и схватила его за стебелёк, вот уже сорван цветок. Вдруг разверзлась земля, и появились чёрные кони, запряжённые в золотую колесницу, а в ней — Аид. Он схватил Персефону, поднял её на колесницу и в мгновение ока скрылся в недрах земли. Только вскрикнуть успела Персефона. Никто не видел, как похитил Персефону мрачный Аид, видел лишь бог Гелиос-Солнце.

Богиня Деметра слышала крик Персефоны. Она поспешила в Нисейскую долину, всюду искала дочь, но нигде не было её.

¹ Океаниды — в мифах: женские божества природы, обительницы морских и речных вод.

Тяжкая скорбь об утрате единственной возлюбленной дочери овладела сердцем Деметры. Одетая в тёмные одежды, девять дней блуждала Деметра по земле, проливая горькие слезы. Она всюду искала Персефону, всех просила о помощи, но никто не мог помочь ей в её горе. Наконец, уже на десятый день, она пришла к богу Гелиосу-Солнцу и стала со слезами молить его:

— О лучезарный Гелиос! Ты объезжаешь на золотой колеснице высоко по небу землю и моря, ты видишь всё, ничто не может скрыться от тебя; если ты имеешь хоть немного жалости к несчастной матери, то скажи мне, где мне искать дочь. Я слышала её крик, её похитили у меня. Скажи, кто похитил её.

Ответил Деметре лучезарный Гелиос:

— Великая богиня, ты знаешь, как я чту тебя, ты видишь, как скорблю, видя твоё горе. Знай, великий тучегонитель Зевс отдал дочь твою в жёны своему мрачному брату Аиду. Аид похитил Персефону и увёз её в своё полное ужасов царство. Побори же тяжёлую печаль, богиня: ведь велик муж твоей дочери, она стала женой могущественного брата великого Зевса.

Деметра разгневалась на громовержца Зевса за то, что отдал он без её согласия Персефону в жёны Аиду. Она покинула богов, покинула Олимп, приняла вид простой смертной и, одевшись в тёмные одежды, долго блуждала между смертными, проливая горькие слезы.

На земле всё перестало расти. Листья на деревьях завяли и облетели. Леса стояли обнажёнными. Трава поблёкла, цветы опустили свои пёстрые венчики. Не было плодов в садах, засохли зелёные виноградники, не зрели в них тяжёлые грозди. Прежде плодородные нивы были пусты — ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил всюду, слышались плач и стоны. Гибель грозила всему людскому роду. Но ничего не видела, не слышала Деметра, погружённая в печаль.

Наконец Деметра пришла к городу Элевсину. Там, у городских стен, села в тени оливы на

«камень скорби» у самого «колодца дев». Недвижима сидела Деметра, подобная изваянию. Прямыми складками спадала до самой земли её тёмная одежда. Голова её была опущена, а из глаз катились слезы и падали ей на грудь.

Увидели её дочери царя Элевсина Келея. Они удивились, заметив у источника плачущую женщину в тёмных одеждах, подошли к ней и с участием спросили, кто она. Но богиня Деметра не открылась им. Она сказала, что её зовут Део, родом она с Крита, её увезли разбойники, но она бежала от них и после долгих скитаний пришла к Элевсину. Деметра просила дочерей Келея отвести её в дом их отца; она согласилась стать служанкой их матери, воспитывать детей и работать в доме Келея. Дочери Келея привели Деметру к матери своей Метанейре.

Дочери Келея не думали, что вводят в дом отца своего богиню. Но когда входила Деметра в дом, она коснулась головой верха двери, и весь дом озарился дивным светом. Метанейра встала навстречу Деметре; она поняла, что не простую смертную привели к ней. Низко склонилась жена Келея перед незнакомкой и просила её сесть на место царицы. Отказалась Деметра; она молча села на простое сиденье служанки, по-прежнему безучастная ко всему, что делалось вокруг. Служанка же Метанейры, весёлая Ямба, видя, как глубока печаль незнакомки, старалась развеселить её. Она весело прислуживала ей и своей госпоже, громко звучал её смех, и сыпались шутки. Улыбнулась Деметра в первый раз с тех пор, как похитил у неё Персефону мрачный Аид, и в первый раз согласилась она вкусить пищи.

Деметра осталась у Келея. Она стала воспитывать его сына Демофонта. Богиня решила дать Демофонту бессмертие. Она держала младенца на своих коленях, младенец дышал бессмертным дыханием богини. Деметра натирала его амброзией, дающей бессмертие, а ночью, когда все в доме Келея спали, она, завернув Демофонта в пелёнки, клала его в ярко пылавшую печь. Но Демофонт не получил бессмертия. Увидела раз Метанейра своего сына, лежавшего в печи, страшно испугалась и стала молить Деметру не делать этого. Деметра разгневалась на Метанейру, вынула Демофонта из печи и сказала:

— О неразумная, я хотела дать бессмертие твоему сыну, сделать его неуязвимым. Знай же, я — Деметра, дающая силы и радость смертным и бессмертным.

Деметра открыла Келею и Метанейре, кто она, и приняла свой обычный образ богини. Божественный свет разлился по покоям Келея. Богиня Деметра стояла, величественная и прекрасная, золотистые волосы спадали на её плечи, глаза горели мудростью, от одежд её лилось благоухание. Пали на колени перед ней Метанейра и её муж.

Богиня Деметра повелела выстроить храм в Элевсине у источника Каллихоры и осталась жить в нём. При этом храме Деметра сама учредила празднества.

Печаль по нежно любимой дочери не покинула Деметру, не забыла она и гнева своего на Зевса. По-прежнему бесплодна была земля. Голод становился всё сильнее, так как на полях земледельцев не всходило ни единой травинки. Напрасно тащили быки тяжёлый плуг по папне — бесплодна была их работа. Гибли целые племена. Вопли голодных неслись к небу, но не внимала им Деметра. Наконец перестали куриться на земле жертвы бессмертным богам. Гибель грозила всему живому. Не хотел гибели смертных тучегонитель Зевс. Он послал к Деметре вестницу богов Ириду. Быстро помчалась она на своих радужных крыльях в Элевсин к храму Деметры, звала её, молила вернуться на Олимп к богам. Деметра не вняла её мольбам. Посылал и других богов великий Зевс к Деметре, но богиня не хотела возвращаться на Олимп, пока не вернет ей Аид Персефону.

Послал тогда Зевс к Аиду быстрого, как мысль, Гермеса. Гермес спустился в царство Аида, предстал перед сидящим на золотом троне владыкой душ умерших и поведал ему волю Зевса.

Аид согласился отпустить Персефону к матери, но предварительно дал ей проглотить зерно плода граната — символ брака. Взошла Персефона с Гермесом на золотую колесницу мужа; помчались бессмертные кони Аида, никакие препятствия не были страшны им, и в мгновение ока достигли они Элевсина.

Забыв всё от радости, Деметра бросилась навстречу дочери и заключила её в объятия. Снова с ней её любимая Персефона. С ней вернулась Деметра на Олимп. Тогда Зевс решил, что две трети года будет жить с матерью Персефона, а одну треть — возвращаться к мужу своему Аиду.

Деметра вернула плодородие земле, и снова всё зацвело, зазеленело. Нежной весенней листвой покрылись леса, запестрели цветы на изумрудной траве лугов. Вскоре заколосились хлеботородные нивы, зацвели и заблагоухали сады, засверкала на солнце зелень виноградников. Пробудилась вся природа. Всё живое ликовало и славilo великую богиню Деметру и дочь её Персефону.

Но каждый год покидает свою мать Персефона, и каждый раз Деметра погружается в печаль и снова облачается в тёмные одежды. И вся природа горюет об ушедшей. Желтеют на деревьях листья, срывает их осенний ветер; отцветают цветы, нивы пустеют, наступает зима. Спит природа, чтобы проснуться в радостном блеске весны тогда, когда вернётся Персефона к своей матери из безрадостного царства Аида. Когда же возвращается к Деметре её дочь, тогда богиня плодородия щедрой рукой сыплет свои дары людям и награждает труд земледельца богатым урожаем.

Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Чем интересна и удивительна фантазия древних греков, воплощённая в мифе «Деметра и Персефона»?
2. Какие эпизоды этого мифа особенно взволновали вас и почему?
3. Как вы представляете себе богов и людей из этого мифа? Нарисуйте их словесно.

● Порассуждаем о произведении

4. Чем в представлении древних отличалась богиня Деметра от простых смертных? В чём она была бессильна? Что делает её равной с простой земной женщиной?
5. С чем самым главным в жизни сравнивали древние греки материнскую любовь? Прочитайте выразительно отрывки о материнской печали и радости Деметры.
6. Почему побеждает не владыка всех богов и людей Зевс, а Деметра?
7. Какими эпитетами награждаются в мифе боги — Зевс, Деметра, Аид, Гелиос и другие? На какие отличительные особенности богов указывают эти эпитеты?

● Для самостоятельной работы

8. Подготовьте выразительное чтение диалога Деметры с Гелиосом. Передайте в своём чтении настроение действующих лиц и их отношение друг к другу.
9. Подготовьте выборочное изложение на тему «Материнская печаль и радость богини Деметры».

ЯБЛОКИ ГЕСПЕРИД

Двенадцатый подвиг Геракла

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый, подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

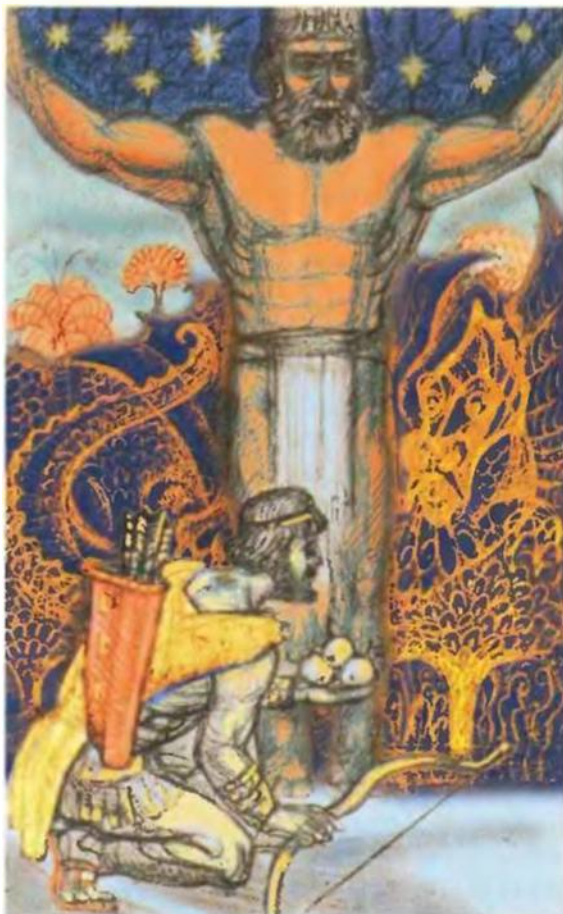
Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошёл он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. Пришёл Геракл на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридан. На берегах Эридана с почётом встретили сына Зевса прекрасные нимфы¹ и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерея. Наконец удалось ему найти старца на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с ним. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные образы, но не выпускал его герой. Наконец он связал утомлённого Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далёкий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Гейи. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Нельзя было победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы всё новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает ослабевать, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; стоило только оторвать Антея от земли и поднять его в воздух, как исчезали его силы.

Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко в воздух; иссякли силы сына Гейи, и Геракл задушил его.

Дальше пошёл Геракл и пришёл в Египет. Там, утомлённый длинным путём, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидел спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его, Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте. Пришедший с Кипра прорицатель Фрасий предсказал, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя и первым принёс его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет.

¹ Нимфы — в греческой мифологии: женские божества природы, живущие в горах, лесах, а также морях и источниках (океаниды). Считались дочерьми Зевса.

Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой верёвки, которыми был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своём опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и

удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками. Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл; если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на своё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на своё место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса, Афине Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы...

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Что нравится вам в характере и поступках Геракла — любимого героя древних греков?
2. Какие иллюстрации вы нарисовали бы к этому мифу? Опишите их.

● Порассуждаем о произведении

3. Какие испытания преодолевает Геракл, совершая свой самый трудный двенадцатый подвиг? Почему он всякий раз оказывается победителем?
4. Рассмотрите иллюстрацию к мифу. Как изобразил художник героя древнегреческих мифов Геракла и титана Атласа?
5. Образы и сюжеты античной мифологии (относящейся к истории и культуре древних греков и римлян) использовали художники, скульпторы, архитекторы всех времён и народов. Какие из их произведений вы видели? Чем они вам запомнились?

● Для самостоятельной работы

6. Прочитайте самостоятельно о других подвигах Геракла и расскажите о них.
7. Современные люди часто употребляют в своей речи слова и выражения, которые имеют мифологическое происхождение, например: *муки Тантала*, *сизифов труд*, *узы Гименея* и др. Прочитайте мифы и легенды «Тантал», «Сизиф», «Гименей» и объясните, почему возникли эти образные выражения.

■ Для будущих филологов

1. Установите, как связаны названия цветов *нарцисс*, *гиацинт* и дерева *кипарис* с содержанием древнегреческих мифов «Нарцисс», «Гиацинт», «Кипарис».
2. Названия многих планет и созвездий Солнечной системы носят имена римских богов, например: *Марс*, *Юпитер*, *Венера*, *Меркурий*. Каким греческим богам соответствуют названные боги?
3. Если в вашем городе есть старинные здания, украшенные скульптурными группами или отдельными статуями на сюжеты древнегреческих мифов, подготовьте об этом сообщение.

ДЕДАЛ И ИКАР

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эректа. Рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрёл Дедал для своей работы, им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

У этого художника был племянник Тал, сын его сестры. Тал был учеником своего дяди. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Можно было предвидеть, что Тал далеко превзойдёт своего учителя. Дедал завидовал племяннику и решил убить его. Однажды Дедал стоял с племянником у самого края скалы. Никого не было кругом. Увидев, что они одни, Дедал толкнул племянника со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным. Упав со скалы, Тал разбился насмерть. Дедал поспешно спустился вниз, поднял тело Тала и хотел уже тайно зарыть его в землю, но застали Дедала афиняне, когда он рыл могилу. Злодеяние Дедала открылось. Высший суд Афин — ареопаг присудил его к смерти.

Спасаясь от смерти, Дедал бежал на остров Крит к могущественному царю Миносу, сыну бога Зевса и богини Европы. Минос охотно

принял его под свою защиту. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита. Он выстроил для него и знаменитый дворец Лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выход. В этом дворце Минос заключил сына своей жены Пасифаи, ужасного Минотавра, чудовище с телом человека и головой быка.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпускать его царь с Крита, только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и наконец нашел способ освободиться от критской неволи.

— Если не могу я, — воскликнул Дедал, — спастись от власти Миноса ни сухим путём, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготовлять из них четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Наконец Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли, укрепленные на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся в воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице.

Дедал спустился на землю и сказал сыну:

— Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полёта. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы солёные брызги волн не смочили твоих крыльев. Не поднимайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко поднялись в воздух. Те, кто видел их полёт высоко над землей, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летят всё дальше и дальше.

Быстрый полёт забавляет Икара, всё смелее взмахивает он крыльями. Икар забыл наставления отца, он не летит уже следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья, выпали они и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, смотрит по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына:

— Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидел Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал своё искусство, как возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путём!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским¹. Наконец прибили волны тело Икара к берегу острова, там нашёл его Геракл и похоронил.

Дедал же продолжал свой полёт и прилетел наконец в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала...

¹ Икарийское море — часть Эгейского моря между островами Самос, Парос и берегом Малой Азии.

Долго жил Дедал в Сицилии. Последние же годы жизни провёл он на родине, в Афинах; там стал он родоначальником Дедалидов, славного рода афинских художников.

Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Какая мечта древних греков нашла отражение в мифе о Дедале и Икаре?
2. Каким вы представляете себе Икара? Нарисуйте его словесный портрет.

● Порассуждаем о произведении

3. Расскажите о мастерстве Дедала. Что толкнуло талантливого художника на злодеяние? Понёс ли Дедал наказание? В чём оно заключалось?
4. Перескажите близко к тексту отрывок о полёте Дедала и Икара. Как случилось, что Икар послушался отца?
5. Что чувствовал Дедал после гибели Икара? Как это его характеризует?
6. Талантливые художники, каким был и Дедал, всегда имеют учеников. В конце жизни Дедал создал свою школу — славный род Дедалидов. Что мешало ему создать такую школу в начале своего творчества? Чем поучительна для нас история Дедала?

■ Для будущих филологов

Найдите и прочитайте рассказ польского писателя Ярослава Ивашкевича «Икар». Как автор переосмыслил мифологический сюжет?

Мифы древних славян

Мифология древних славян складывалась из их верований и представлений об окружающем мире: человеке, природе, космосе. Как и другие народы, славяне обожествляли и одухотворяли природу, то есть они верили в то, что всё кругом живёт, чувствует, понимает, имеет свои желания, борется за своё существование. Не случайно в нашем языке с тех далёких времён остались такие выражения, как «дождь идёт», «солнце встаёт», «вьюга воет» и т. п.

Мифология наших далёких предков теснейшим образом связана с их представлениями о космических силах и зодиакальном круге. Так, имена богов, известные ещё со времён киевского князя Владимира, соответствовали определённым созвездиям и небесным телам. Прабогом на Руси считался Сварог — бог неба и небесного огня. Древние славяне верили в то, что Сварог научил их хлебопашеству и подарил плуг. Сыном Сварога был Дажбог — бог солнца, который у славян почитался особо. Когда солнце заходило, его провожали со страхом и печалью. Место же, где солнце поднималось, — восток, было стороной радости, вечного тепла и весны. Двенадцать небесных созвездий были также великими божествами, и главное среди них — то, под которым происходило зимнее солнцестояние. В старину это созвездие называлось Перун, его считали богом грома и молнии. Люди верили, что Перун отпирает небо после зимнего сна и посылает на землю благодатный дождь. Перун может и разгневаться, и тогда в небе гремит гром и сверкает молния. В это время он ездит по небу в огненной колеснице на крылатых огненных конях. В древнем Киеве на одном из возвышений стоял деревянный идол бога Перуна. Голова его была серебряной, а усы — золотыми.

Древние астрономы обращали внимание на созвездие, под знаком которого ежегодно наступала весна. Солнце весеннего равноденствия на Руси — это бог Ярило. Он покровительствовал расцвету природы, любви, плодородию, поэтому его всегда изображали в белых одеждах и с хлебными колосьями в руках.

Земля у славян издавна имела особые слова почитания: *Божья, праведная, святая*. Земля — это мать, она родит всё, что необходимо для жизни, поэтому почитание и обожествление её начались с очень давнего времени. Земля считалась самым верным свидетелем, поэтому славяне при наивысшей клятве, как доказательство правды и верности, ели землю или целовали её.

Люди замечали, что вода приносит им и природе великое добро. Вот почему вода считалась сестрою солнца. Вода в народном понимании имеет огромную силу. Сохранилась поговорка: *Будь богатый, как земля, и сильный, как вода*. В представлении древних вода была живая и мёртвая, целебная и бессильная. Вода имела магическую силу, особенно во время всеобщих праздников, когда она считалась целебной. Люди верили в то, что вода отмывает человека от зла, поэтому обряды купания, обмывания, собирания росы — очень старые и разнообразные.

Древние славяне прекрасно знали целебную силу растений, многие из которых почитались ими особо, например: папоротник, барвинок, васильки, иван-да-марья, дуб, бук, липа и др.

Всю природу человек воспринимал живой, могущественной и стремился жить с нею в полном согласии.

МИФ О СОЛНЦЕ

Лежала Мать-Сыра-Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный светлый Яр: «Взглянем сквозь тьму крошечную на Мать-Сыру-Землю, хороша ль, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землёю, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло Солнце красное. И полились через Солнце жаркие волны лучезарного Ярилина света.

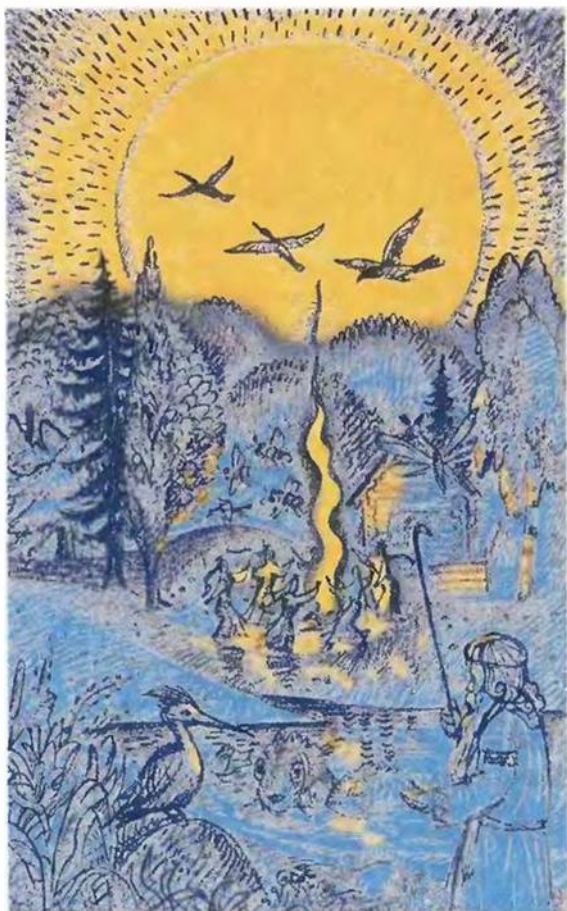
Мать-Сыра-Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам её... Любы Земли Ярилины речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми реками, серебристыми озёрами...

Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр её вылетали поднебесные птицы, из вертепов¹ выбегали лесные и полевые звери, в реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой-Земле. Потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжей — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными грома-

ми, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе вострепелась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял

¹ Вертеп — здесь: места зимовки лесных и полевых зверей.

к небу разумную голову и на речь отца громовую отвечал вещим¹ словом, речью крылатою... И услыша то слово и узрев царя своего и владыку, все древа, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что всё замёрзнет. Ярило утешил её, сказав, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших — заснувшего смертным сном Ярили-на сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов их матери — опуская их в ложе её, то есть зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда Солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с Землёю...

*По А. Мельникову-Печерскому
(из романа «В лесах»)*

¹ Вещий — предвидящий будущее, пророческий.

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Каким изображён в славянском мифе бог весеннего солнца Ярило? В чём видели люди его божественную силу и красоту?
2. Какой предстаёт в народном мифе Мать-Сыра-Земля? Как рассказывается о радости её пробуждения и расцвете природы?

● Порассуждаем о произведении

3. Как объясняли древние славяне появление человека, его разума и речи?
4. Как показана в славянском мифе неотделимость человека от природы с рождения до смерти?
5. Рассмотрите иллюстрацию, на которой художник показал, как древние славяне встречали весну. Почему с приходом весны они жгли костры?

● Для самостоятельной работы

6. Подготовьте близкий к тексту пересказ народного мифа о Солнце, сохранив выразительность его языка.
7. Расскажите об обычаях празднования щедрого вечера, масленицы, Ивана Купалы в вашей местности. Узнайте, с какими представлениями наших предков о природе и космосе связано возникновение этих праздников.

■ Для будущих филологов

Узнайте, откуда пошёл обычай устанавливать к Новому году ёлки и украшать их звёздами, шарами, месяцем и огнями. В случае затруднений обратитесь к книге О. П. Знойко «Міфи Київської землі та події стародавні».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О МИФАХ

Вы уже познакомились с некоторыми мифами и можете поразмыслить об их отличительных особенностях. Что же замечаем мы в мифах прежде всего? В мифах разных народов оживлена, одухотворена и очеловечена природа. Так, в греческом мифе «Деметра и Персефона» и в славянском мифе о Солнце природа изображается не только живой, но и имеющей душу, которая, как у человека, радуется, печалится, любит, страдает. Но, согласитесь, что эти же свойства оживления, одухотворения и очеловечивания природы мы встречаем и в сказках. Вспомните, как звери, птицы, солнце, месяц, ветер в них понимают и говорят, предметы действуют и т. п. В чём же тогда отличие мифов от сказок?

Если сказки — это вымышленные рассказы, то мифы — это действительные, реальные представления людей об окружающем мире. Во всё, о чём говорится в мифах, наши далёкие предки свято верили. Отсюда и происходят обожествление ими всего живого и поклонение богам.

Мифы древнее сказок. В них соединены верования людей, их первоначальные знания об окружающем мире, о жизни, а также религия, наука и искусство.

Мифы — первооснова культуры всего человечества. Без знания мифов невозможно понять сюжеты многих картин, опер, балетов, литературных и скульптурных произведений.

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Мифы — это коллективные представления людей первобытной культуры об окружающем мире и их верования.

Закрепим новые знания

1. Что такое мифы? Чем они отличаются от сказок?
2. Какой изображена природа в мифах? Почему древний человек обожествлял природу?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения**Подготовка устного сообщения на литературную тему**

Точность и краткость — первые достоинства слова.

А. Пушкин

Сообщение — это небольшое устное выступление на какую-либо тему, маленький доклад.

Цель сообщения — передача слушателям определённой информации в таком виде, чтобы её усвоили.

Сообщение тщательно готовится по одному источнику с соблюдением такой последовательности:

- 1) взвесьте в тему, определите, с какой целью готовите сообщение;
- 2) подберите материалы из того источника, которым будете пользоваться;
- 3) продумайте порядок расположения материала, составьте план;
- 4) сделайте выводы.

Если вы недостаточно владеете устной речью, напишите сообщение, перечитайте его, чтобы запомнить и произнести устно. Многие выдающиеся ораторы так готовились к выступлению.

Чтобы сообщение воспринималось с интересом, оно должно увлечь слушателя продуманным неожиданным началом (интересным фактом из литературы, из жизни автора художественного произведения, ярким впечатлением о произведении и т. д.). Таким же интересным должен быть вывод (концовка).

Речь должна быть связной, краткой. Необходимо слышать свой голос, контролировать его громкость.

Следует продуманно использовать жесты и мимику.

Подготовьте сообщение на одну из тем: «В чём сила и бессилие Деметры»; «Кто в мифе о Дедале и Икаре настоящий герой».

Образец сообщения

ИКАР — НАСТОЯЩИЙ ГЕРОЙ

Почему в памяти народной героем стал Икар, а не Дедал? Ведь Дедал и крылья придумал, и много удивительных скульптур из мрамора изваял, и много великолепных зданий построил... Всё это так. Но герой всегда великодушен, бесстрашен, благороден, а Дедал из зависти к таланту племянника убил его. И судьба наказала Дедала.

В характере же Икара — качества настоящего героя: он стремится постичь неведомое, покорить высоту, подняться так высоко, чтобы ощутить радость её покорения. Стремится вопреки предостережениям отца. Настоящие герои всегда действуют наперекор обстоятельствам.

Икар погиб, но его образ много веков привлекает художников, писателей, поэтов. Так, голландский художник Питер Брейгель создал картину «Смерть Икара», польский писатель Ярослав Ивашкевич — рассказ «Икар», украинская поэтесса Лина Костенко написала стихотворение об Икаре. Икар — символ мечты, которая оторвалась от земли и устремилась к величайшему из светил — Солнцу.

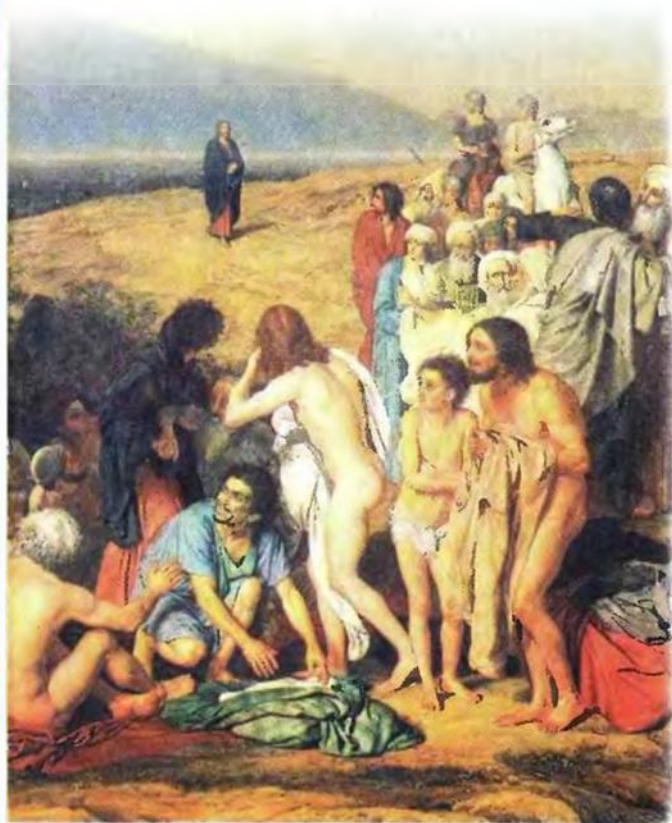
Проверим и углубим наши знания

1. Какие важные новые знания вы приобрели, познакомившись с мифами?
2. Какие представления о космосе, природе, человеческой жизни отразились в мифах?
3. Чем отличаются представления древних греков и славян о происхождении весны и лета? Что общего в оживлении, одухотворении и очеловечивании природы в мифе «Деметра и Персефона» и «Мифе о Солнце»? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
4. Сколько подвигов совершил герой древнегреческих мифов Геракл? О каких его подвигах вы прочитали самостоятельно?
5. Чем поучителен для читателей древнегреческий миф о Дедале и Икаре?
6. Чем привлекательна для современных людей фантазия древних греков?
7. Почему каждый культурный человек должен иметь представление о мифологии не только своего народа, но и других народов мира?

Библия — бесценный памятник духовной культуры человечества. Для верующих она является Священным Писанием, откровением самого Бога.

Библия делится на Ветхий Завет и Новый Завет.

Новый Завет есть лучшая книга, какую когда-либо знал или будет знать мир.

Ч. Диккенс

БИБЛЕЙСКИЕ ПРИТЧИ

Ветхий Завет написан до рождения Иисуса Христа. В Новом Завете рассказывается в основном о жизни и учении Иисуса Христа, посланника Божьего, который пришёл в мир, чтобы спасти его от зла. В то время маленькая страна Иудея находилась под властью римлян и страдала от непосильных поборов, несправедливости властей, бесконечных мятежей и казней. О пришествии Божественного Спасителя Иисуса Христа иудейский народ знал за тысячи лет из пророчеств.

Когда Иисус Христос возмужал, он стал проповедовать своё учение. Двенадцать учеников — их называли апостолами — помогали ему в этом. Из города в город переходил с ними Христос, учил людей праведной жизни и исцелял неизлечимых больных. Он рассказывал *небольшие истории иносказательного характера с нравоучительным смыслом — притчи*, которые были понятны каждому простому человеку.

Ученики и последователи Христа — Матфей, Марк, Лука и Иоанн — рассказали о чудесном рождении, жизни и смерти Иисуса Христа. Их книги называются Евангелиями. Слово *Евангелие* в переводе с греческого означает «радостная весть». С тех пор, на протяжении почти двух тысяч лет, личность Иисуса, его учение и судьба не перестают волновать людей.

Александр Пушкин писал: «...книга сия называется Евангелием, — и такова её вечно новая прелесть, что если мы... случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному влечению».

Давайте побеседуем

1. Какие библейские истории из Ветхого Завета и Нового Завета вы читали? Чем они вам понравились и запомнились?
2. Что вам известно о личности Иисуса Христа и его судьбе? Из каких источников (Библии для детей, кинофильмов, рассказов старших, уроков украинской литературы) вы почерпнули сведения о нём?

ПРИТЧА О БЛУДНОМ¹ СЫНЕ

У одного человека было два сына. Однажды младший сын сказал отцу: «Отец: дай мне мою часть наследства». Отец разделил имение, и младший сын, взяв своё, отправился в чужую страну. Там он жил весело, ни в чём себе не отказывал, и скоро денег у него не осталось.

А в это время настал голод в той стране. Юноша нанялся к одному из жителей пасти свиней. Он голодал и рад был, если ему удавалось поесть свиного корма.

¹ Блудный — сбившийся с правильного жизненного пути, совершивший много ошибок в жизни.

И тут он опомнился и сказал: «Сколько работников у моего отца получают хлеб в изобилии, а я умираю от голода! Пойду я к отцу моему и скажу: “Отец, я согрешил против тебя и недостойн называться твоим сыном. Прости меня и прими в число наёмников твоих”».

Встал он и пошёл к отцу. Отец ещё издали увидел его, побежал на встречу, обнял и поцеловал его. Сын же сказал отцу: «Отец, я согрешил против тебя и недостойн называться твоим сыном!»

А отец приказал слугам: «Принесите лучшую одежду и оденьте его и дайте перстень на руку его и обувь на ноги. И заколите откормленного телёнка, станем пировать и веселиться. Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». И начали веселиться.

Старший сын был в это время в поле. Возвратившись, он услышал пение и весёлые голоса. Он спросил у одного из слуг: «Что это такое?» Слуга ответил: «Твой брат пришёл, и отец твой заколол откормленного телёнка, обрадовавшись, что он здоров».

Старший сын рассердился и даже не захотел войти в дом. Отец вышел и позвал его. Но сын сказал отцу: «Сколько лет я служу тебе, всегда слушался тебя, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями. А брат, растративший имение, пришёл, и ты заколол для него откормленного телёнка».

Отец же сказал ему: «Сын мой! Ты всегда со мной, и всё, что есть у меня — твоё. А брат твой был как бы мёртв и ожил, пропадал и нашёлся».

Вопросы и задания

1. Почему отец так великодушно простил младшего сына и устроил праздник по его возвращении? Что отец считал главным в воспитании детей?
2. Какой смысл вкладывал отец в свои слова, говоря о младшем сыне: «был как бы мёртв и ожил»?
3. Прочитайте выразительно диалоги отца с младшим и старшим сыновьями, передавая настроение говорящих.
4. Рассмотрите репродукцию картины великого голландского художника Рембрандта «Возвращение блудного сына» (с. 35). Как передаёт в ней художник содержание библейской притчи?

ПРИТЧА О ДОБРОМ САМАРЯНИНЕ¹

Иисус учил: «Люби ближнего своего, как самого себя». Один человек спросил у него: «А кто мой ближний?» В ответ Иисус рассказал ему притчу.

Некий человек шёл из Иерусалима в Иерихон² и попался разбойникам, которые ограбили его, сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою же дорогой, увидел его и прошёл мимо. Также шёл помощник священника, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. А потом проезжал этой дорогой самарянин, увидел его и сжалился. Он подошёл, перевязал ему раны, возливая масло и вино. И посадил на своего осла, привёз его в гостиницу и позаботился о нём. А на другой день, отъезжая, вынул два динария³, дал содержателю гостиницы и сказал ему: «Позаботься о нём, и если издержишь денег больше, я, когда возвращусь, отдам тебе».

Иисус спросил человека: «Как ты думаешь, кто из этих троих был ближним попавшемуся разбойникам?» Человек ответил: «Оказавший ему милость». Тогда Иисус сказал ему: «Иди и ты поступай так же».

¹ Самарянин (или самаритянин) — житель Самарии, расположенной к северу от Иерусалима.

² Иерихон — город неподалёку от Иерусалима.

³ Динарий — золотая монета.

? Вопросы и задания

1. Каким человеком нужно быть, чтобы следовать заповеди Иисуса Христа: «Люби ближнего своего, как самого себя»? При ответе опирайтесь на текст помещённых в учебнике притчей Христа.
2. Что мы называем притчей? Каковы её особенности?

**Учимся работать самостоятельно над текстом
художественного произведения**

Как написать сочинение-миниатюру

Миниатюра — это небольшое по размеру сочинение: описание, повествование, рассуждение.

Как работать над сочинением-миниатюрой на тему «Что отец считал главным в воспитании сыновей» (по «Притче о блудном сыне»):

1. Обсудите тему сочинения в классе. Выделите главные слова в названии темы.
2. Внимательно перечитайте притчу. Объясните значение слова «блудный».
3. Продумайте, какую мысль вы будете утверждать, раскрывая тему сочинения (каков нравоучительный смысл притчи).
4. Соберите материал для сочинения (примеры из текста и примеры из жизни; наиболее значимые слова и словосочетания из притчи).
5. Определите, какими будут начало и конец сочинения, в какой последовательности излагать его содержание.
6. Изложите собственное суждение по теме сочинения.

Проверим и углубим наши знания

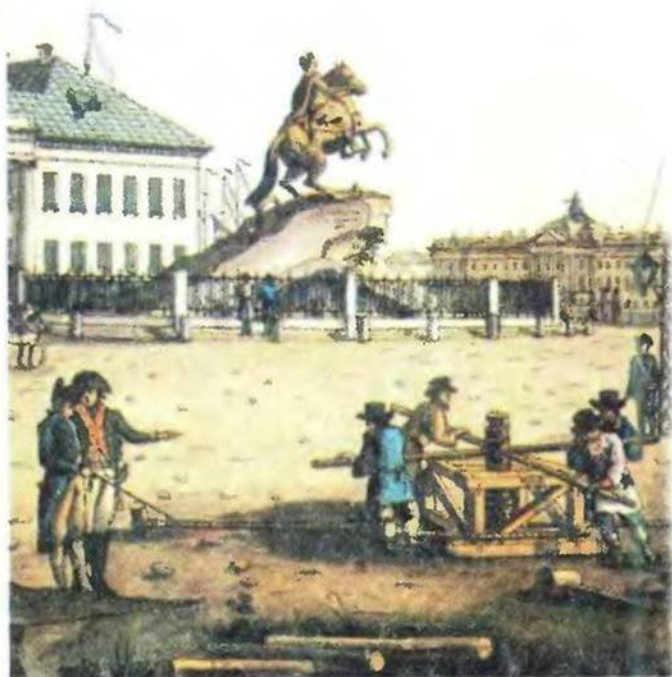
1. Прочитайте ещё раз высказывание великого русского поэта Александра Пушкина о Евангелии (с. 34). В чём состоит «вечно новая прелесть» этой книги?
2. Известно, что Библия — самая читаемая в мире книга. Как вы думаете, почему?
3. Что даёт Библия современному человеку?

Басни известны вам с детства. Вспомните глупую Ворону и хитрую Лису, которая выманила у неё сыр («и с ним была плутовка такова»), крошечную Моську, лающую на Слона, «знаменитый» квартет из Мартышки, Осла,

БАСНИ

Козла и косолапого Мишки, попрыгунью Стрекозу... Все эти басни стихотворные. Строки из них мы вспоминаем в разных жизненных ситуациях. И это не удивительно. Ведь в баснях действуют животные, а высмеиваются люди с их пороками и недостатками.

Кроме животных, в баснях часто действуют люди, иногда — растения и предметы.

Басни, как и мифы, очень древние. Сначала они были прозаическими рассказами с поучительной концовкой. Стихотворные басни возникли позднее.

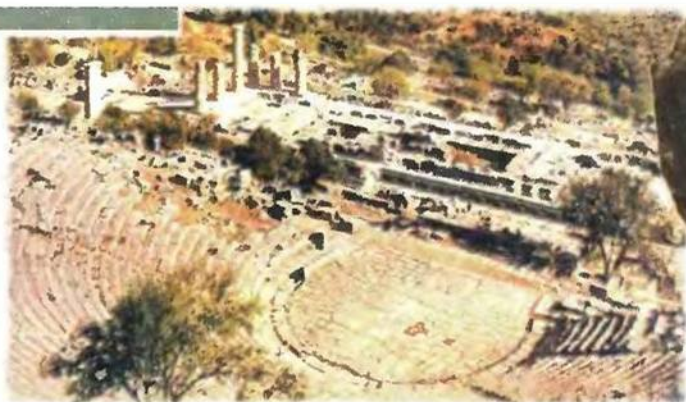
В отличие от мифов, басни — плод авторского творчества, хотя источником их сюжетов является фольклор: сказки, пословицы, анекдоты, притчи.

Первым баснописцем считают Эзопа, древнегреческого раба. Его сюжеты о Волке и Ягнёнке, Коне и Осле, Вороне и Лисице и другие использовали многие авторы — римлянин Федр, француз Лафонтен, россиянин Крылов, украинец Глибов.

Давайте побеседуем

1. Какие стихотворные (или прозаические) басни вы знаете? Кто их авторы?
2. Что привлекает вас в баснях?
3. Какие басни вы помните наизусть? Прочитайте их.

О мудрости Эзопа слагались
целые легенды...

А. Белецкий

Эзоп — полулегендарный древнегреческий баснописец, о котором не сохранилось почти никаких сведений. По преданию, это был хромой раб родом из Фригии — древней страны в северо-западной части Малой Азии. Древние греки произносили его имя иначе, чем мы: Айсопус.

Судьба забросила Эзопа на остров Самос в Эгейском море, где его господином стал рабовладелец Ксант, считавший себя учёным-философом. На самом же деле это был недалёкий, ограниченный человек.

О мудрости Эзопа слагались целые легенды, которые рассказывали о том, что он намного превосходил разумом своих современников. Среди предков современных жителей Самоса — известный с древних времён его владелец Поликрат, ещё более знаменитые математик Пифагор и поэт Анакреонт. Однако их слава не идёт ни в какое сравнение со славой баснописца Эзопа.

Никогда не было на Самосе столько львов, медведей, волков, лисиц, обезьян и других зверей, сколько их в баснях Эзопа. В некоторых из них действуют птицы, рыбы, змеи и даже насекомые. В других — люди: горожане и селяне, богачи и бедняки, охотники и рыбаки, купцы и воры, родители и дети. Иногда в его баснях встречаются

ЭЗОП

(VI в. до н. э.)

древнегреческие боги — Зевс, Гермес, Афина — или очеловеченные солнце, месяц, ветер, море, река и т. д.

Мы до сих пор не знаем, был ли Эзоп автором всех тех басен, которые ему приписывают. Но он первый баснописец, имя которого известно.

Почти все народы мира имеют свои басни, и, что интересно, многие сюжеты их заимствованы у Эзопа, хотя сочинялись они в разных странах, в разное время и на разных языках.

Жизнь Эзопа закончилась трагически: его сбросили со скалы за то, что

¹ Корыстолюбие — стремление к личной выгоде, наживе, жадность.

он посмел упрекнуть жрецов в корыстолюбии¹. Однако Эзоп навсегда остался в человеческой памяти. Его басни и сегодня живут среди нас, они путешествуют по всему миру, переходя от народа к народу.

По А. Белецкому

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная Лисица заметила свесившуюся с лозы гроздь винограда и хотела было достать её, но не могла. Ушла она и говорит: «Он ещё не созрел».

Иной не может сделать что-либо из-за недостатка сил, а винит в этом случай.

КРЕСТЬЯНИН И ЕГО СЫНОВЬЯ

В предсмертный свой час призвал крестьянин своих сыновей и, желая прихотить их к занятию земледелием, говорит им: «Дети мои, я умираю. Обыщите наш виноградник, в нём вы найдёте спрятанным всё, что я имел».

«Должно быть, там зарыт клад», — подумали сыновья и после смерти отца перерыли весь виноградник. Клад они, правда, не нашли, зато хорошо вскопанная почва дала сбор винограда обильней прежнего.

Истинное сокровище для людей — умение трудиться.

ВОЛК И ЯГНЁНОК

Волк увидел, что Ягнёнок пьёт воду из речки, и хотел найти какой-либо подходящий повод, чтоб его съесть. Итак, хоть он и стоял выше по течению, но начал обвинять Ягнёнка, что тот мутит ему воду и не даёт пить. Ягнёнок ответил, что он пьёт, касаясь воды только краешками губ, и что, в конце концов, он, стоя внизу, не может ему мутить воду. Тогда Волк заметил: «В прошлом году ты нагрубил моему отцу». — «Меня тогда ещё на свете не было», — ответил Ягнёнок. Но Волк сказал ему: «Хоть как бы ты ни оправдывался, я всё равно тебя съем».

Даже справедливая защита не властна над теми, кто собрался делать зло.

Вопросы и задания

1. Чем заинтересовали вас басни Эзопа? В чём вы видите их мудрость?
2. Эзоп был рабом и не мог свободно выражать свои мысли. Поэтому он нашёл новую своеобразную форму высказывания — аллегорическую, то есть иносказательную. Перечитайте басни Эзопа и вспомните, в чём состоит иносказание (аллегория).
3. Какие аллегории использует Эзоп в баснях «Лисица и виноград», «Волк и Ягнёнок»?
4. Кого осуждает Эзоп в своих баснях? К чему призывает?
5. Какие знакомые вам особенности басни вы узнаёте в баснях Эзопа? Приведите примеры.
6. Какие вы знаете украинские басни, написанные на сюжеты басен Эзопа?

КРЫЛОВ Иван Андреевич

(1769 – 1844)

И. А. Крылов — великий русский баснописец. Честь, слава и гордость нашей литературы. Он имеет право сказать: «Я знаю Русь, и Русь знает меня».

В. Белинский

Великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова издавна зовут дедушкой Крыловым. На площадке у его памятника в Летнем саду, в Санкт-Петербурге, всегда играет детвора, рассматривает с большим вниманием сидящего в кресле задумавшегося поэта, искусно изображённых героев его басен — разных зверей и птиц, знакомых каждому ребёнку.

Да, мы с детства, со школьной скамьи, а то ещё и до школы знакомимся с крыловскими баснями.

Иван Андреевич Крылов был не только баснописцем. Он писал стихи, водевили¹, издавал журнал. Но сильнее всего его талант проявился в баснях. Он писал так просто, так доходчиво, что каждый легко запоминает их чудесный русский язык, узнаёт русский характер в их героях. Плохое или хорошее изображено кратко, сильно, с такой ясностью, что видишь всех, кто выведен в баснях.

В своих баснях Крылов показывал, что упорный труд, скромность, прилежание, честность — главное в жизни, что ум и храбрость возьмут верх над невежеством² и трусостью.

¹ Водевиль — небольшая весёлая пьеса для постановки на сцене.

² Невежество — отсутствие знаний, бескультурие.

Басни Крылова были широко известны и при его жизни. Они доходили до самых дальних краёв России.

В 1839 году, на юбилее баснописца, поэт Василий Жуковский сказал, что если бы можно было пригласить на этот юбилей всю Россию, то она вся бы пришла, потому что она знает и любит Крылова. Это была правда.

Крылов с таким искусством изображал в своих баснях зверей, что они были как живые. Он умел в двух строках показать целый характер.

Строки крыловских басен стали пословицами и поговорками, вошли в обиходную речь. Вспомним только самые распространённые:

А ларчик просто открывался.

Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

А вы, друзья, как ни садитесь, всё в музыканты не годитесь.

Слона то я и не приметил.

Недаром говорится, что дело мастера боится.

Сильнее кошки зверя нет.

Ай, Моська! Знать, она сильна, что лает на слона.

Много их, этих мудрых крыловских слов, которыми мы пользуемся ежедневно.

Пушкин находил в баснях Крылова отличительные свойства русского народа: «весёлое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Басни Крылова давно проникли за пределы России, и Крылов стал известен и в Англии, и в Америке, и в других странах наряду с великими баснописцами древности и новых времён.

Басни Крылова не стареют, потому что настоящие, поэтически сильные и правдивые слова навечно становятся достоянием народа.

По Н. Тихонову

1. Чем заслужил Иван Андреевич Крылов всенародную славу при жизни?
2. Чем замечательны басни Крылова?
3. Какие басни Крылова вы любите и знаете наизусть?

ВОЛК И ЯГНЁНОК

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим.

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью

напиться;

И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым
рылом

Здесь чистое мутить питьё
Моё
С песком и с илом?!
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручьё
От Светлости его шагов я на сто пью,
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне ещё и от роду нет году», —
Ягнёнок говорит. — «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите,
И если можете, то мне всегда вредите:
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я
слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». —
Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Вопросы и задания

1. Какими вы представляете героев басни — Волка и Ягнёнка? Можно ли сказать, что Крылов использовал сюжет Эзопа? Чем отличается басня Крылова от эзоповской?
2. Какой приём помогает русскому баснописцу ярко и наглядно изобразить аллегорические образы Волка и Ягнёнка?
3. Какие особенности поведения Волка и Ягнёнка подчёркивает автор?

4. Какой должна быть интонация при чтении ролей Волка и Ягнёнка в басне Крылова? Прочитайте эту басню по ролям, выражая своё отношение к её героям.
5. Какие строки из басни «Волк и Ягнёнок» стали пословицами и поговорками?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ВЫРАЗИТЕЛЬНОМ ЧТЕНИИ БАСЕН ПО РОЛЯМ

Во время чтения басен по ролям слова произносятся от лица самих басенных героев. Однако не следует стараться изображать то или иное животное. *Главное — правильно понять причины настроения басенных персонажей и передать это в своём чтении.* Обратите внимание и на то, что герои басен действуют всегда с полной серьёзностью (не могут же они смеяться сами над собой). Поэтому, выступая от их лица, следует тоже сохранять серьёзность. Чем серьёзнее будут чтецы, тем смешнее они будут выглядеть со стороны, тем лучше будет выполнена задача выразительного чтения по ролям.

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Во время выразительного чтения басен по ролям важно понимать причины поведения и настроения басенных героев.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:

Волк, евреи, никогда

Костей не разбирает.

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шее

Засунул к Волку в пасть и с трудностью большою

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! — зверь вскричал коварный, —

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унёс!
 Поди ж, приятель, убирайся,
 Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

? Вопросы и задания

1. Какие новые черты аллегорического образа Волка раскрывает Иван Андреевич Крылов в этой басне? Кого подразумевает автор в образе Волка?
2. Подготовьте выразительное чтение басни «Волк и Журавль», используя советы из статьи «О выразительном чтении басен по ролям».

ОСЁЛ И СОЛОВЕЙ

Осёл увидел Соловья
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружиче!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище:
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твоё услышав пенье,
 Велико ль подлинно твоё умение?»
 Тут Соловей являть своё искусство стал:
 Защёлкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.
 Внимало всё тогда
 Любимцу и певцу Авроры¹:
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
 «Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом:
 Ещё б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился».
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.
 Избави, Бог, и нас от этаких судей.

¹ Аврора — богиня утренней зари; утренняя заря.

? Вопросы и задания

1. Кто обычно скрывается в баснях в образе Осла? Каким вам представляется Осёл из басни Крылова «Осёл и Соловей»?
2. Выразительно прочитайте описание пения Соловья. Какие изобразительные средства использует автор при этом?
3. Обратите внимание на то, как слушали Соловья птицы, стада, пастух. А как оценил пение Соловья Осёл? Как это его характеризует?
4. Нарисуйте иллюстрацию к этой басне.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
Что от неё житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи невдалеке собирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые да два иль три Козла;

Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шёл,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол.
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни,
И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришлось писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи! — Лиса тут приступила, —
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плутам и страшно, и опасно —
Так утопить её в реке». — «Прекрасно!» —
Кричат судьи. На том решили все согласно,
И Щуку бросили — в реку!

Вопросы и задания

1. Кого высмеивает Крылов в басне «Щука»? Какие аллегорические образы этой басни вызывают у нас смех и почему?
2. В каких строках басни Крылов переходит от осмеяния к разоблачению? Прочитайте их выразительно.
3. Рассмотрите иллюстрацию. Как художник использовал приём аллегории?
4. Подумайте, почему в баснях «Волк и Журавль» и «Щука» нет нравов учений. Что их заменяет?
5. Вспомните одноимённую украинскую басню Леонида Глибова. Чем отличаются эти басни? В какой из них авторская характеристика Судей, Щуки и Лисы более полная?

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,

Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! — промолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

? Вопросы и задания

1. Выразительно прочитайте басню «Свинья под Дубом». Передайте при помощи интонации характер и настроение басенных героев, а также авторское отношение к ним.
2. Язык басен Крылова — это язык самого народа, его живая речь. Докажите, что это так, используя текст басни «Свинья под Дубом».

● Для самостоятельной работы

3. Назовите главные художественные особенности басен Крылова. Приведите примеры из изученных басен.
4. Попробуйте исключить из басен диалоги. Как изменится от этого басня?
5. Сделайте рисунки к своим любимым басням Крылова. Инсценируйте понравившиеся вам басни.

■ Для будущих филологов

Подготовьте устное сообщение о некоторых заимствованных сюжетах в баснях И. А. Крылова (см. с.31).

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О БАСНЕ

Почему басня так популярна и любима в народе? Не потому ли, что в коротких басенных рассказах как бы разыгрываются яркие жизненные сценки? А как необычны басенные герои! Ведь чаще всего это животные, которые очень наглядно демонстрируют глупость, невежество, лесть, жадность и т. п. Нетрудно догадаться, что в смешных и грустных басенных историях речь идёт о людях, об их пороках и недостатках.

Такое изображение жизни, в котором есть скрытый смысл, называется *иносказанием* или *аллегорией* (от греч. *allegoria*). Поскольку большинство известных басенных сюжетов восходит

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ!

Басня — это короткий рассказ с аллегорическим (иносказательным) смыслом. Басня всегда поучительна.

к Эзопу, то *иносказательный язык басен называют ещё эзоповым языком*.

На скрытый аллегорический смысл басен указывают и содержащиеся в них нравоучения (мораль), которые бывают в начале или в конце басни. Поэтому, когда мы от души смеемся, слушая басни, то одновременно понимаем, что главный их вывод всегда серьёзен.

Закрепим новые знания

1. Что такое басня? Назовите её основные признаки.
2. Какой «специальный» язык используется в баснях? Какие ещё названия есть у этого языка?
3. Для чего, по вашему мнению, в баснях содержится мораль?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Развёрнутый ответ на вопрос по содержанию басен

Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос «Кого высмеивает И. А. Крылов в басне «Щука»?» (или другой басне).

Для этого:

1. Перечитайте басню, с которой вы будете работать, и определите:
 - чем эта басня вам интересна;
 - связано ли содержание басни с нашей сегодняшней действительностью и если связано, то как именно (что бывает и в наше время);
 - какими представлены персонажи басен и как автор к ним относится;
 - как в языке басни отразилась народная мудрость;
 - какие выражения из этой басни стали пословицами или поговорками.
2. Сделайте вывод: найдите мораль басни и объясните её значение.

Проверим и углубим наши знания

1. Что такое басня? Назовите её отличительные признаки.
2. Чем отличается басня от притчи?
3. Какие бывают басни?
4. Что вы знаете о первом баснописце?
5. Какие эзоповские сюжеты вам известны?
6. Как преобразил басню Иван Андреевич Крылов? Почему его называют великим русским баснописцем?
7. Какой должна быть интонация при выразительном чтении басен по ролям?
8. Прочитайте наизусть одну из басен Крылова.

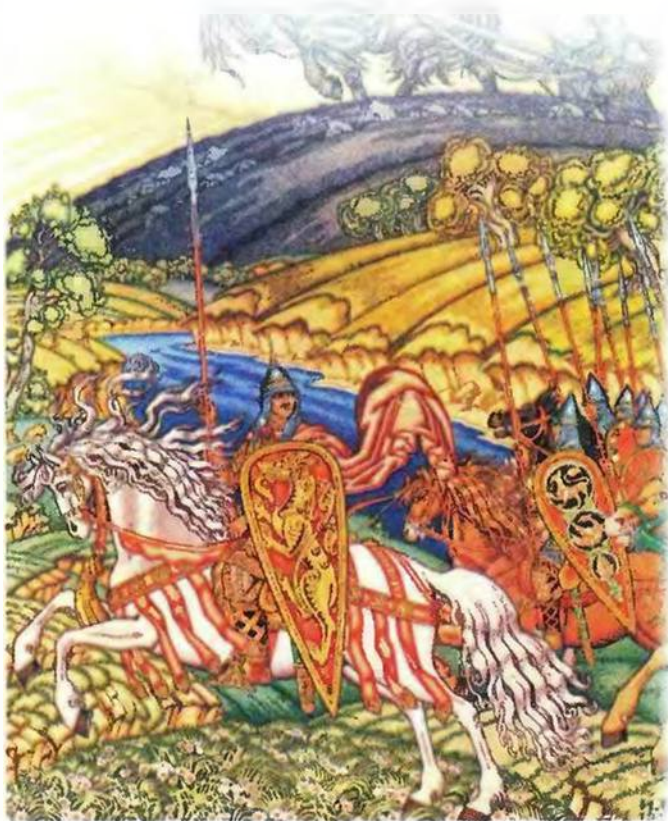
Работа писателя над произведением начинается с замысла.

Художественный замысел — это первая ступень творческого процесса, это набросок, намечающий основу будущего произведения. Как в луковице растения

ТЕМА И ИДЕЯ

ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

или в его почке заложен будущий цветок, так в замысле заложена тема, которая полностью раскроется в законченном автором произведении.

Раскрывая тему произведения, писатель по-своему изображает и оценивает события, жизненные явления, поступки героев.

Встречаются произведения, написанные на одну и ту же тему, об одних и тех же событиях. Вспомните басни Эзопа, Крылова, Глибова «Волк и Ягнёнок». Кажется, всё здесь одинаково. Но эти басни написаны в разное время, в разных странах, и в них отражены и национальные особенности народов, к которым принадлежат авторы, и своеобразие таланта каждого из баснописцев.

Воплощая замысел, писатель создаёт художественное произведение, вкладывая в него огромный труд души. Мысль писателя, его чувства, жизненный опыт и талант сливаются воедино, и на страницах его книг возникают, как писал Константин Паустовский в книге «Золотая роза», «стройные потоки образов» и картин, объединённых главной, основной авторской мыслью — идеей.

В отличие от темы, которую можно подсказать или подарить автору, идею привнести в текст извне невозможно. Художественная идея — не заранее заданная мысль, которую писатель иллюстрирует или подтверждает примерами. Она воплощена в образах, она движет действие и живёт в нём. Глубоко понять идею можно, следуя за писателем по страницам его книги, переживая вместе с героями их радости, беды, успехи, вдумываясь в каждый эпизод, в каждый диалог, в каждое описание. Иногда автор намекает на идею своего произведения с помощью эпиграфа или рассказывает о ней читателю. Но всегда идея — это вывод, подготовленный всем ходом повествования.

Впереди у вас — знакомство с творениями гениев великой русской литературы Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Гоголя, Владимира Короленко. Окунитесь в этот чудный мир — и вы поймёте, как интересны темы, как глубоки и благородны идеи их произведений.

Давайте побеседуем

1. Почему так различны произведения, написанные на одну и ту же тему?
2. Как воплощается автором в художественном произведении его главная мысль, то есть идея?

Слух обо мне пройдёт по всей
Руси великой...
А. Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве 26 мая (по новому стилю 6 июня) 1799 года. Его отец, Сергей Львович, происходил из древнего, но обедневшего дворянского рода. Мать, Надежда Осиповна, была внучкой знаменитого «царского арапа», сподвижника Петра I — Абрама Петровича Ганнибала.

По обычаю того времени, детей в семье Пушкиных воспитывали гувернёры и гувернантки. Когда маленький Пушкин подрос, он открыл для себя целый мир, принявшись читать книги из богатой отцовской библиотеки.

Другом детства Пушкина была его сестра Оля (она была старше на два года). Всем сердцем он был привязан к няне Арине Родионовне и бабушке Марии Алексеевне Ганнибал. В бабушкином подмосковном сельце Захарове Саша проводил каждое лето. Няня рассказывала сказки, пела песни, а Пушкин слушал их всю жизнь с интересом и удовольствием.

«Родионовна принадлежала к благороднейшим типам русского мира, — писал первый биограф поэта П. В. Анненков. — Соединение добродушия и ворчливости, нежного расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце Пушкина неизгладимое воспоминание. Он любил её родственной, неизменной любовью и в годы возмужалости и славы беседовал с нею по целым часам».

ПУШКИН
Александр
Сергеевич

(1799 – 1837)

В 1811 году дядя Пушкина — поэт Василий Львович Пушкин — отвёз мальчика в Петербург, чтобы определить его в только что открытую школу для детей родовитых дворян — Лицей, находившийся под покровительством царя Александра I. Оттого он и был размещён при дворце в Царском Селе. Курс обучения в Лицее был рассчитан на шесть лет.

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие Лицея. В светлом зале собрались воспитанники, преподаватели и знатные гости. На праздник прибыл Александр I со своей семьёй. Одетые в парадную форму, лицеисты были выстроены в три ряда. Молодой профессор политических наук А. П. Куницын обратился к подросткам и юношам (лицеисты были в возрасте от 11 до 16 лет) с волнующим призывом: «Любовь к славе и Отечеству должна быть вашим руководителем! Исполните лестную надежду, на вас возлагаемую, и время вашего воспитания не будет потеряно... Вы будете иметь непосредственное влияние на благо целого общества».

Профессор словесности Н. Ф. Кошанский стал вызывать преподавателей и воспитанников Лицея.

— Александр Пушкин, — громко прочитал он.

Следуя церемониалу¹, из рядов выступил, представляясь императору, двенадцатилетний мальчик со смуглым лицом, вьющимися волосами и большими, умными, сияющими глазами.

После представления лицеистов отправили обедать. Только вечером они остались одни. Устав от официального торжества, сбросив парадные мундиры, убежали в парк. Осень была холодная: выпал первый снег, лицеисты затеяли весёлую игру в снежки... Возбуждение долго не улеглось. Настроение было приподнятым, радостным и немного тревожным.

Начиналась новая жизнь.

День 19 октября запомнился лицеистам. Окончив учение, они ежегодно будут отмечать этот день. В лицее Пушкин нашёл «товарищей и братьев», связь с которыми не прерывалась всю жизнь.

В Лицее определился поэтический дар Пушкина. В романе «Евгений Онегин» Пушкин вспоминал о лицейских годах:

¹ Церемониал — распорядок церемонии; установленный торжественный порядок совершения чего-либо.

² Муза — в древнегреческой мифологии: одна из девяти богинь — покровительниц искусств и наук; творчество, поэтическое вдохновение.

В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза² стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

Самые ранние дошедшие до нас стихотворения Пушкина относятся к 1813 году. С 1814 года он стал печататься. Первое печатное своё стихотворение «К другу стихотворцу» он подписал: Алек-

сандр Нкин (четыре согласные буквы своей фамилии поставил в обратном порядке).

8 января 1815 года в присутствии приславшего на экзамен патриарха русской поэзии Гавриила Державина Пушкин прочитал своё стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Оно поразило слушателей силой патриотических чувств и музыкой стиха. «Я прочёл мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли», — записал позже в автобиографических заметках Пушкин.

Стихотворение «Воспоминания в Царском Селе» было опубликовано в 1815 году в журнале «Российский Музеум» впервые за полным именем поэта: *Александр Пушкин*.

По Г. Макогоненко

1. В какой семье родился будущий великий поэт России? Кто из близких людей оказывал на него большое влияние?
2. Чем интересны и значительны для Александра Пушкина были годы учения в Лицее?
3. Какое впечатление произвёл юный Пушкин на экзамене в Лицее?

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись,
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!

Вечор², ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

¹ Аврора — утрен-
няя заря.

² Вечор — вчера ве-
чером.

Вопросы и задания

1. Какое настроение передал Пушкин в стихотворении «Зимнее утро»?
2. С какими впечатлениями связаны восторг поэта и его восхищение красотой зимнего утра? Обратите внимание на сравнение вечерней выюги и солнечного утра и сопоставьте описанные поэтом картины.
3. Выделите в стихотворении строки, в которых описывается зимнее утро. С помощью каких художественных средств поэт рисует многокрасочную картину ослепительного зимнего утра и передаёт своё душевное состояние?
4. Как вы понимаете значение эпитета «прозрачный» (лес)? О каком лесе идёт речь?
5. Внимательно прочитайте описание комнаты, освещённой утренним солнцем. Почему она «янтарным блеском озарена»? Как вы представляете себе эту картину?
6. Подготовьте выразительное чтение этого стихотворения. Выучите его наизусть.

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы

В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь...

? Вопросы и задания

1. Какие чувства выразил Пушкин в стихотворении «Няне»?
2. В июле 1824 года Пушкина перевели из южной ссылки в Михайловское — имение родителей в Псковской губернии. В этом изгнании его утешительницей и собеседницей была Арина Родионовна. Как обращается поэт к своей старой няне? Как представляет её одинокую жизнь?
3. Какие слова и выражения делают это стихотворение особенно душевным?
4. Определите тему стихотворения «Няне».
5. Прочитайте стихотворение вслух. Старайтесь передать настроение, выраженное автором.

● Это интересно

В последний раз Пушкин виделся со своей няней в Михайловском в сентябре 1827 года. Она прожила после этого ещё около года и скончалась 31 июля 1828 года. Поэт бережно хранил два её письма. В одном из них Анна Вульф (из соседнего имения Тригорского) под диктовку Арины Родионовны писала: «...Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду Вас... Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует.

Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю...

Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За Ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружочек, хорошенько, самому слюбится. Я, слава Богу, здорова, целую Ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня Ваша...»

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ДВУСЛОЖНЫХ РАЗМЕРАХ СТИХА

Стихи мы узнаём по звучанию: они ритмичны. Каждая последующая строка в поэтическом произведении звучит, как предыдущая.

Обратимся к пушкинским строкам и расставим ударения:

Морóз и со́лнце; де́нь чуде́сный!
Ещё ты дре́млешь, дру́г преле́стный...

Обозначим ударные слоги значком « $\acute{}$ », а безударные — значком « — »:

— $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ —
— $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ —

Вы видите, что в каждой строке одинаково повторяются группы из двух слогов. Первый из них — безударный, второй — ударный.

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог, называется **ямбом** (— $\acute{}$).

Возьмём другой пример — из стихотворения Сергея Есенина «Пороша» (его вы учили в пятом классе):

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ

Ямб — двусложный размер стиха с ударением на втором слоге: — $\acute{}$.

Хорей — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге: $\acute{}$ —.

Еду. Тíхо. Слы́шны зво́ны
По́д копы́том на́ снегу́...

И здесь чередуются группы из двух слогов, но ударение падает на первый слог:

$\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ —
 $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ — $\acute{}$ —

Двусложный размер стиха с ударением на первом слоге называется **хореем** ($\acute{}$ —).

Ямбом и хореем написано много стихотворений русских и зарубежных поэтов.

Закрепим новые знания

1. Что такое двусложные размеры стиха?
2. Чем различаются ямб и хорей?
3. Каким размером написано стихотворение Пушкина «Няне»?
4. Приведите свои примеры стихотворений, написанных ямбом и хореем.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам¹,
Их сёла и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник²,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

¹ Хазáры, хозáры — народ, живший в VII—X веках в низовьях Волги, на Северном Кавказе и в северном Причерноморье до Днепра.

² Кудёсник — волхв, волшебник, колдун, предсказатель, прорицатель.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землёю?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий¹ на светлом челе².

Запомни же ныне ты слово моё:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твоё;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И прац³, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

¹ Жрёбий — здесь: будущее, судьба.

² Челó (устар.) — лоб.

³ Прац, праца — сложенный петлёю ремень (или верёвка) для метания камней.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча¹ ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачились думой.
В молчанье, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи², возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром;
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною венций Олег
При звоне весёлом стакана,
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый³?
Здоров ли? Всё так же легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть⁴ бы твоё предсказанье!

¹ Сеча — здесь: бой, битва.

² Отроки-друзи — здесь: слуги князя.

³ Ретивый — быстрый, бойкий.

⁴ Презреть — не обратить внимания, пренебречь.

Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят — на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне¹ плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

¹ Тризна — поминки.

Это интересно

В летописной легенде, включённой в «Повесть временных лет», так рассказывается о смерти киевского князя Олега, жившего во второй половине IX — начале X века: «...Спрашивал волхвов, кудесников: “От чего мне суждено умереть?” И один из кудесников сказал ему: “Князь! Тебе умереть от того коня, которого ты любишь и на котором едшишь”. Олег сказал: “Никогда больше не сяду на этого коня и даже не буду на него смотреть”. И велел он кормить его и не приводить к себе... И вернувшись в Киев, он прожил ещё четыре года, на пятый год вспомнил про своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал Олег своего старого конюха и сказал ему: “Где мой конь, которого я велел кормить и беречь?”

Конюх сказал: “Он умер”. Олег же посмеялся и попрекнул кудесника, говоря: “Неправду говорят волхвы, всё это ложь: конь умер, а я жив”. И велел оседлать себе коня: “Посмотрю на его кости”. И приехал он на место, где лежали голые кости коня и его голый череп, и слез Олег с коня и посмеялся такими словами: “Не от этого ли черепа мне умереть?”, и наступил ногою на череп; и выползла оттуда змея и ужалила ему ногу, он от этого разболелся и умер. И все плакали о нём великим плачем, и понесли его, и погребли на горе, которая называется Щековица».

Вопросы и задания

Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Чем поправились вам «Песнь о вещем Олеге»? Какие её эпизоды вам хотелось бы ещё раз перечитать и почему?
2. Помог ли вам поэт представить картины далёкой старины? Какие поэтические описания позволяют увидеть их особенно наглядно?

Порассуждаем о произведении

3. Часто героями художественных произведений выступают исторические личности. Насколько точно, по вашему мнению, удалось Александру Пушкину изобразить киевского князя Олега? Чем пушкинская «Песнь...» отличается от легенды, изложенной в «Повести временных лет»?
4. Прочитайте выразительно диалог волхва с князем. Как звучит предсказание кудесника? Как характеризует волхва его ответ князю?
5. Как Олег воспринимает предсказание волхва? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
6. Как поэт выражает своё отношение к героям?
7. Важным моментом в легенде об Олеге Пушкин считал трогательную любовь князя к своему коню. Как удалось поэту показать это в своей «Песне...»?
8. Какие верования древних славян отразил Пушкин?
9. Значительные по объёму стихотворные произведения (стихотворения, баллады, поэмы) обычно разделяются на отрезки — строфы. *Строфа* — это группа стихотворных строк (четыре, шесть, восемь и т. д.), объединённых законченной мыслью и определённым, повторяющимся сочетанием рифм. Сформулируйте главную мысль одной-двух строк «Песни...». Укажите в них рифмующиеся строки.
10. Рассмотрите иллюстрации. Как изображена встреча Олега с кудесником? Какие строки стихотворения передают содержание этой иллюстрации?

● Для самостоятельной работы

11. Подготовьте выразительное чтение понравившегося вам отрывка из «Песни о вещем Олеге».
12. Определите тему и идею «Песни о вещем Олеге».

■ Для будущих филологов

Сравните «Песнь о вещем Олеге» Пушкина с летописной легендой о смерти князя Олега и подготовьте об этом сообщение (см. с. 66).

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О БАЛЛАДЕ

«Песнь о вещем Олеге» написана Пушкиным в форме баллады. *Баллада — поэтическое произведение, в котором повествуется об историческом, легендарном или бытовом событии.*

Баллада появилась в романских странах (Франция, Испания, Италия) в средние века и первоначально представляла собой плясовую песню. Название произошло от глагола *ballar* (прованс.) — «плясать». Широкое распространение баллада получила в устном народном творчестве и постепенно теряла связь с танцами.

Под влиянием народной баллады создавались литературные, то есть авторские, баллады.

В России литературная баллада появилась в конце XVIII века. Это были переводные европейские баллады. Первые русские оригинальные баллады «Светлана» и «Людмила» написал поэт Василий Андреевич Жуковский в начале XIX века.

Характерные особенности баллады — таинственность, загадочность содержания, прерывистость повествования, диалоги, повторы, трагический финал.

Источники балладного содержания — легенды, сказки, исторические события и бытовые происшествия, местные поверья и обычаи.

В балладе «Песнь о вещем Олеге» Александр Пушкин не только сохранил особенности баллады, но и внёс в неё много нового, передал дух исторической эпохи, её представления и предрассудки, создал характер язычника Олега в соответствии с летописной легендой, трогательной в своей простоте и наивности.

Баллада популярна также в современной русской и мировой литературе. Интересные баллады сочинял поэт и певец Владимир Высоцкий (1938—1980).

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ

Баллада — поэтическое произведение повествовательного характера с легендарным, историческим или бытовым содержанием.

Закрепим новые знания

1. Что называется балладой?
2. Назовите особенности баллады. Какие из них отражены в пушкинской балладе?
3. Каковы источники содержания баллад?
4. Выразительно прочитайте понравившуюся вам строфу из «Песни о вещем Олеге». Помните, что читать баллады следует так, чтобы вызвать у слушателей ощущение величия древности, значительности описываемых событий или их трагизма, таинственности.

**Учимся работать самостоятельно над текстом
художественного произведения**

**Сравнение художественного произведения
с историческим источником
(баллады Александра Пушкина с летописной легендой)**

Сопоставляя балладу Пушкина с историческим источником (отрывком из «Повести временных лет»), следует:

1. Перечитать отрывок из летописи и «Песнь о вещем Олеге».
2. Установить последовательность событий в летописи и в балладе Пушкина.
3. Установить сходство и различие между летописным рассказом и «Песнью о вещем Олеге»:
 - в описании встречи князя Олега с кудесником;
 - в предсказании волхва князю Олегу;
 - в описании гибели князя Олега.
4. Обратить внимание на краткость изложения событий в летописи и на живописность и выразительность деталей в изображении Пушкина, а также на стремление поэта сохранить дух старины.
5. Показать отличие описания событий в балладе от летописного их изложения.

Как всё великое, благород-
ное и прекрасное, поэзия
Лермонтова бессмертна.

В. Орлов

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич

(1814 – 1841)

Судьба Лермонтова похожа на легенду. За свою короткую и напряжённую жизнь поэт совершил такой творческий подвиг, что его имя по праву стоит после имени Пушкина рядом с именем Гоголя.

Михаил Лермонтов родился в ночь на 3 октября (по новому стилю 15 октября) 1814 года в Москве. В его поэтической душе любовь к родине навсегда слилась с любовью к Москве:

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.

Младенцем Лермонтов был перевезён в Тарханы, поместье его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, расположенное в Пензенской губернии. Здесь среди бесконечных полей, пересечённых оврагами, изредка затенённых дубовыми рощицами, прошло детство поэта.

Мальчик рос в самом сердце России, слышал вокруг себя меткую крестьянскую речь, наблюдал крепостные нравы не только в Тарханах, но и в окрестных поместьях, где ему приходилось бывать со старшими. Песни про Степана Разина, рассказы о крестьянской войне под предводительством Пугачёва рано пробудили у мальчика интерес к истории.

Семейная жизнь родителей Лермонтова сложилась несчастливно. Ему было около трёх лет, когда он потерял мать и остался на попечении бабушки. Распри в семье и смерть матери оставили глубокий след в его памяти, и впоследствии в своих произведениях он не раз возвращался к этим ранним горестным впечатлениям.

Умная и властолюбивая, бабушка Елизавета Алексеевна не поладила с отцом Лермонтова, но сделала всё для того, чтобы дать своему единственному внуку хорошее воспитание.

В 1828 году бабушка определила Михаила в Благородный пансион при Московском университете. Это было лучшее в ту пору среднее учебное заведение, из стен которого вышло много замечательных русских людей. Большое внимание здесь уделялось изучению языков, истории и литературе. Лермонтов принимал участие в собраниях литературного общества, но не только литература увлекала юношу. Он занимался музыкой, играл на скрипке, рисовал.

Ко времени поступления в пансион Лермонтов уже начал писать стихи. Многие из его юношеских стихотворений поражают глубиной содержания и впечатляющей силой, с какой удавалось ему выразить свои мысли и настроения. Вскоре Лермонтов переходит учиться в Московский университет на словесное отделение, и здесь за два года создаёт около двухсот стихотворений, несколько поэм, три драмы. Его творчество этих лет проникнуто героическим духом. «Я жить хочу!», «Мне нужно действовать», «Так жизнь скучна, когда боренья нет» — вот самые сильные, самые настойчивые и самые постоянные ноты ранней поэзии Лермонтова.

По В. Мануйлову

1. В какой атмосфере прошли детские годы Михаила Лермонтова? Чем они были омрачены?
2. Как проявился талант юного Лермонтова?
3. Чем вам запомнилось стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Бородино»? Прочитайте наизусть любимившиеся вам строки из этого стихотворения.

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

? Вопросы и задания

1. Каким настроением проникнуто стихотворение Михаила Лермонтова «Парус»?
2. На какие размышления наводит поэта увиденный им в море одинокий парус?
3. Какие картины меняющегося моря рисует Лермонтов? Какие эпитеты и олицетворения помогают ему в этом?
4. Как вы понимаете смысл двух последних строк этого стихотворения?
5. Прочитайте стихотворение «Парус» выразительно, соблюдая правильный темп чтения и соответствующую интонацию.
6. Определите, каким размером написано стихотворение «Парус».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О СОБЛЮДЕНИИ РИТМА ЧТЕНИЯ

Наиболее ощутимое выражение ритма мы находим в поэтической речи. *Ритм* — это чередование ударных и безударных слогов в определённом порядке, через равные промежутки времени.

Соблюдение ритма чтения — это умение не только уловить чередование ударных и безударных слогов, но и выделить важные в смысловом отношении слова, то есть логические ударения, а также паузы (логические и ритмические), рифмы, повторы.

Попробуем прочитать выразительно первую строфу стихотворения Лермонтова «Парус» и определить, что влияет на её ритм. Слово, на которое падает логическое ударение, подчеркнём горизонтальной линией, логическую паузу обозначим одной вертикальной линией, ритмическую — двумя.

Белеет | парус одинокой ||
В тумане | моря голубом!... ||
Что ищет он | в стране далёкой? ||
Что кинул он | в краю родном?.. ||

Как видим, в первой и второй, третьей и четвёртой строках логические ударения и логические паузы располагаются одинаково, повторяется вопросительная интонация. Поэтому начало стихотворения «Парус» читается в спокойном, плавном ритме.

Теперь определим ритм второй строфы:

Играют волны | — ветер свищет, ||
И мачта гнётся | и скрепит... ||

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ

Ритм стихотворения определяется не только равномерным чередованием ударных и безударных слогов; он всегда связан с содержанием и интонацией стихотворения.

Увы! | он счастья не ищет ||

И не от счастья | бежит! ||

Обратите внимание, что в третьей строке этой строфы не два, как в других строках, а три логических ударения, и логическая пауза занимает иное место. Поэтому и ритм второй строфы меняется: он становится более напряжённым и прерывистым.

Закрепим новые знания

1. Что значит — соблюдать ритм чтения?
2. Прочитайте в классе понравившееся вам стихотворение Михаила Лермонтова, правильно соблюдая ритм чтения.

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей¹ зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!».

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,

¹ Ку́ща — листва.

И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюду за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке¹ наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса² вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

¹ Лу́ка — выступающий изгиб края седла.

² Фа́рис (араб.) — наездник, всадник.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный¹ свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.
И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

¹ Уро́чный — опреде-
лённый, обычный,
привычный.

Вопросы и задания

1. Как рисует Лермонтов красоту восточной природы в стихотворении «Три пальмы»?
2. Почему пальмы были недовольны своей судьбой? Чего они больше всего желали?
3. Какие языковые средства помогают вам ярче представить восточный пейзаж?
4. Есть ли объяснение жестокому поведению людей, уничтоживших красоту?
5. Сравните первую и последнюю строфы стихотворения. Чем потрясает это сравнение?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения «Три пальмы». Можно ли это стихотворение назвать балладой?
7. В Сирии стихотворение Михаила Лермонтова «Три пальмы» переведено на арабский язык, и дети в школах учат его наизусть. Как вы думаете, почему стихотворение русского поэта заинтересовало сирийцев?

Картина И. Шишкина создана под впечатлением стихотворения М. Лермонтова. Какое настроение передано в ней? Совпадает ли оно с настроением лермонтовского стихотворения?

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна.
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горячем
Прекрасная пальма растёт.

Генрих Гейне

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Huh'.
Ihn schlüfert; mit weisser Decke
Umhüllen ihn Eis und Schnee.

Кедр стоит одиноко
На севере на голой высоте.
Ему снится, что белым одеялом
Его окутывает лёд и снег.

Er trdumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend trauert
Auf brennender Felsenwand.

Он мечтает о пальме,
Которая далеко на востоке
Одиноко и молча грустит
На пылающей скале.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Вопросы и задания

1. Какие мысли и чувства вызывают у вас эти стихотворения? Выразительно прочитайте их, передавая настроение поэта.
2. Найдите слова, которые повторяются в этих стихотворениях. Как они помогают понять их главную мысль?
3. Какой общей темой объединены стихотворения Михаила Лермонтова «На севере диком...» и «Утёс»? Какие поэтические картины изображены в них?

■ Для будущих филологов

1. Стихотворение Лермонтова «На севере диком...» является вольным (свободным) переводом стихотворения немецкого поэта Генриха Гейне. Ознакомьтесь с подстрочником (дословным переводом) оригинала и сделайте вывод о достоинствах художественного перевода Михаилом Лермонтовым стихотворения Генриха Гейне.
2. Прочитайте в классе любимые вами стихотворения Михаила Лермонтова.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

ОБ ИДЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вы уже знаете, что такое тема художественного произведения — это то, о чём рассказывает автор, основной круг жизненных явлений, изображённых в произведении. Очень часто писатели указывают тему в заглавии. Вспомните названия произведений Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Ивана Тургенева, Марка Твена, других писателей, и вы убедитесь в этом.

Обращаясь к той или иной теме, писатель всегда стремится донести до читателя главную, волнующую его мысль. Почему Лермонтов выбрал для перевода стихотворение Гейне? Оно давало ему возможность, творчески переработав оригинал, выразить своё мироощущение в стихотворении «На севере диком...». Мятая душа поэта ищет сердечного тепла, участия, отклика на свои чувства — и не встречает его, и страдает от душевного одиночества. Эта же поэтическая мысль воплощена и в стихотворении «Утёс». Беспредельным пространством (север—юг) разъединены сосна и пальма; двум разным стихиям (земля и небо) принадлежат утёс и тучка. Они обречены на одиночество в пустыне, в пустынном мире.

Какая мысль волновала Лермонтова, вдохновляя его на создание стихотворения «Парус»? Перечитайте стихотворение. Вы, наверное, обратили внимание на то, что первые две строки каждой строфы — это пейзаж, две последние — «отзыв» на него, в котором выражено душевное состояние героя. Это состояние контрастно пейзажу.

Гармония в природе противопоставлена порывам беспокойного человеческого духа. Центральный образ — парус — характеризуется эпитетом «одинокый». Главная поэтическая мысль «Паруса» — выражение порыва к буре, к борьбе, вечный поиск гармонии и отрицание покоя.

Мысль об одиночестве человека, брошенного в море жизни, вечно мятущегося и не знающего счастья ни в бурях, ни в покое, — эта основная мысль и является идеей стихотворения «Парус».

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Идея — основная, главная мысль произведения.

Закрепим новые знания

1. Что такое идея художественного произведения?
2. Определите идею (главную мысль) стихотворения Михаила Лермонтова «Три пальмы».

ГОГОЛЬ Николай Васильевич

(1809 – 1852)

Перед Гоголем должно благоговеть¹ как пред человеком, одарённым самым глубоким умом и самою нежною любовью к людям!..

Т. Шевченко

Для своих современников Гоголь очень скоро стал любимым автором. Ни с чем не сравнимый восторг читателей после выхода в свет его «Вечеров на хуторе близ Диканьки» выражался в многочисленных откликах на книгу. Вот один из них: «...Его повсюду читали точно запоем. Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду ещё не известный никому юмор — всё это подействовало просто опьяняющим образом». Откуда же почерпнул молодой двадцатидвухлетний автор и эти характеры, и язык, и эту никому не известную весёлость?

Николай Васильевич Гоголь родился в Украине в местечке Сорочинцы Полтавской губернии. Мать Гоголя, Мария Ивановна, женщина чрезвычайно красивая и очень добрая, вспоминала: «Жизнь моя была самая спокойная; характер у меня и у мужа был весёлый. Мы окружены были добрыми соседями». Отец, Василий Афанасьевич, умел занимательно рассказывать о чём бы ему ни вздумалось, приправляя свои рассказы врождённым украинским юмором. Он сочинял комедии, которые тут же разыгрывались в домашнем театре

¹ Благоговеть — относиться с глубочайшим почтением.

в доме богатого соседа, дальнего родственника Гоголей — Д. П. Трощинского.

Каждую осень в Васильевке, где жила семья Гоголей, устраивалась ярмарка. Эту ярмарку Гоголь наблюдал с детства, а потом изобразил под названием Сорочинской. По вечерам молодёжь собиралась послушать рассказы о старом времени, о чудесах. «Тут-то бывали настоящие «вечера на хуторе», которые Николай Васильевич... поместил близ Диканьки, тут-то он видал этих неистощимых балагуров, этих оригиналов и деревенских франтов, которых изобразил потом», — утверждал первый биограф Гоголя украинский писатель Пантелеймон Кулиш.

В одиннадцатилетнем возрасте Гоголь поступил в Нежинскую гимназию высших наук (лицей). Здесь начались первые литературные опыты будущего писателя. Увлечение литературой сменялось увлечением живописью и театром. Мальчики-гимназисты завели свой театр, сами рисовали декорации, мастерили костюмы, разыгрывали пьесы. На их спектакли съезжалось много народу. Юный Гоголь был прекрасным актёром: в памяти зрителей остались его комические роли, которые он исполнял так, что все покатывались от хохота. Детские и юношеские впечатления станут в дальнейшем основой для его первых литературных произведений.

Приехав после окончания гимназии в Петербург, Гоголь не забывает о своей родной Украине. В письмах к матери он просит: «Вы имеете тонкий, наблюдательный ум, вы знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и потому, я знаю, вы не откажетесь сообщить мне их в нашей переписке. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как всё это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян, — равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками... Ещё — обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей... Ещё несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках...»

Так возникает поэтический мир Украины — и Оксана перед зеркалом, и дед, играющий с ведьмами в «дурня», и комические дьяки, как будто перенесённые в повести Гоголя из народного театра.

В Петербурге Гоголь бывает на литературных вечерах, знакомится с В. А. Жуковским и А. С. Пушкиным. Это было светлое время в жизни Гоголя, когда он почти каждый день встречался со знаменитыми поэтами. Гоголь был счастлив: он, молодой человек, ещё ничем не прославившийся, принят в их обществе как равный.

А в это время печатается первая часть «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и Гоголь описывает Пушкину веселье наборщиков, которые смеялись, читая рукопись. После выхода книга сразу же становится популярной. Особый интерес при этом вызывала Украина. Украинская народная поэзия была близка, понятна и в то же время непривычна. Эта

роскошь южной природы, эта непринуждённая весёлость, игры парубков и гордая свобода девушек привлекали необыкновенно. Занимательность рассказа основывалась на сказочных, фантастических сюжетах. Имени автора на книге не было, вместо этого на титуле обозначено: «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком».

Александр Пушкин был поражён поэзией «Вечеров». Он признавался: «... всё это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился». Гоголевские «Вечера» заставили читателя смеяться так, как он давно не смеялся.

По Н. Марченко

1. Где прошли детские и юношеские годы Николая Гоголя?
2. Какое влияние оказала семья и окружающая среда на формирование характера будущего писателя?
3. Почему для своих современников Гоголь очень скоро стал любимым автором?
4. Какие из произведений Николая Васильевича Гоголя вам знакомы? Приходилось ли вам видеть теле- или кинофильмы, поставленные по его произведениям? Расскажите о них.

Это интересно

Известно, что Гоголь был большим книголюбом. В гимназические годы свои карманные деньги (а их было немного) он тратил на книги. По воспоминаниям товарищей, книги, которые стоили дорого, — поэмы Пушкина «Цыганы», «Полтава», «Братья-разбойники», главы «Евгения Онегина» — Гоголь тщательно переписывал на самой лучшей бумаге с рисунками собственного исполнения. Гимназисты завели свою библиотеку и в складчину выписывали лучшие современные издания: сочинения Пушкина, Жуковского, журнал «Московский телеграф» и др. Библиотекарем выбрали Гоголя.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

(В сокращении)

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо посветить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать¹ и славить Христа.

Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек

выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками, с дьявольски сплетённую плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, заметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросёнков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала сверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестили. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с комиссаровой брички, и тогда бы

¹ Колядовать у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяйину, хозяйке, детям и всему дому. *Замечание пасичника. (Примеч. Н. В. Гоголя.)*

не распознал, что это такое. Спереди совершенно немец¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь он был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колокольчиками к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдёрнул её назад, как бы обжёгшись, сосал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдёрнул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывая его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывало, побежал далее.

В Диканьке никто не слышал, как чёрт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том всё село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех. Но какая же была причина решиться чёрту на такое беззаконное дело? А вот какая: он знал, что богатый козак Чуб приглашён дьяком на кутью, где будут: голова; приехавший из архиерейской певческой родич дьяка в синем сюртуке, бравший самого низкого баса; козак Свербыгуз и ещё кое-кто; где, кроме кутьи, будет варенуха, перегонная на шафран водка и много всякого съестного.

А между тем его дочка, красавица на всём селе, останется дома, а к дочке, наверное, придёт кузнец, силач и детина хоть куда, который

чёрту был противнее проповедей отца Кондрата. В досужее от дел время кузнец занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всём околотке. Сам ещё тогда здравствовавший сотник Л...ко вызывал его нарочно в Полтаву выкрасить дощатый забор около его дома. Все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ, были размалёваны кузнецом. Кузнец был богобоязливый человек и писал часто обра-

¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец. (Примеч. Н. В. Гоголя.)

за святых: и теперь ещё можно найти в Т... церкви его евангелиста Луку. Но торжеством его искусства была одна картина, намалёванная на стене церковной в правом притворе, в которой изобразил он Святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный чёрт метался во все стороны, предчувствуя свою гибель, а заключённые прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем чем ни попало. В то время, когда живописец трудился над этою картиною и писал её на большой деревянной доске, чёрт всеми силами старался мешать ему: толкал невидимо под руку, подымал из горнила в кузнице золу и обсыпал ею картину; но, несмотря на всё, работа была кончена, доска внесена в церковь и вделана в стену притвора, и с той поры чёрт поклялся мстить кузнецу.

Одна только ночь оставалась ему шататься на белом свете; но и в эту ночь он выискивал чем-нибудь выместить на кузнице свою злобу. И для этого решился украсть месяц, в той надежде, что старый Чуб ленив и не лёгок на подъём, к дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, мимо мельниц, мимо кладбища, огибала овраг. Ещё при месячной ночи варенуха и водка, настоянная на шафран, могла бы заманить Чуба, но в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить его с печки и вызвать из хаты. А кузнец, который был издавна не в ладах с ним, при нём ни за что не отважится идти к дочке, несмотря на свою силу.

Таким-то образом, как только чёрт спрятал в карман свой месяц, вдруг по всему миру сделалось так темно, что не всякий бы нашёл дорогу к шинку, не только к дьяку. Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Тут чёрт, подъехавши мелким бесом, подхватил её под руку и пустился нащёптывать на ухо то самое, что обыкновенно нащёптывают всему женскому роду. Чудно устроено на нашем свете! Всё, что ни живёт в нём, всё силится перенимать и передразнивать один другого. Прежде, бывало, в Миргороде один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а всё мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрывкою. Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе нанковые на лето шаровары и жилет из полосатого гаруса. Словом, всё лезет в люди! Когда эти люди не будут суетны! Можно побиться об заклад, что многим покажется удивительно видеть чёрта, пустившегося и себе туда же. Досаднее всего то, что он, верно, воображает себя красавцем, между тем как фигура — взглянуть совестно. Рожа, как говорит Фома Григорьевич, мерзость мерзостью, однако ж и он строит любовные куры! Но на небе и под небом так сделалось темно, что ничего нельзя было видеть, что происходило далее между ними.

— Так ты, кум, ещё не был у дьяка в новой хате? — говорил козак Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому, в коротком тулупе, мужику с обросшею бородою, показывавшею, что уже более двух недель не прикасался к ней обломок косы, которым обыкновенно мужики бреют свою бороду за неимением бритвы. — Там теперь будет добрая попойка! — продолжал Чуб, ослабив при этом своё лицо. — Как бы только нам не опоздать.

При сём Чуб поправил свой пояс, перехватывавший плотно его тулуп, нахлобучил крепче свою шапку, стиснул в руке кнут — страх и грозу докучливых собак; но, взглянув вверх, остановился...

— Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!..

— Что? — произнёс кум и поднял свою голову также вверх.

— Как что? месяца нет!

— Что за пропасть! В самом деле нет месяца.

— То-то что нет, — выговорил Чуб с некоторою досадою на неизменное равнодушие кума. — Тебе небось и нужды нет.

— А что мне делать!

— Надобно же было, — продолжал Чуб, утирая рукавом усы, — какому-то дьяволу, чтоб ему не довелось, собаке, поутру рюмки водки выпить, вмешаться!.. Право, как будто на смех... Нарочно, сидевши в хате, глядел в окно: ночь — чудо! Светло, снег блещет при месяце. Всё было видно, как днём. Не успел выйти за дверь — и вот, хоть глаз выколи!

Чуб долго ещё ворчал и бранился, а между тем в то же время раздумывал, на что бы решиться. Ему до смерти хотелось покалякать о всяком вздоре у дьяка, где, без всякого сомнения, сидел уже и голова, и приезжий бас, и дегтярь Микита, ездивший через каждые две недели в Полтаву на торги и отпускавший такие шутки, что все миряне брались за животы со смеху. Уже видел Чуб мысленно стоявшую на столе варенуху. Всё это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила ему о той лени, которая так мила всем козакам. Как бы хорошо теперь лежать, поджавши под себя ноги, на лежанке, курить спокойно люльку и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни весёлых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами. Он бы, безо всякого сомнения, решил на последнее, если бы был один, но теперь обоим не так скучно и страшно идти тёмною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым. Окончивши побранки, обратился он снова к куму:

— Так нет, кум, месяца?

— Нет.

— Чудно, право! А дай понюхать табаку. У тебя, кум, славный табак! Где ты берёшь его?

— Кой чёрт, славный! — отвечал кум, закрывая берёзовую тавлинку, исколотую узорами. — Старая курица не чихнёт!

— Я помню, — продолжал всё так же Чуб, — мне покойный шинкарь Зозуля раз привёз табаку из Нежина. Эх, табак был! добрый табак был! Так что же, кум, как нам быть? ведь темно на дворе.

— Так, пожалуй, останемся дома, — произнёс кум, ухватясь за ручку двери.

Если бы кум не сказал этого, то Чуб, верно бы, решился остаться, но теперь его как будто что-то дёргало идти наперекор.

— Нет, кум, пойдём! нельзя, нужно идти!

Сказавши это, он уже и досадовал на себя, что сказал. Ему было очень неприятно тащиться в такую ночь; но его утешало то, что он сам нарочно этого захотел и сделал-таки не так, как ему советовали.

Кум, не выразив на лице своём ни малейшего движения досады, как человек, которому решительно всё равно, сидеть ли дома или тащиться из дому, обсмотрелся, почесал палочкой батога свои плечи, и два кума отправились в дорогу.

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то что и с ним поступало было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными очами и невыразимо приятной усмешкой, проживавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевилились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отдвигая несколько подалее от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я

тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидеть богаче галуна! Всё это накопил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, повернулась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг проникнете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, моё серденько, после праздника будет готов. Если бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

— Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепнувших жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хочу, — сказал бы я царю, — ни каменьев дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Так тебе весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому».

посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» — прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт прыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смёрзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатою горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. Но так как это животное проворнее всякого франта в чулках, то не мудрено, что он наехал при самом входе в трубу на шею своей любовницы, и оба очутились в просторной печке между горшками.

Путешественница отодвинула потихоньку заслонку, поглядеть, не назвал ли сын её Вакула в хату гостей, но, увидевши, что никого не было, выключая только мешки, которые лежали посреди хаты, вылезла из печки, скинула тёплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездила на метле.

Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею в такие года. Однако ж она так умела причаровать к себе самых степенных козаков (которым, не мешая, между прочим, заметить, мало было нужды до красоты), что к ней хаживал и голова, и дьяк Осип Никифорович (конечно, если дьячихи не было дома), и козак Корний Чуб, и козак Касьян Свербыгуз. И, к чести её сказать, она умела искусно обходиться с ними. Ни одному из них и в ум не приходило, что у него есть соперник. Шёл ли набожный мужик, или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, — как не зайти к Солохе, не поест жирных с сметаною вареников и не поболтать в тёплой избе с говорливой и угодливой хозяйкой. И дворянин нарочно для этого давал большой крюк, прежде чем достигал шинка, и называл это — заходить по дороге. А пойдёт ли, бывало, Солоха в праздник в церковь, надевши

яркую плахту с китайчатою запаскою, а сверх её синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станет прямо близ правого крылоса, то дьяк уже верно закашливался и прищуривал невольно в ту сторону глаза; голова гладил усы, заматывал за ухо оселедец и говорил стоявшему близ его соседу: «Эх, добрая баба! чёрт-баба!»

Солоха кланялась каждому, и каждый думал, что она кланяется ему одному. Но охотник мешаться в чужие дела тотчас бы заметил, что Солоха была приветливее всего с козаком Чубом. Чуб был вдов; восемь скирд хлеба всегда стояли перед его хатою. Две пары дюжих волов всякий раз высовывали свои головы из плетёного сарая на улицу и мычали, когда завидывали шедшую куму — корову, или дядю — толстого быка. Бородатый козёл взбирался на самую крышу и дребезжал оттуда резким голосом, как городничий, дразня выступавших по двору индеек и оборачиваясь задом, когда завидывал своих неприятелей, мальчишек, издевавшихся над его бородою. В сундуках у Чуба водилось много полотна, жупанов и старинных кунтушей с золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. В огороде, кроме маку, капусты, подсолнечников, засевалось ещё каждый год две нивы табаку. Всё это Солоха находила не лишним присоединить к своему хозяйству, заранее размышляя о том, какой оно примет порядок, когда перейдёт в её руки, и удваивала благосклонность к старому Чубу. А чтобы каким-нибудь образом сын её Вакула не подъехал к его дочери и не успел прибрать всего себе, и тогда бы наверно не допустил её мешаться ни во что, она прибегнула к обыкновенному средству всех сорокалетних кумушек: ссорить как можно чаще Чуба с кузнецом. Может быть, эти самые хитрости и сметливость её были виною, что кое-где начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали где-нибудь на весёлой сходке лишнее, что Солоха точно ведьма; что парубок Кизяколупенко видел у неё сзади хвост величиною не более бабьего веретена; что она ещё в позапрошлый четверг чёрною кошкою перебежала дорогу; что к попадье раз прибежала свинья, закричала петухом, надела на голову шапку отца Кондрата и убежала назад.

Случилось, что тогда, когда старушки толковали об этом, пришёл какой-то коровий пастух Тымиш Коростявый. Он не преминул рассказать, как летом, перед самою Петровкою, когда он лёг спать в хлеву, подмостивши под голову солому, видел собственными глазами, что ведьма, с распущенною косою, в одной рубашке, начала доить коров, а он не мог пошевелиться, так был околдован; подоивши коров, она пришла к нему и помазала его губы чем-то таким гадким, что он плевал после того целый день. Но всё это что-то сомнительно, потому что один только сорочинский заседатель может увидеть ведьму. И оттого все именитые козаки махали руками, когда слышали такие речи. «Брежут сучи бабы!» — бывал обыкновенный ответ их.

Вылезши из печки и оправившись, Солоха, как добрая хозяйка, начала убирать и ставить всё к своему месту, но мешков не тронула: «Это Вакула принёс, пусть же сам и вынесет!» Чёрт между тем, когда ещё влетал в трубу, как-то нечаянно оборотившись, увидел Чуба об руку с кумом, уже далеко от избы. Вмиг вылетел он из печки, перебежал им дорогу и начал разрывать со всех сторон кучи замёрзшего снега. Поднялась метель. В воздухе забелело. Снег метался взад и вперёд сетью и угрожал залепить глаза, рот и уши пешеходам. А чёрт улетел снова в трубу, в твёрдой уверенности, что Чуб возвратится вместе с кумом назад, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах взять в руки кисть и малевать обидные карикатуры...

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась, и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Всё осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза ещё живее горят щёки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперерыв спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек, — у тебя новые черевички! Ах, какие хорошие! и с золо-

том! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевики, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да, — продолжала гордо красавица, — будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевики, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без неё на селе. Да что Оксана? с неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевики, выйду за тебя замуж!» Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шёл и ничего не видал и не участвовал в тех весёлостях, которые когда-то любил...

Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошёл к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в её хате, завернул к ней, в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, — шептал голова. — Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углем; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк вошёл, побряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у неё и не испугался метели. Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

— А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.

— Гм! рука! хе! хе! хе! — произнёс сердечно довольный своим началом дьяк и прошёлся по комнате.

— А это что у вас, дражайшая Солоха? — произнёс он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив ее слегка рукою за шею, и таким же порядком отскочив назад.

— Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. — Шея, а на шее монисто.

— Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! — И дьяк снова прошёлся по комнате, потирая руки.

— А это что у вас, несравненная Солоха?.. — Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк. — Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдёт до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродетельная Солоха, — говорил он, дрожа всем телом. — Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трина... трин... Стучатся, ей-богу, стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал?.. — продолжал Чуб, показав на лице своём весёлую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замёрзло от проклятого морозу. Послал же Бог такую ночь перед Рождеством. Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась вьюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то, — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнёс, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъяснить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжёлый мужик и поместил свои замёрзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошёл, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрузнее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок верёвка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец, — не хочу думать о ней; а всё думается, и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой чёрт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено ещё что-нибудь, кроме угля. Дурень я! я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углем не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет, — вскричал он, помолчав и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, все подыму. — И бодро взвалил себе на плечи мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. — Взять и этот, — продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, чёрт. — Тут, кажется, я положил струмент свой. — Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню:

Мені з жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку и ревел во всё горло:

Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку каши,
Кільце ковбаски!

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролёт готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и ещё белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился с своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули; бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дык заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит чёрными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся». Как будто невольной, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

— А, Вакула, ты тут! здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевики, которые носит царица, достал? достань черевики, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... — произнёс он наконец. — Но Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить

конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивленною, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст Бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился! — говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести духа. «Куда я, в самом деле, бегу? — подумал он, — как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал безо всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что, какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило толь-

ко пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нём нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки, перед небольшою кадучкою, на которой стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — ещё ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложкою, а этот и руки не хочет поднять!»

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

— Я к твоей милости пришёл, Пацюк! — сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

— Ты, говорят, не во гнев будь сказано... — сказал, собираясь с духом, кузнец, — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, — приходишься немного сродни чёрту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился всё ещё напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожидая, что Пацюк, схвативши кадучку вместе с мискою, пошлёт ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободрённый кузнец решился продолжать:

— К тебе пришёл, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! — Кузнец иногда умел вернуть модное слово; в том он понаторел в бытность ещё в Полтаве, когда размалёвывал сотнику дощатый забор. — Пропадать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? — произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, — как мне быть?

— Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришёл к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон, — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец, — свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи, хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, — произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» — безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, — говорил он сам себе, — как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, заметя притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня *Голодная кутья*, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом ему на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет

сегодня же наша, — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости, вспомнивши, как будет дразнить в аде всё хвостатое племя, как будет беситься хромой чёрт, считавшийся между ними первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватить чёрта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, чёрт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сем слове он сотворил крест, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё, что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!

— Куда? — произнёс печальный чёрт.

— В Петембург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя поднимающимся на воздух.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Уже внутри её что-то говорило, что она слишком жестоко поступила с ним. Что, если он в самом деле решится на что-нибудь страшное? «Чего доброго! может быть, он с горя вздумает влюбиться в другую и с досады станет называть её первою красавицею на селе? Но нет, он меня любит. Я так хороша! Он меня ни за что не променяет; он шалит, прикидывается. Не пройдёт минут десять, как он, верно, придёт поглядеть

на меня. Я в самом деле сурова. Нужно ему дать, как будто нехотя, поцеловать себя. То-то он обрадуется!» И ветреная красавица уже шутила со своими подругами.

— Пойдите, — сказала одна из них, — кузнец позабыл мешки свои; смотрите, какие страшные мешки! Он не по-нашему наколядовал: я думаю, сюда по целой четверти барана кидали; а колбасам и хлебам, верно, счёту нет! Роскошь! целые праздники можно объедаться.

— Это кузнецовы мешки? — подхватила Оксана. — Утащим скорее их ко мне в хату и разглядим хорошенько, что он сюда накладал.

Все со смехом одобрили такое предложение.

— Но мы не поднимем их! — закричала вся толпа вдруг, сиюсь сдвинуть мешки.

— Пойдите, — сказала Оксана, — побежим скорее за санками и отвезём на санках!

И толпа побежала за санками.

Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках, несмотря на то что дьяк проткнул для себя пальцем порядочную дыру. Если бы ещё не было народу, то, может быть, он нашёл бы средство вылезть; но вылезть из мешка при всех, показать себя на смех... это удерживало его, и он решился ждать, слегка только покряхтывая под невежливыми сапогами Чуба. Чуб сам не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но как скоро услышал решение своей дочери, то успокоился и не хотел уже вылезть, рассуждая, что к хате своей нужно пройти, по крайней мере, шагов с сотню, а может быть, и другую. Вылезши же, нужно оправиться, застегнуть кожух, подвязать пояс — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дивчата довезут на санках...

Голова решился молчать, рассуждая: если он закричит, чтобы его выпустили и развязали мешок, — глупые дивчата разбегутся, подумают, что в мешке сидит дьявол, и он останется на улице, может быть, до завтра.

Девушки между тем, дружно взявшись за руки, полетели, как вихорь, с санками по скрипучему снегу. Множество, шали, садилось на санки; другие взбирались на самого голову. Голова решился сносить всё. Наконец приехали, отворили настежь двери в сенях и хате и с хохотом втащили мешок.

— Посмотрим, что-то лежит тут, — закричали все, бросившись развязывать.

Тут икотка, которая не переставала мучить голову во всё время сидения его в мешке, так усилилась, что он начал икать и кашлять во всё горло.

— Ах, тут сидит кто-то! — закричали все и в испуге бросились вон из дверей.

— Что за чёрт! куда вы мечетесь как угорелые? — сказал, входя в дверь, Чуб.

— Ах, батю! — произнесла Оксана, — в мешке сидит кто-то!

— В мешке? где вы взяли этот мешок?

— Кузнец бросил его посреди дороги, — сказали все вдруг.

«Ну, так, не говорил ли я?..» — подумал про себя Чуб.

— Чего ж вы испугались? посмотрим. А ну-ка, чоловіче, прошу не погневиться, что не называем по имени и отчеству, вылезай из мешка!

Голова вылез.

— Ах! — вскрикнули девушки.

— И голова влез туда же, — говорил про себя Чуб в недоумении, мериая его с головы до ног, — вишь как!.. Э!.. — более он ничего не мог сказать.

Голова сам был не меньше смущён и не знал, что начать.

— Должно быть, на дворе холодно? — сказал он, обращаясь к Чубу.

— Морозец есть, — отвечал Чуб. — А позволь спросить тебя, чем ты смазываешь свои сапоги, смальцем или дёгтем?

Он хотел не то сказать, он хотел спросить: «Как ты, голова, залез в этот мешок?» — но сам не понимал, как выговорил совершенно другое.

— Дёгтем лучше! — сказал голова. — Ну, прощай, Чуб! — И, нахлобучив капелюхи, вышел из хаты.

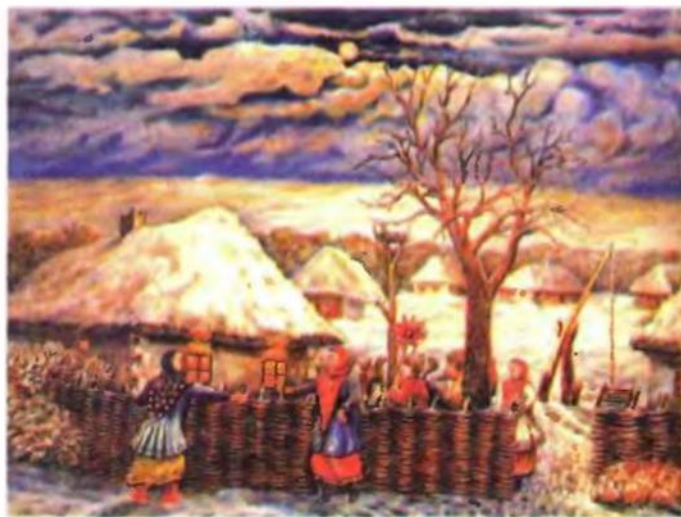
— Для чего спросил я сдуру, чем он мажет сапоги! — произнёс Чуб, поглядывая на двери, в которые вышел голова. — Ай да Солоха! эдакого человека засадить в мешок!.. Вишь, чёртова баба! А я дурак... да где же тот проклятый мешок?

— Я кинула его в угол, там больше ничего нет, — сказала Оксана.

— Знаю я эти штуки, ничего нет! подайте его сюда: там ещё один сидит! Встряхните его хорошенько... Что, нет?.. Вишь, проклятая баба! А поглядеть на неё — как святая, как будто и скромного никогда не брала в рот.

Но оставим Чуба изливать на досуге свою досаду и возвратимся к кузнецу, потому что уже на дворе, верно, есть час девятый.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то

*Как помогают вам
иллюстрации
представить
украинское село,
изображённое
в повести Н. Гоголя
«Ночь перед
Рождеством»?*

зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёртом. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а чёрт, думая, что его собираются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Всё было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... мною ещё дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало своё; кузнец всё летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырёхэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзываются громом и отдавались с четырёх сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, фореиторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные

очи и глядели. Господ в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стёклами, те когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, ещё и больше». Его слова прерваны были вопросом чërта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут где-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы так посоветоваться с ними».

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Чёрт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом; вошёл, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного приободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шёлковых диванах, поджав под себя намазанные дëгтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подалее.

— А вы не узнали? — сказал кузнец, — это я, Вакула, кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец, — это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя Бог принёс?

— А так, захотелось поглядеть, говорят...

— Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски, — што, балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, при том же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

— Губерния знатная! — отвечал он равнодушно. — Нечего сказать: дома балшущие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели заключение очень для него выгодное.

— После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою.

— Тебя? — произнёс запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырёхлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь там делать? Нет, не можно. — При этом на лице его выразилась значительная мина. — Мы, брат, будем с царицей толковать про своё.

— Возьмите! — настаивал кузнец. — Проси! — шепнул он тихо чёрту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

— Возьмём его, в самом деле, братцы!

— Пожалуй, возьмём! — произнесли другие.

— Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зелёный жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понёсся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо его бежали назад четырёхэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям,

«Боже ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец. — У нас днём не бывает так светло».

Карсты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещённую лестницу.

— Что за лестница! — шептал про себя кузнец, — жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки! кой чёрт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже изобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец всё ещё не переставал удивляться. Вступивши в четвёртую, он невольно подошёл к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот, кажется, говорит! кажется, живая! а дитя святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры, я думаю, и на копейку не пошло, всё ярь да бакан; а голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведен был блейвасом. Сколь, однако ж, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — ещё большего достойна удивления. Эк какая чистая выделка! это всё, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...»

Может быть, долго ещё бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли ещё две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величавость, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились, и с низкими поклонами, казалось, ловили его каждое слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошёл к запорожцам.

Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— *Та вси, батько!* — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудете говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

— Куда тебе царь, это сам Потёмкин¹, — отвечал тот. В другой комнате слышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назади. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте! — прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потёмкин кусал себе губы, наконец подошёл сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами, и вместе с тем величе-

¹ Потёмкин Григорий Александрович (1739—1791) — князь Таврический, русский государственный и военный деятель, ближайший помощник Екатерины II.

ственно улыбающимся видом, который так умел покорять себе всё и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор ещё не видала, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— *Та спасиби, мамо!* Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, — почему ж не жить как-нибудь?..

Потёмкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперёд:

— Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чём-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь *повернуть в карabinеры*; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим енералам порубать крымцев?..

Потёмкин молчал и небрежно чистил небольшою щёткою свои бриллианты, которыми были унизаны его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули друг на друга. «Теперь пора! Царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потёмкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошёл.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, — продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных ¹, — предмет, достойный остроумного пера вашего.

¹ Речь идёт о Фонвизине Денисе Ивановиче (1744—1792) — русском писателе, авторе пьес «Бригадир» и «Недоросль».

— Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена ²! — отвечал, поклонясь, человек с перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо читаете! Однако ж, — продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

— *Як же, мамо!* Ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, недаром он это делает».

— Мы не чернецы, — продолжал запорожец, — а люди грешные. Падки, как и всё честное христианство, до скоромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жён, только не живут с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жён в Польше; есть такие, что имеют жён в Украине; есть такие, что имеют жён и в Турещине.

В это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, ухватив башмаки. — Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лёд *ковзаться*, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своём запорожском платье мог похвастаться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всём: правда ли, что цари едят один только мёд да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решил замолчать; и когда государыня, обратившись к старикам, начала расспрашивать, как у них живут на Сечи, какие обычаи водятся, — он, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо:

«Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлагбаумом...

— Утонул! ей-богу, утонул! вот чтобы я не сошла с этого места, если не утонул! — лепетала толстая ткачиха, стоя в куче диканьских баб посередине улицы.

¹ Лафонтен Жан (1621—1695) — французский поэт-баснописец.

— Что же, разве я лгунья какая? разве я у кого-нибудь корову украла? разве я сглазила кого, что ко мне не имеют веры? — кричала баба в

козацкой свитке, с фиолетовым носом, размахивая руками. — Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела собственными глазами, как повесился кузнец!

— Кузнец повесился? вот тебе на! — сказал голова, выходявший от Чуба, остановился и протеснился ближе к разговаривавшим.

— Скажи лучше, чтоб тебе водки не захотелось пить, старая пьяница! — отвечала ткачиха, — нужно быть такой сумасшедшей, как ты, чтобы повеситься! Он утонул! Утонул в пролубе! Это я так знаю, как то, что ты была сейчас у шинкарки.

— Срамница! вишь, чем стала попрекаты! — гневно возразила баба с фиолетовым носом. — Молчала бы, негодница! Разве я не знаю, что к тебе дьяк ходит каждый вечер?

Ткачиха вспыхнула.

— Что дьяк? к кому дьяк? что ты врешь?

— Дьяк? — пропела, теснясь к спорившим, дьячиха, в тулупе из заячьего меха, крытом синею китайкой. — Я дам знать дьяка! Кто это говорит — дьяк?

— А вот к кому ходит дьяк! — сказала баба с фиолетовым носом, указывая на ткачиху.

— Так это ты... — сказала дьячиха, подступая к ткачихе, — так это ты, ведьма, напускаешь ему туман и поишь нечистым зельем, чтобы ходил к тебе?

— Отвяжись от меня, сатана! — говорила, пятясь, ткачиха.

— Вишь, проклятая ведьма, чтоб ты не дождала детей своих видеть, негодная! Тьфу!.. — Тут дьячиха плюнула прямо в глаза ткачихе.

Ткачиха хотела и себе сделать то же, но вместо того плюнула в небритую бороду голове, который, чтобы лучше всё слышать, подобрался к самим спорившим.

— А, скверная баба! — закричал голова, обтирая полою лицо и поднявши кнут. Это движение заставило всех разойтись с ругательствами в разные стороны. — Экая мерзость! — повторял он, продолжая обтираться. — Так кузнец утонул! Боже ты мой, а какой важный живописец был! какие ножи крепкие, серпы, плуги умел выковывать! Что за сила была! Да, — продолжал он, задумавшись, — таких людей мало у нас на селе. То-то я, ещё сидя в проклятом мешке, замечал, что бедняжка был крепко не в духе. Вот тебе и кузнец! был, а теперь и нет! А я собирался было подковать свою рябую кобылу!..

И, будучи полон таких христианских мыслей, голова тихо побрёл в свою хату.

Оксана смутилась, когда до неё дошли такие вести. Она мало верила глазам Переперчихи и толкам баб; она знала, что кузнец довольно набожен, чтобы решиться погубить свою душу. Но что, если он в самом деле ушёл с намерением никогда не возвращаться в село? А вряд

ли в другом месте где найдётся такой молодец, как кузнец! Он же так любил её! Он долее всех выносил её капризы! Красавица всю ночь под своим одеялом поворачивалась с правого бока на левый, с левого на правый — и не могла заснуть. То, разметавшись в обворожительной наготе, которую ночной мрак скрывал даже от неё самой, она почти вслух бранила себя; то, приутихнув, решалась ни о чём не думать — и всё думала. И вся горела; и к утру влюбилась по уши в кузнеца.

Чуб не изъявил ни радости, ни печали об участии Вакулы. Его мысли заняты были одним: он никак не мог позабыть вероломства Солохи и сонный не переставал бранить её.

Настало утро. Вся церковь ещё до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зелёных и жёлтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться ещё ближе к иконостасу. Но впереди всех стояли дворяне и простые мужики с усами, с чубами. С толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, все большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут *ковзаться с хлопцами* на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто всё чего-то недостаёт. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда же это, в самом деле, запропастился кузнец?

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, —

постой приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему удивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новёхонькую шапку и пояс, какого не видано было на селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всём каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— *Добре!* присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принёс черевички! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужно черевичков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевичков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку: красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуще загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

— А чья это такая размалёванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы! — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красными цветами. Это, однако же, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: *«Он бачь, яка така намалёвана!»* — и дитя, удерживая слёзоньки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Вопросы и задания

Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Чем увлекло вас чтение повести Николая Васильевича Гоголя «Ночь перед Рождеством»? Над чем и над кем вы от души смеялись?
2. Какие картины рождественского праздника показались вам знакомыми и почему?
3. Чем особенным запомнились вам герои этой повести?

Порассуждаем о произведении

4. Внимательно перечитайте вступление к повести. Какое настроение создаёт картина начала зимней ночи?
5. Почему Гоголь так детально описывает сорочинского заседателя, хотя последующее действие с ним не связано?

6. Как уже в начале повести Гоголь переплетает реальные и фантастические события? С какой целью?
7. Рассмотрите иллюстрации к повести. Какие эпизоды повести изобразили художники? Найдите их в тексте, перечитайте и перескажите.
8. Какие черты украинского национального характера показал Гоголь в образе кузнеца Вакулы, красавицы Оксаны и в других образах повести?
9. Как характеризует каждого из гоголевских героев его речь? Приведите примеры.
10. В чём неистощимая весёлость повести «Ночь перед Рождеством»? Кто оказывается в повести сильнее — люди или нечистая сила?
11. Найдите описания ночи в повести. Какие собственные чувства передаёт в них автор? С чем связаны изменения в природе?
12. Весёлым и свободным народом показал Гоголь украинцев в повести «Ночь перед Рождеством». Какое общее настроение передаёт писатель, рисуя картины народных гуляний? Какие обычаи украинцев описывает?
13. Как относится Гоголь к своим героям? В чём именно выражается авторское отношение к Вакуле, Оксане, Чубу, Солохе, другим героям?

Для самостоятельной работы

14. Перескажите близко к тексту отрывки: «Вакула у Пацюка» и «Запорожцы у Екатерины II».
15. Чем удивляет вас вымысел Гоголя? Расскажите, как переплетаются в повести фантастика и реальность.
16. Почему современники Гоголя называли язык его «Вечеров» «неслышанным по естественности»? Ответьте в развернутой форме на этот вопрос.

Для будущих филологов

1. Подготовьте устное сообщение на тему: «Элементы украинского фольклора в изображении картин народной жизни в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством»».
2. Установите, какое музыкальное произведение написал П. И. Чайковский по мотивам повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством». Расскажите, что вы знаете о нём.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ЮМОРЕ

Часто человеку, рассказывающему что-нибудь очень смешное, говорят: «Ну ты и юморист!» или «Ну ты и комик!»

Юмор — это добродушный смех, который мы мгновенно отличаем от смеха едкого, злого. С помощью юмора автор критикует отдельные стороны человеческого характера или какого-нибудь явления. Поэтому

юмор содержит не только насмешку, но и авторское сочувствие, симпатию. Читая, например, повесть «Ночь перед Рождеством», мы замечаем

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Юмор — это добродушный смех. Он содержит насмешку и сочувствие автора. В юморе под маской смешного таится серьёзное отношение к предмету смеха.

«простодушную и вместе с тем лукавую» весёлость Гоголя и от души смеёмся над «важными» посетителями Солохи, попавшими в один мешок; над головой, не сдержавшим икоты и кашля и оказавшимся разоблачённым.

Юмор чаще всего построен на несоответствии внешнего и внутреннего. Так, в своей повести Гоголь показывает, что и пан голова, и богатый казак Чуб, и дяк считают себя важными особами, а попадают в комическое положение.

Юмор имеет ещё одно свойство: вызывая дружелюбный смех, он заключает в себе скрытую серьёзность. Вот почему, смеясь, читатель всегда понимает, от каких слабостей и недостатков, свойственных людям, нужно избавляться.

Закрепим новые знания

1. В чём заключается добродушие юмористического смеха?
2. Над чем смеётся Гоголь, изображая, например, чёрта, Пацюка и других персонажей в своей повести «Ночь перед Рождеством»?
3. Прочитайте выразительно самый смешной для вас эпизод повести и объясните, как удалось автору так развеселить вас.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ПОВЕСТИ

В отличие от рассказа, который обыкновенно посвящён одному какому-либо событию в жизни героя, в повести описывается много событий.

«Ночь перед Рождеством» Гоголя — повесть. Автор рисует разнообразные картины жизни украинского села конца XVIII века, знакомит нас с кузнецом Вакулой и красавицей Оксаной — главными героями, которые объединяют все события произведения в стройное, последовательное повествование. Вместе с Вакулой и запорожцами мы побываем в Петербурге, увидим в царском дворце Екатерину II, Потёмкина, придворных. Читая повесть, мы ощущаем присутствие автора уже с первой страницы: это он с лукавой усмешкой сообщает о Солохе, вылетевшей на метле из трубы, о чёрте, укравшем месяц, о бдительном сорочинском заседателе, который один только и мог бы заметить, что происходило в небе в ночь перед Рождеством.

С явной издёвкой в голосе автор повествует о приключениях дяка, голы, Чуба, сочувствует Вакуле, а иногда мягко подсмеивается над ним

(сцена у Пацюка), радуется в картинах народного гулянья, разделяя праздничное настроение своих героев.

Как вы убедились, в повести Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством» много действующих лиц, с которыми в течение ночи происходят разные — странные и весёлые — события. Увлечённо мы следим за развитием этих событий, за поведением героев и с благодарностью к автору закрываем последнюю страницу, ожидая новых встреч с его произведениями.

Закрепим новые знания

1. Назовите отличительные признаки повести. Укажите на различия между рассказом и повестью.
2. Какое значение в повести имеет голос автора, рассказчика?

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Повесть — это прозаическое произведение, рассказывающее о герое на протяжении насыщенного событиями периода его жизни.

Повесть больше, чем рассказ, по объёму и охвату жизненных событий. Важное значение в повести имеет голос автора или рассказчика.

КОРОЛЕНКО Владимир Галактионович

(1853 – 1921)

Человек рождён для счастья,
как птица для полёта.

В. Короленко

«Дорог человек, дорога его свобода, его возможное на земле счастье», -- писал Владимир Короленко. В это он горячо верил, к этому стремился, за это боролся всю свою жизнь.

Короленко родился 27 июля 1853 года в Украине, в Житомире. Рос он в трудолюбивой семье, в атмосфере любви, внимания и взаимного уважения. Отец, уездный судья, прямой, строгий, преданный своему делу человек, сумел сохранить при своей должности кристальную честность, бескорыстность и неподкупность. Писатель вспоминал впоследствии, как отец отказывался принимать даже самые мелкие подарки, приносимые в знак благодарности. В характере матери сочетались доброта и чуткость, мужество и преданность. Примером своей жизни родители воспитывали в сыне лучшие человеческие качества.

С детских лет будущий писатель обладал исключительной способностью тонко воспринимать поэтическую красоту природы. Зачарованный, слушал он шум деревьев в сосновом лесу, часами наблюдал синюю бездну неба, любовался бесчисленным количеством далёких и таинственных звёзд. Он жадно впитывал рассказы старой няньки о былых временах, с наслаждением слушал украинские и русские народные песни, дружил с крепостным «купленным» мальчиком. Огромное

впечатление оказывали на него воспоминания о крестьянских бунтах, о повстанцах-гайдамаках, рассказы о «вольной волюшке» и борцах за народное счастье.

В маленьком городке Ровно, куда переехала семья, Короленко поступил в реальную гимназию. Гнетущая обстановка, царившая в то время в учебных заведениях (наказания, доносы, обыски), не могла заглушить в юноше жажду знаний. Короленко знакомится с произведениями русской классики, которые раскрыли перед ним целый мир, прекрасный и увлекательный. «Я нашёл тогда свою родину, — писал позже Владимир Галактионович, — и этой родиной стала прежде всего русская литература».

В 1871 году с несколькими рублями в кармане и восторженными мечтами о будущем юноша уехал в Петербург и поступил в Технологический институт. Скоро бедность вынудила его оставить учёбу и начать работать... Позже он дважды пытался завершить высшее образование, но оба раза его исключали как «политически неблагонадёжного» и арестовывали.

В ссылке начинает Короленко свою литературную деятельность. Он пишет о людях, не покорившихся своей судьбе, об их мужестве и стойкости. Рассказы «Чудная», «Сон Макара», «В дурном обществе», «Река играет», повесть «Слепой музыкант» публика воспринимала с большим интересом.

После возвращения из ссылки в 1885 году Короленко поселяется в Нижнем Новгороде. Он работает корреспондентом. Не было ни одного события, характерного для полицейского режима самодержавной России, на которое бы с критикой не откликнулся писатель. Около 700 статей и около 50 названий газет и журналов, в которых они печатались, свидетельствуют о его огромной работе.

В 1900 году Короленко переехал в Полтаву, где прожил последние годы своей жизни. Он, как и прежде, работает и ведёт активную общественную деятельность, общается с ведущими писателями того времени — Антоном Чеховым, Максимом Горьким, Львом Толстым.

В день 65-летнего юбилея Владимира Короленко Илья Репин прислал писателю поздравительную телеграмму, в которой великий художник выразил чувства всего русского народа: «Благодарю вас за вашу прекрасную жизнь».

-
1. Какое воспитание получил Владимир Короленко?
 2. Почему будущий писатель не смог завершить высшее образование?
 3. Чем прекрасна была жизнь Короленко?

В ДУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

(В сокращении)

I. Развалины

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моём существовании. Порой он ласкал мою маленькую сестру и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.

Местечко, где мы жили, называлось Княжье-Вено, или, проще, Княж-городок...

Если вы подъезжаете к местечку с востока, вам прежде всего бросается в глаза тюрьма, лучшее архитектурное украшение города. Самый город раскинулся внизу над сонными, заплесневшими прудами. Серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама понемногу перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками. Деревянный мост, перекинутый через узкую речушку, кряхтит, вздрагивая под колёсами, и шатается, точно дряхлый старик. Вонь, грязь, кучи ребят, ползающих в уличной пыли. Но вот ещё минута — и вы уже за городом. Тихо шепчутся берёзы над могилами кладбища, да ветер волнует хлеба на нивах и звенит унылою, бесконечною песней в проволоках придорожного телеграфа.

С севера и юга городок ограждался широкими водяными гладами и топиями. Пруды год от году мелели, зарастали зеленью, и высокие, густые камыши волновались, как море, на громадных болотах. Посредине одного из прудов находится остров. На острове — старый,

полуразрушенный замок. О нём ходили предания и рассказы один другого страшнее.

В западной стороне, на горе, среди истлевших крестов и провалившихся могил, стояла давно заброшенная часовня. У неё кое-где провалилась крыша, стены осыпались, и вместо гулкового медного колокола совы заводили в ней по ночам свои зловеющие песни.

Было время, когда старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений... Все эти бедняки терзали внутренности дряхлого здания, обламывая потолки и полы, топили печи, что-то варили и чем-то питались — вообще как-то поддерживали своё существование.

Однако настали дни, когда среди этого общества, ютившегося под кровом седых развалин, пошли раздоры. Старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских служащих, выхлопотал себе нечто вроде звания управляющего и приступил к преобразованиям... Януш оставил в замке преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода.

Привлечённые шумом и криками, которые во время этой революции неслись с острова, я и несколько моих товарищей пробрались туда и, спрятавшись за толстыми стволами тополей, наблюдали, как Януш во главе целой армии красноносых старцев и безобразных старух гнал из замка последних подлежавших изгнанию жильцов. Наступал вечер. Туча, нависшая над высокими вершинами тополей, уже сыпала дождиком. Какие-то несчастные тёмные личности, запахиваясь изорванными донельзя лохмотьями, испуганные, жалкие и сконфуженные, совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь незаметно шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка. Но Януш и старые ведьмы с криком и ругательствами гоняли их отовсюду, угрожая кочергами и палками, а в стороне стоял молчаливый будочник¹, тоже с увесистой дубиной в руках.

...С того вечера и замок и Януш явились передо мной в новом свете... Замок стал мне противен... Я не мог забыть холодной жестокости, с которою торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о тёмных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце. Несчастные изгнанники нашли приют где-то на горе, около часовни, но как они ухитрились пристроиться там, никто не мог сказать в точности. Все видели только, что с той стороны, с гор и оврагов, окружавших часовню, спускались в город по утрам самые невероятные и подозрительные фигуры, которые в сумерки исчезали в том же направлении. Ходили слухи, что эти бедняки, окончательно лишённые всяких средств к жизни со времени изгнания из замка, составили дружное сообщество

¹ Будочник — полицейский.

и занимались, между прочим, мелким воровством в городе и окрестностях.

Организатором и руководителем этого сообщества несчастливцев был пан Тыбурций Драб, самая замечательная личность из всех не ужившихся в старом замке.

...Наружность пана Тыбурция не имела в себе ни одной аристократической черты. Роста он был высокого; сильная сутуловатость как бы говорила о бремени вынесенных Тыбурцием несчастий; крупные черты лица были грубо выразительны. Короткие, слегка рыжеватые волосы торчали врозь; низкий лоб, несколько выдававшаяся вперёд нижняя челюсть и сильная подвижность лицевых мускулов придавали всей физиономии что-то обезьянье; но глаза, сверкавшие из-под нависших бровей, смотрели упорно и мрачно, и в них светились, вместе с лукавством, острая проницательность, энергия и ум. В то время как на его лице сменялся целый калейдоскоп гримас, эти глаза сохраняли постоянно одно выражение, отчего мне всегда бывало как-то безотчётно жутко смотреть на кривлянье этого странного человека. Под ним как будто струилась глубокая постоянная печаль.

Никто не мог сказать, откуда у пана Тыбурция явились дети: мальчик лет семи, но рослый и развитой не по летам, и маленькая трёхлетняя девочка.

Мальчик, по имени Вале́к, высокий, тонкий, черноволосый, угрюмо шатался иногда по городу без особенного дела, заложив руки в карманы и кидая по сторонам взгляды, смущавшие калачниц¹. Девочку видели только один или два раза на руках пана Тыбурция, а затем она куда-то исчезла, и где находилась — никому не было известно.

Поговаривали о каких-то подземельях на горе около часовни. Гора, изрытая могилами, пользовалась дурной славой. На старом кладбище в сырые осенние ночи загорались синие огни, а в часовне сычи кричали так пронзительно и звонко, что сжималось сердце.

II. Я и мой отец

С тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало ещё угрюмее, меня очень редко видели дома. В поздние летние вечера я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом, отворял посредством особых приспособлений своё окно, полузакрытое густой зеленью сирени, и тихо ложился в постель. Если маленькая сестрёнка ещё не спала в своей качалке в соседней комнате, я подходил к ней, и мы тихо ласкали друг друга и играли, стараясь не разбудить ворчливую старую няньку.

¹ Калачницы — торговки калачами.

А утром, чуть свет, когда в доме ещё спали, я уж прокладывал росистый след в густой, высо-

кой траве сада, перелезал через забор и шёл к пруду, где меня ждали с удочками такие же сорванцы-товарищи...

Мне нравилось встречать пробуждение природы; я бывал рад, когда мне удавалось вспугнуть заспавшегося жаворонка или выгнать из борозды трусливого зайца. Капли росы падали с верхушек трясушки, с головок луговых цветов, когда я пробирался полями к загородной роще. Деревья встречали меня шёпотом ленивой дремоты.

Все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я наконец и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки эти всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себе. Я стоял перед ним, переминаясь, теребя свои штанишки, и озирался по сторонам. Временами что-то как будто подымалось у меня в груди; мне хотелось, чтоб он обнял меня, посадил к себе на колени и приласкал. Тогда я прильнул бы к его груди, и, быть может, мы вместе заплакали бы — ребёнок и суровый мужчина — о нашей общей утрате. Но он смотрел на меня отуманенными глазами, как будто поверх моей головы, и я весь сжимался под этим непонятным для меня взглядом.

— Ты помнишь матушку?

Помнил ли я её? О да, я помнил её! Я помнил, как, бывало, просыпаясь ночью, я искал в темноте её нежные руки и крепко прижимался к ним, покрывая их поцелуями. Я помнил её, когда она сидела больная перед открытым окном и грустно оглядывала чудную весеннюю картину, прощаясь с нею в последний год своей жизни...

И теперь часто, в глухую полночь, я просыпался, полный любви, которая теснилась в груди, переполняя детское сердце, просыпался с улыбкой счастья. И опять, как прежде, мне казалось, что она со мною, что я сейчас встречу её любящую, милую ласку.

О да, я помнил её!.. Но на вопрос высокого угрюмого человека, в котором я желал, но не мог почувствовать родную душу, я съёживался ещё более и тихо выдёргивал из его руки свою ручонку.

И он отворачивался от меня с досадою и болью. Он чувствовал, что не имеет на меня ни малейшего влияния, что между нами стоит какая-то стена. Он слишком любил её, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжёлое горе.

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже... Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, всё ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда моё сердце загоралось жалостью и

сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинуюсь пламенному желанию кинуться на шею отцу. Но он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтобы отец не прочёл его в моём смущённом лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

Сестре Соне было четыре года. Я любил её страстно, и она платила мне такую же любовью; но установившийся взгляд на меня, как на отпетого маленького разбойника, воздвиг и между нами высокую стену. Всякий раз, когда я начинал играть с нею, по-своему шумно и резво, старая нянька, вечно сонная и вечно дравшаяся, с закрытыми глазами, куриные перья для подушек, немедленно просыпалась, быстро схватывала мою Соню и уносила к себе, кидая на меня сердитые взгляды; в таких случаях она всегда напоминала мне исключенную наседку, себя я сравнивал с хищным коршуном, а Соню — с маленьким цыплёнком. Мне становилось очень горько и досадно. Не мудрено поэтому, что скоро я прекратил всякие попытки занимать Соню моими преступными играми, а ещё через некоторое время мне стало тесно в доме и в садике, где я не встречал ни в ком привета и ласки. Я начал бродяжить.

Мне всё казалось, что где-то там, в этом большом и неведомом свете, за старою оградой сада, я найду что-то; казалось, что я что-то должен сделать и могу что-то сделать, но я только не знал, что именно. Я терпелся к упрёкам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной. Я хмуро выслушивал замечания и поступал по-своему. Шатаясь по улицам, я всматривался детски любопытными глазами в незатейливую жизнь городка с его лачугами, вслушивался в гул проволок на шоссе, стараясь уловить, какие вести несутся по ним из далёких больших городов, или в шелест колосьев, или в шёпот ветра на высоких гайдамацких могилах...

Когда все углы города стали мне известны до последних грязных закоулков, тогда я стал заглядываться на видневшуюся вдали, на горе, часовню. Мне захотелось осмотреть её всю, заглянуть внутрь, чтобы убедиться, что и там нет ничего, кроме пыли. Но так как одному было бы и страшно и неудобно предпринимать подобную экскурсию, то я собрал на улицах города небольшой отряд из трёх сорванцов, привлечённых обещанием булок и яблоков из нашего сада.

III. Я приобретаю новое знакомство

Мы вышли в экскурсию после обеда. Солнце начинало склоняться к закату. Косые лучи мягко золотили зелёную мураву старого кладбища, играли на старых покосившихся крестах, переливались в уцелевших окнах часовни. Было тихо, веяло спокойствием и глубоким миром брошенного кладбища.

Мы были одни; только воробьи возились кругом да ласточки бесшумно влетали и вылетали в окна старой часовни, которая стояла, грустно понурясь, среди поросших травой могил, скромных крестов, полуразвалившихся каменных гробниц, на развалинах которых стлалась густая зелень, пестрели разноцветные головки лютиков, кашки, фиалок.

Дверь часовни была крепко заколочена, окна — высоко над землёю; однако при помощи товарищей я надеялся взобраться на них и заглянуть внутрь часовни.

— Не надо! — вскрикнул один из моих спутников, вдруг потерявший всю свою храбрость, и схватил меня за руку.

— Пошёл ко всем чертям, баба! — прикрикнул на него старший из нашей маленькой армии, с готовностью подставляя спину.

Я храбро взобрался на неё; потом он выпрямился, и я стал на его плечи. В таком положении я без труда достал рукой раму и, убедясь в её крепости, поднялся к окну и сел на него.

— Ну, что же там? — спрашивали меня снизу с живым интересом.

Я молчал. Перегнувшись через косяк, я заглянул внутрь часовни. Внутренность высокого узкого здания была лишена всяких украшений. Лучи вечернего солнца, свободно врываясь в открытые окна, разрисовали ярким золотом старые, ободранные стены. Углы были затканы паутиной. От окна до пола казалось гораздо дальше, чем до травы снаружи. Я смотрел точно в глубокую яму и сначала не мог разглядеть каких-то странных предметов, маячивших по полу причудливыми очертаниями.

Между тем моим товарищам надоело стоять внизу, ожидая от меня известий, и потому один из них, проделав то же, что и я раньше, повис рядом со мною, держась за оконную раму.

— Что там такое? — с любопытством указал он на тёмный предмет, видневшийся рядом с престолом.

— Поповская шапка.

— Нет, ведро.

— Зачем же тут ведро?

— Может быть, в нём когда-то были угли для кадила.

— Нет, это действительно шапка. Впрочем, можно посмотреть. Давай привяжем к раме пояс, и ты по нём спустишься.

— Да, как же, так и спущусь!.. Полезаю сам, если хочешь.

— Ну, что ж! Думаешь, не полезу?

— И полезаю!

Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, сам повис на другом. Когда моя нога коснулась пола, я вздрогнул; но взгляд на участливо склонившуюся ко мне рожицу моего приятеля восстановил мою бодрость. Стук каблука зазвенел под потолком, отдался в пустоте часовни, в её тёмных углах. Несколько воробьёв вспорхнули с насиженных мест на хорах и вылетели в большую прореху в крыше.

Мне было жутко; глаза моего друга сверкали захватывающим дух любопытством и участием.

— Ты подойдёшь? — спросил он тихо.

— Подойду, — ответил я так же, собираясь с духом. Но в эту минуту случилось нечто совершенно неожиданное.

Сначала послышался стук и шум обвалившейся на хорах штукатурки. Что-то завозилось вверх, трянуло в воздухе тучею пыли, и большая серая масса, взмахнув крыльями, поднялась к прорехе в крыше. Часовня на мгновение как будто потемнела. Огромная старая сова, обеспокоенная нашей вознёй, вылетела из тёмного угла, мелькнула на фоне голубого неба в пролёте и шархнула вон.

Я почувствовал прилив судорожного страха.

— Подымай! — крикнул я товарищу, схватившись за ремень.

*Как художник
передает
в иллюстрации
внутреннее
состояние героя?*

— Не бойся, не бойся! — успокаивал он, приготовляясь поднять меня на свет дня и солнца.

Но вдруг лицо его исказилось от страха; он вскрикнул и мгновенно исчез, прыгнув с окна. Я инстинктивно¹ оглянулся и увидел странное явление, поразившее меня, впрочем, больше удивлением, чем ужасом.

Тёмный предмет нашего спора, шапка или ведро, оказавшийся в конце концов горшком, мелькнул в воздухе и на глазах моих скрылся под престолом. Я успел только разглядеть очертания небольшой, как будто детской руки.

Трудно передать мои ощущения в эту минуту. Чувство, которое я испытывал, нельзя даже назвать страхом. Откуда-то, точно из другого мира, в течение нескольких секунд доносился до меня быстрою дробью тревожный топот трёх пар детских ног. Но вскоре затих и он. Я был один, точно в гробу, ввиду каких-то странных и необъяснимых явлений.

Времени для меня не существовало, поэтому я не мог сказать, скоро ли услышал я под престолом сдержанный шёпот:

— Почему же он не лезет назад?

— Видишь, испугался.

Первый голос показался мне совсем детским; второй мог принадлежать мальчику моего возраста. Мне показалось также, что в щели старого престола сверкнула пара чёрных глаз.

— Что же он теперь будет делать? — услышался опять шёпот.

— А вот погоди, — ответил голос постарше.

Под престолом что-то сильно завожилось, он даже как будто покачнулся, и в то же мгновение из-под него вынырнула фигура.

Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами.

Хотя незнакомец, явившийся на сцену столь неожиданным и странным образом, подходил ко мне с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда на нашем базаре подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку, но всё же, увидев его, я сильно ободрился. Я ободрился ещё более, когда из-под того же престола, или, вернее, из люка в полу часовни, который он покрывал, сзади мальчика показалось ещё грязное личико, обрамлённое белокурыми волосами и сверкавшее на меня детски любопытными голубыми глазами.

Я несколько отодвинулся от стены и тоже положил руки в карманы. Это было признаком, что я не боюсь противника и даже отчасти намекаю на моё к нему презрение.

¹ Инстинктивно —
непроизвольно.

Мы стали друг против друга и обменялись взглядами. Оглядев меня с головы до ног, мальчишка спросил:

— Ты здесь зачем?

— Так, — ответил я. — Тебе какое дело?

Мой противник повёл плечом, как будто намереваясь вынуть руку из кармана и ударить меня. Я не моргнул и глазом.

— Я вот тебе покажу! — погрозил он.

Я выпятился грудью вперёд.

— Ну, ударь... попробуй!..

Мгновение было критическое; от него зависел характер дальнейших отношений. Я ждал, но мой противник, окинув меня тем же испытующим взглядом, не шевелился.

— Я, брат, и сам... тоже... — сказал я, но уже более миролюбиво.

Между тем девочка, упершись маленькими ручонками в пол часовни, старалась тоже выкарабкаться из люка. Она падала, вновь приподнималась и наконец направилась нетвёрдыми шагами к мальчишке. Подойдя вплоть, она крепко ухватила за него и, прижавшись к нему, поглядела на меня удивлённым и отчасти испуганным взглядом.

Это решило исход дела; стало совершенно ясно, что в таком положении мальчишка не мог драться, а я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.

— Как твоё имя? — спросил мальчик, глядя рукой белокурую головку девочки.

— Вася. А ты кто такой?

— Я Вале́к... Я тебя знаю: ты живёшь в саду над прудом. У вас большие яблоки.

— Да, это правда, яблоки у нас хорошие... Не хочешь ли?

Вынув из кармана два яблока, назначавшиеся для расплаты с моею постыдно бежавшей армией, я подал одно из них Валеку, другое протянул девочке. Но она скрыла своё лицо, прижавшись к Валеку.

— Боится, — сказал тот и сам передал яблоко девочке. — Зачем ты влез сюда? Разве я когда-нибудь лазал в ваш сад? — спросил он затем.

— Что ж, приходи! Я буду рад, — ответил я радушно. Ответ этот озадачил Валека; он призадумался.

— Я тебе не компания, — сказал он грустно.

— Отчего же? — спросил я, искренне огорчённый грустным тоном, каким были сказаны эти слова.

— Твой отец — пан судья.

— Ну так что же? — изумился я чистосердечно. — Ведь ты будешь играть со мной, а не с отцом.

Вале́к покачал головой.

— Тыбурций не пустит, — сказал он, и, как будто это имя напомнило ему что-то, он вдруг спохватился: — Послушай... Ты, кажется, славный хлопец, но всё-таки тебе лучше уйти. Если Тыбурций тебя застанет, будет плохо.

Я согласился, что мне действительно пора уходить.

— Как же мне отсюда выйти?

— Я тебе укажу дорожку. Мы выйдем вместе.

— А она? — ткнул я пальцем в нашу маленькую даму.

— Маруся? Она тоже пойдёт с нами.

— Как, в окно?

Валек задумался.

— Нет, вот что: я тебе помогу взобраться на окно, а мы выйдем другим ходом.

С помощью моего нового приятеля я поднялся к окну. Отвязав ремень, я обвил его вокруг рамы и, держась за оба конца, повис в воздухе. Затем, опустив один конец, я прыгнул на землю и выдернул ремень. Валек и Маруся ждали меня уже под стеной снаружи.

Солнце недавно ещё село за гору. Город утонул в лилово-туманной тени, и только верхушки высоких тополей на острове резко выделялись червонным золотом, разрисованные последними лучами заката.

— Как хорошо! — сказал я, охваченный свежестью наступающего вечера и вдыхая полною грудью влажную прохладу.

— Скучно здесь... — с грустью произнёс Валек.

— Вы все здесь живёте? — спросил я, когда мы втроём стали спускаться с горы.

— Здесь.

— Где же ваш дом?

Я не мог себе представить, чтобы дети могли жить без «дома». Валек усмехнулся с обычным грустным видом и ничего не ответил.

Пройдя меж камышей по высохшему болоту и переправившись через ручеёк по тонким дощечкам, мы очутились у подножия горы, на равнине.

Тут надо было расстаться. Пожав руку моему новому знакомому, я протянул её также и девочке. Она ласково подала мне свою крохотную ручонку и, глядя снизу вверх голубыми глазами, спросила:

— Ты придёшь к нам опять?

— Приду, — ответил я, — непременно!..

— Что ж, — сказал в раздумье Валек, — приходи, пожалуй, только в такое время, когда наши будут в городе.

— Хорошо. Я посмотрю, когда они будут в городе, и тогда приду. А пока прощайте!

— Эй, послушай-ка! — крикнул мне Валек, когда я отошёл несколько шагов. — А ты болтать не будешь о том, что был у нас?

— Никому не скажу, — ответил я твёрдо.

— Ну вот, это хорошо! А этим твоим дуракам, когда станут приставать, скажи, что видел чёрта.

— Ладно, скажу.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Густые сумерки залегли над Княжым-Веном, когда я приблизился к забору своего сада. Над замком зарисовался тонкий серп луны, загорелись звёзды. Я хотел уже подняться на забор, как кто-то схватил меня за руку.

— Вася, друг! — заговорил взволнованным шёпотом мой бежавший товарищ. — Как же это ты?.. Голубчик!..

— А вот, как видишь... А вы все меня бросили!..

Он потупился, но любопытство взяло верх над чувством стыда, и он спросил опять:

— Что же там было?

— Что! — ответил я тоном, не допускавшим сомнения. — Разумеется, черти... А вы — трусы.

И, отмахнувшись от сконфуженного товарища, я полез на забор.

IV. Знакомство продолжается

С этих пор я весь был поглощён моим новым знакомством. Вечером, ложась в постель, и утром, вставая, я только и думал о предстоящем визите на гору. По улицам города я шатался теперь с исключительной целью — высмотреть, тут ли находится вся компания, которую Януш характеризовал словами «дурное общество»; и если тёмные личности шныряли по базару, я тотчас же бегом отправлялся через болото, на гору, к часовне, предварительно наполнив карманы яблоками, которые мог рвать в саду без запрета, и лакомствами, которые я сберегал всегда для своих новых друзей.

Валек, вообще очень солидный и внушавший мне уважение своими манерами взрослого человека, принимал эти приношения просто и по большей части откладывал куда-нибудь, приберегая для сестры, но Маруся всякий раз всплёскивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга; бледное лицо девочки вспыхивало румянцем, она смеялась, и этот смех нашей маленькой приятельницы отдавался в наших сердцах, вознаграждая за конфеты, которые мы жертвовали в её пользу.

Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила ещё плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки её были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели

порой так не по-детски грустно и улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни, когда она, бывало, сидела против открытого окна и ветер шевелил её белокурые волосы, что мне становилось самому грустно и слёзы подступали к глазам.

Я невольно сравнивал её с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик. Она так резво бегала, когда, бывало, разыграется, так звонко смеялась, на ней всегда были такие красивые платья, и в тёмные косы ей каждый день горничная вплетала алую ленту.

А моя маленькая приятельница почти никогда не бегала и смеялась очень редко; когда же смеялась, то смех её звучал, как самый маленький серебряный колокольчик, которого за десять шагов уже не слышно. Платье её было грязно и старо, в косе не было лент, но волосы у неё были гораздо больше и роскошнее, чем у Сони, и Валек, к моему удивлению, очень искусно умел заплетать их, что и исполнял каждое утро.

Я был большой сорванец... В первые же дни я внёс своё оживление и в общество моих новых знакомых. Едва ли это старой часовни повторяло когда-нибудь такие громкие крики, как в то время, когда я старался расшевелить и завлечь в свои игры Валека и Марусю. Однако это удавалось плохо. Валек серьёзно смотрел на меня и на девочку, и раз, когда я заставил её бегать со мной взапуски, он сказал:

— Нет, она сейчас заплачет.

Действительно, когда я растормошил её и заставил бежать, Маруся, заслышав мои шаги за собой, вдруг повернулась ко мне, подняв ручонки над головой, точно для защиты, посмотрела на меня беспомощным взглядом захлопнутой пташки и громко заплакала. Я совсем растерялся.

— Вот, видишь, — сказал Валек, — она не любит играть.

Он усадил её на траву, нарвал цветов и кинул ей; она перестала плакать и тихо перебирала растения, что-то говорила, обращаясь к золотистым лютикам, и подносила к губам синие колокольчики. Я тоже присмирел и лёг рядом с Валеком около девочки.

— Отчего она такая? — спросил я, наконец, указывая глазами на Марусю.

— Невесёлая? — переспросил Валек и затем сказал тоном совершенно убеждённого человека: — А это, видишь ли, от серого камня.

— Да-а, — повторила девочка, точно слабое эхо, — это от серого камня.

— От какого серого камня? — переспросил я, не понимая.

— Серый камень высосал из неё жизнь, — пояснил Валек, по-прежнему смотря на небо. — Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает.

— Да-а, — опять повторила тихим эхом девочка, — Тыбурций всё знает.

Я ничего не понимал в этих загадочных словах, однако убеждение Валека, что Тыбурций всё знает, произвело и на меня своё действие. Я приподнялся на локте и взглянул на Марусю. Она сидела в том же положении, в каком усадил её Валека, и всё так же перебирала цветы; движения её тонких рук были медленны; глаза выделялись глубокою синевой на бледном лице; длинные ресницы были опущены. При взгляде на эту крохотную грустную фигурку мне стало ясно, что в словах Тыбурция, хотя я и не понимал их значения, заключается горькая правда. Несомненно, кто-то высасывает жизнь из этой странной девочки, которая плачет тогда, когда другие на её месте смеются. Но как же может сделать это серый камень?

Это было для меня загадкой, страшнее всех призраков старого замка. Что-то бесформенное, неумолимое, твёрдое и жестокое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из неё румянец, блеск глаз и живость движений. «Должно быть, это бывает по ночам», — думал я, и чувство щемящего до боли сожаления сжимало мне сердце.

Под влиянием этого чувства я тоже умерил свою резвость. Применяясь к тихой солидности нашей дамы, оба мы с Валеком, усадив её где-нибудь на траве, собирали для неё цветы, разноцветные камешки, ловили бабочек, иногда делали из кирпичей ловушки для воробьев. Иногда же, растянувшись около неё на траве, смотрели в небо, как плывут облака высоко над лохматою крышей старой часовни, рассказывали Марусе сказки или беседовали друг с другом.

Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу с Валеком, которая росла, несмотря на резкую противоположность наших характеров. Моей порывистой резвости он противопоставлял грустную солидность и внушал мне почтение независимым тоном, с каким отзывался о старших. Кроме того, он часто сообщал мне много нового, о чём я раньше и не думал. Слыша, как он отзывался о Тыбурции, точно о товарище, я спросил:

— Тыбурций тебе отец?

— Должно быть, отец, — ответил он задумчиво.

— Он тебя любит?

— Да, любит, — сказал он уже гораздо увереннее. — Он постоянно обо мне заботится, и, знаешь, иногда он целует меня и плачет...

— И меня любит, и тоже плачет, — прибавила Маруся с выражением детской гордости.

— А меня отец не любит, — сказал я грустно. — Он никогда не целовал меня... Он нехороший.

— Неправда, неправда, — возразил Валек. — Ты не понимаешь. Тыбурций лучше знает. Он говорит, что судья — самый лучший человек в городе... Он засудил даже одного графа... А ведь графа засудить не шутка.

— Почему?

— Почему? — переспросил Валек, несколько озадаченный. — Потому что граф — не простой человек... Граф делает что хочет, и потом... у графа деньги; он дал бы другому судье денег, и тот бы его не засудил, а засудил бы бедного.

— Да, это правда. Я слышал, как граф кричал у нас в квартире: «Я вас всех могу купить и продать!»

— А судья что?

— А отец говорит ему: «Подите от меня вон!»

— Ну, вот, вот! И Тыбурций говорит, что он не побоится прогнать богатого, а когда к нему пришла старая Иваниха с костылём, он велел принести ей стул. Вон он какой!

Всё это заставило меня глубоко задуматься. Валек указал мне моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него; слова Валека задели в моём сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалы моему отцу, да ещё от имени Тыбурция, который «всё знает»; но вместе с тем дрогнула в моём сердце и нота щемящей любви, смешанной с горьким сознанием: никогда отец не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей.

V. Среди «серых камней»

Прошло ещё несколько дней. Члены «дурного общества» перестали являться в город, и я напрасно шатался, скучая, по улицам, ожидая их появления, чтобы бежать на гору. Я совсем соскучился, так как не видеть Валека и Марусю стало уже для меня большим лишением. Но вот, когда я однажды шёл с опущенною головою по пыльной улице, Валек вдруг положил мне на плечо руку.

— Отчего ты перестал к нам ходить? — спросил он.

— Я боялся... Ваших не видно в городе.

— А-а... Я думал, тебе наскучило.

— Нет, нет!.. Я, брат, сейчас побегу, — заторопился я, — даже и яблоки со мной.

При упоминании о яблоках Валек быстро повернулся ко мне, как будто хотел что-то сказать, но не сказал ничего, а только посмотрел на меня странным взглядом.

— Ничего, ничего, — отмахнулся он, видя, что я смотрю на него с ожиданием. — Ступай прямо на гору, а я тут зайду кое-куда — дело есть. Я тебя догоню на дороге.

Я пошёл тихо и часто оглядывался, ожидая, что Валека меня догонит; однако я успел взойти на гору и подошёл к часовне, а его всё не было. Я остановился в недоумении: передо мной было только кладбище, пустынное и тихое.

Я оглянулся кругом. Куда же мне теперь идти? Очевидно, надо дожидаться Валека. А пока я стал ходить между могилами, присматриваясь к ним от нечего делать и стараясь разобрать стёртые надписи на обросших мхом надгробных камнях. Шатаюсь таким образом от могилы к могиле, я наткнулся на полуразрушенный склеп¹.

Крыша его была сброшена или сорвана непогодой и валялась тут же. Дверь была заколочена. Из любопытства я приставил к стене старый крест и, взобравшись по нему, заглянул внутрь. Гробница была пуста, только в середине пола была вделана оконная рама со стёклами, и сквозь эти стёкла зияла тёмная пустота подземелья. Пока я рассматривал гробницу, удивляясь странному назначению окна, на гору вбежал запыхавшийся и усталый Валека. В руках у него была большая булка, за пазухой что-то оттопырилось, по лицу стекали капли пота.

— Ага! — крикнул он, заметив меня. — Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уж делать нечего... Я знаю, ты хлопец хороший и никому не расскажешь, как мы живём. Пойдём к нам!

— Где же это, далеко? — спросил я.

— А вот увидишь. Ступай за мной.

Он раздвинул кусты жимолости и сирени и скрылся в зелени под стеной часовни; я последовал туда за ним. Между стволами черёмухи я увидел в земле довольно большое отверстие с земляными ступенями, ведущими вниз. Валека спустился туда, приглашая меня за собой, и через несколько секунд мы оба очутились в темноте, под зеленью. Взяв мою руку, Валека повёл меня по какому-то узкому сырому коридору, и, круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.

Я остановился у входа, поражённый невиданным зрелищем. Две струи света резко лились сверху, выделяясь полосами на тёмном фоне подземелья; свет этот проходил в два окна, одно из которых я видел в полу склепа, другое, подалее, очевидно, было пристроено таким же образом; стены были сложены из камня. Боль-

¹ Склеп — гробница.

шие широкие колонны массивно вздымались снизу и, раскинув во все стороны свои каменные дуги, крепко смыкались кверху сводчатым потолком.

Под окном сидела с кучкой цветов, перебирая их, по своему обыкновению, Маруся. Струя света падала на её белокурую головку, заливала её всю, но, несмотря на это, она как-то слабо выделялась на фоне серого камня странным и маленьким туманным пятнышком, которое, казалось, вот-вот расплывётся и исчезнет. Когда там, вверху, над землёй, пробегали облака, затеняя солнечный свет, стены подземелья тонули совсем в темноте, а потом опять выступали жёсткими, холодными камнями, смыкаясь крепкими объятиями над крохотной фигуркой девочки. Я поневоле вспомнил слова Валека о «сером камне», высасывавшем из Маруси её веселье.

— Валек! — тихо обрадовалась Маруся, увидев брата.

Когда же она заметила меня, в её глазах блеснула живая искорка.

Я отдал ей яблоки, а Валек, разломив булку, часть подал ей. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня.

— Уйдём... уйдём отсюда, — дёрнул я Валека. — Уведи её...

— Пойдём, Маруся, наверх, — позвал Валек сестру. И мы втроём поднялись из подземелья. Валек был грустнее и молчаливее обыкновенного.

— Ты в городе остался затем, чтобы купить булок? — спросил я у него.

— Купить? — усмехнулся Валек. — Откуда же у меня деньги?

— Ты, значит, украл?..

— Ну да!

— Воровать нехорошо, — проговорил я затем в грустном раздумье.

— Наши все ушли... Маруся плакала, потому что она была голодна.

— Да, голодна! — с жалобным простодушием повторила девочка.

Я не знал ещё, что такое голод, но при последних словах девочки у меня что-то повернулось в груди, и я посмотрел на своих друзей, точно увидал их впервые. Валек по-прежнему лежал на траве и задумчиво следил за парившим в небе ястребом. Теперь он не казался уже мне таким авторитетным, а при взгляде на Марусю, державшую обеими руками кусок булки, у меня заныло сердце.

— Почему же, — спросил я с усилием, — почему ты не сказал об этом мне?

— Я и хотел сказать, а потом раздумал: ведь у тебя своих денег нет.

— Ну так что же? Я взял бы булок из дому.

— Как, потихоньку?

— Д-да.

— Значит, и ты бы тоже украл.

— Я... у своего отца.

— Это ещё хуже! — с уверенностью сказал Валек. — Я никогда не ворую у своего отца.

— Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

— Ну, может быть, и дали бы один раз, — где же запастись на всех нищих?

— А вы разве... нищие? — спросил я упавшим голосом.

— Нищие! — угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

— Ты уж уходишь? — спросил Валек.

— Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями по-прежнему, безмятежно... Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лёг в постель. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

VI. На сцену является пан Тыбурций

— Здравствуй! А уж я думал, ты не придёшь более, — так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

— Нет, я... я всегда буду ходить к вам, — ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Около полудня небо насупилось, надвинулась тёмная туча, и под весёлые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валек и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошёл туда вместе с ними. В подземелье было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня.

— Давайте играть в жмурки, — предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и шлёпала по каменному полу непроворными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать её, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее ещё оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ногу и дико вращал зрачками.

— Это что ещё, а? — строго спрашивал он, глядя на Валека. — Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

— Пустите меня! — сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я всё-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только ещё сильнее сжала мою ногу.

Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

— Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

— Пусти! — проговорил я упрямо. — Сейчас отпусти! — и при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

— Ого-го! Пан судья изволит сердиться... Ну, да ты меня ещё не знаешь. Я — Тыбурций. Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка.

Отчаянный вид Валека как бы подтверждал мысль о возможности такого печального исхода. К счастью, на выручку подоспела Маруся.

— Не бойся, Вася, не бойся! — ободрила она меня, подойдя к самым ногам Тыбурция. — Он никогда не жарит мальчиков на огне... Это неправда!

Тыбурций быстрым движением повернул меня и поставил на ноги; при этом я чуть не упал, так как у меня закружилась голова, но он поддержал меня рукой и затем, сев на деревянный обрубок, поставил меня между колен.

— И как это ты сюда попал? — продолжал он допрашивать. — Давно ли?.. Говори ты! — обратился он к Валеку, так как я ничего не ответил.

— Давно, — ответил тот.

— А как давно?

— Дней шесть.

Казалось, этот ответ доставил пану Тыбурцию некоторое удовольствие.

— Ого, шесть дней! — заговорил он, поворачивая меня лицом к себе. — Шесть дней — много времени. И ты до сих пор никому ещё не разболтал, куда ходишь?

— Никому.

— Правда?

— Никому, — повторил я.

— Похвально!.. Можно рассчитывать, что не разболтаешь и впредь. Впрочем, я и всегда считал тебя порядочным малым, встречая на улицах. Настоящий «уличник», хоть и судья... А нас судить будешь, скажи-ка?

Он говорил довольно добродушно, но я всё-таки чувствовал себя глубоко оскорблённым и потому ответил сердито:

— Я вовсе не судья. Я — Вася.

— Одно другому не мешает: и Вася тоже может быть судьёй, не теперь, так после... Твой отец меня судит, ну, и ты когда-нибудь будешь судить... вот его!

— Не буду судить Валека, — возразил я угрюмо. — Неправда!

— Он не будет, — вступилась и Маруся, с полным убеждением отстраняя от меня ужасное подозрение.

Девочка доверчиво прижалась к ногам этого урода, а он ласково гладил жилистую рукой её белокурые волосы.

— Ну, этого ты вперёд не говори, — сказал странный человек задумчиво, обращаясь ко мне таким тоном, точно он говорил со взрослым. — Каждый идёт своей дорожкой, и кто знает... может быть, это и хорошо, что твоя дорога пролегла через нашу. Для тебя хорошо, потому что лучше иметь в груди кусочек человеческого сердца, вместо холодного камня, — понимаешь?..

Я не понимал ничего, но всё же впился глазами в лицо странного человека; глаза пана Тыбурция пристально смотрели в мои.

— Запомни хорошенько вот что: если ты проболтаешься своему судье или хоть птице, которая пролетит мимо тебя в поле, о том, что ты здесь видел, то не будь я Тыбурций Драб, если я тебя не повешу вот в этом камине за ноги и не сделаю из тебя копчёного окорока.

— Я не скажу никому... я... Можно мне опять прийти?

— Приходи, разрешаю... под условием... Впрочем, я уже сказал тебе насчёт окорока. Помни!..

Он отпустил меня и сам растянулся с усталым видом на длинной лавке, стоявшей около стенки.

— Возьми вон там, — указал он Валеку на большую корзину, которую, войдя, оставил у порога, — да разведи огонь. Мы будем сегодня варить обед.

Теперь это был уже не тот человек, что за минуту пугал меня, вращая зрачками. Он распоряжался, как хозяин и глава семейства, вернувшийся с работы и отдающий приказания домочадцам¹.

Мы с Валеком живо принялись за работу. Затем Валек уже одним умелыми руками принялся за стряпню. Через полчаса закипало в горшке какое-то варево, а в ожидании, пока оно поспеет, Валек поставил на трёхногий столик сковороду, на которой дымились куски жареного мяса.

Тыбурций поднялся.

— Готово? — сказал он. — Ну, и отлично. Садись, малый, с нами: ты заработал свой обед...

¹ Домочадцы — члены семьи.

Марусю Тыбурций держал на руках. Она и Валек ели с жадностью, которая ясно показывала, что мясное блюдо было для них невиданною

роскошью; Маруся облизывала даже свои засаленные пальцы. Тыбурций ел с расстановкой, повинаясь неодолимой потребности говорить. Из странной и запутанной речи я понял только, что способ приобретения был не совсем обыкновенный, и не удержался, чтоб не вставить вопроса:

— Вы это взяли... сами?

— Малый не лишён проникательности, — продолжал Тыбурций. — Впрочем, — повернулся он вдруг ко мне, — ты всё-таки ещё глуп и многого не понимаешь. А вот она понимает: скажи, моя Маруся, хорошо ли я сделал, что принёс тебе жаркое?

— Хорошо! — ответила девочка, слегка сверкнув бирюзовыми глазами. — Маня была голодна.

Под вечер этого дня я с отуманенною головою задумчиво возвращался к себе. В тёмной аллейке сада я нечаянно наткнулся на отца. Он, по обыкновению, угрюмо ходил взад и вперёд. Когда я очутился подле него, он взял меня за плечо.

— Откуда ты?

— Я... гулял...

Он внимательно посмотрел на меня, хотел что-то сказать, но, махнув рукой, зашагал по аллее.

Я солгал чуть ли не первый раз в жизни.

Я всегда боялся отца, а теперь тем более. Теперь я носил в себе целый мир смутных вопросов и ощущений. Мог ли он понять меня? Я дрожал при мысли, что он узнает когда-либо о моём знакомстве с «дурным обществом», но изменить Валеку и Марусе — я был не в состоянии. Если бы я изменил им, нарушив данное слово, то не мог бы при встрече поднять на них глаза от стыда.

VII. Осенью

Близилась осень. В поле шла жатва, листья на деревьях желтели. Вместе с тем наша Маруся начала прихварывать.

Она ни на что не жаловалась, только всё худела, лицо её всё бледнело, глаза потемнели, стали больше, веки приподнимались с трудом.

Девочка теперь большую часть времени проводила в постели, и мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её и позабавить, чтобы вызвать тихие переливы её слабого смеха.

Теперь грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры; но тут никто не ставил мне вечно на вид мою испорченность, тут я был нужен — я чувствовал, что каждый раз моё появление вызывает румянец оживления на щеках девочки. Валек обнимал меня, как брата, и даже Тыбурций по временам смотрел на нас троих какими-то странными глазами, в которых что-то мерцало, точно слеза.

На время небо опять прояснилось; с него сбежали тучи, и над просяхающей землёй, в последний раз перед наступлением зимы, засияли солнечные дни. Мы каждый день выносили Марусю наверх, и здесь она как будто оживала; девочка смотрела вокруг широко раскрытыми глазами, на щеках её загорался румянец; казалось, что ветер, обдававший её своими свежими взмахами, возвращал ей частицы жизни, похищенные серыми камнями подземелья. Но это продолжалось недолго...

Между тем над моей головой тоже стали собираться тучи. Однажды, когда я, по обыкновению, утром проходил по аллеям сада, я увидел в одной из них отца, а рядом старого Януша из замка. Старик подобострастно¹ кланялся и что-то говорил, а отец стоял с угрюмым видом, и на лбу его резко обозначалась складка нетерпеливого гнева. Наконец, он протянул руку, как бы отстраняя Януша с своей дороги, и сказал:

— Уходите! Вы просто старый сплетник!

Сердце моё дрогнуло предчувствием. Я понял, что подслушанный мною разговор относился к моим друзьям и, быть может, также ко мне.

Тыбурций, которому я рассказал об этом случае, скорчил ужасную гримасу:

— У-уф, малый, какая это неприятная новость!.. О, проклятая старая гиена!

— Отец его прогнал, — заметил я в виде утешения.

— Твой отец, малый, самый лучший из всех судей на свете. Он не считает нужным травить старого беззубого зверя в его последней берлоге... Но, малый, как бы тебе объяснить это? Твой отец служит господину, которому имя — закон. У него есть глаза и сердце только до тех пор, пока закон спит себе на полках; когда же этот господин сойдёт оттуда и скажет твоему отцу: «А ну-ка, судья, не взяться ли нам за Тыбурция Драба или как там его зовут?» — с этого момента судья тотчас запирает своё сердце на ключ, и тогда у судьи такие твёрдые лапы, что скорее мир повернётся в другую сторону, чем пан Тыбурций вывернется из его рук... Понимаешь ты, малый?.. Вся беда моя в том, что у меня с законом вышло когда-то, давно уже, некоторое столкновение... То есть понимаешь, неожиданная ссора... ах, малый, очень это была крупная ссора!

С этими словами Тыбурций встал, взял на руки Марусю и, отойдя с нею в дальний угол, стал целовать её. А я остался на месте и долго стоял в одном положении под впечатлением странных речей странного человека.

¹ Подобострастно — угодливо, льстиво.

VIII. Кукла

Ясные дни миновали, и Марусе опять стало хуже. На все наши ухищрения с целью занять её она смотрела равнодушно своими большими потемневшими и неподвижными глазами, и мы давно уже не слышали её смеха. Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я решил обратиться к своей сестре Соне.

У Сони была большая кукла, с ярко раскрашенным лицом и роскошными льняными волосами, подарок покойной матери. На эту куклу я возлагал большие надежды и потому, отозвав сестру в боковую аллею сада, попросил дать мне её на время. Я так убедительно просил её об этом, так живо описал ей бедную больную девочку, у которой никогда не было своих игрушек, что Соня, которая сначала только прижимала куклу к себе, отдала мне её и обещала в течение двух-трёх дней играть другими игрушками.

Действие этой нарядной барышни на нашу больную превзошло все мои ожидания. Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась, разговаривая со своей новой знакомой... Маленькая кукла сделала почти чудо: Маруся, давно уже не сходявшая с постели, стала ходить, водя за собою свою белокурую дочку, и по временам даже бегала, по-прежнему шлёпая по полу слабыми ногами.

Зато мне эта кукла доставила очень много тревожных минут. Дня через два старушка няня заметила пропажу и стала соваться по углам, везде разыскивая куклу. Соня старалась унять её, но своими наивными уверениями, что ей кукла не нужна, что кукла ушла гулять и скоро вернётся, только возбуждала подозрение, что тут не простая пропажа. Отец ничего ещё не знал, но в тот же день остановил меня на пути к садовой калитке и велел остаться дома. На следующий день повторилось то же, и только через четыре дня я встал рано утром и махнул через забор, пока отец ещё спал.

На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем, белокурые волосы раскинулись по подушке; она никого не узнавала. Рядом с ней лежала злополучная кукла, с розовыми щеками и глупыми блестящими глазами.

Я сообщил Валеку свои опасения, и мы решили, что куклу необходимо унести обратно, тем более что Маруся этого и не заметит. Но мы ошиблись! Как только я вынул куклу из рук лежавшей в забытьи девочки, она открыла глаза, посмотрела перед собой смутным взглядом, как будто не видя меня, не сознавая, что с ней происходит, и вдруг заплакала тихо-тихо, но вместе с тем так жалобно, и в исхудалом лице мелькнуло выражение такого глубокого горя, что я тотчас

же с испугом положил куклу на прежнее место. Девочка улыбнулась, прижала куклу к себе и успокоилась. Я понял, что хотел лишить моего маленького друга первой и последней радости её недолгой жизни.

Валек робко посмотрел на меня.

— Как же теперь будет? — спросил он грустно.

Тыбурций, сидя на лавочке с печально понуренною головой, также смотрел на меня вопросительным взглядом. Поэтому я постарался придать себе вид по возможности беспечный и сказал:

— Ничего! Нянька, наверное, уже забыла.

Но старуха не забыла. Когда я на этот раз возвратился домой, Соню я застал с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд.

Отец спросил у меня, куда я ходил, и, выслушав внимательно обычный ответ, ограничился тем, что повторил мне приказ ни под каким видом не отлучаться из дому без его позволения. Приказ был очень решителен; ослушаться его я не посмел, но не решался также и обратиться к отцу за позволением.

Прошло четыре томительных дня. Я грустно ходил по саду и с тоской смотрел по направлению к горе, ожидая, кроме того, грозы, которая собиралась над моей головой. Что будет, я не знал, но на сердце у меня было тяжело. Меня в жизни никто ещё не наказывал; отец не только не трогал меня пальцем, но я от него не слышал никогда ни одного резкого слова. Теперь меня томило тяжёлое предчувствие.

Наконец меня позвали к отцу, в его кабинет. Я вошёл и робко остановился у притолки. В окно заглядывало грустное осеннее солнце. Отец сидел в своём кресле перед портретом матери и не поворачивался ко мне. Я слушал тревожный стук собственного сердца.

Наконец он повернулся. Я поднял на него глаза и тотчас же опустил их в землю. Лицо отца показалось мне страшным. Прошло около полминуты, и в течение этого времени я чувствовал на себе тяжёлый, неподвижный, подавляющий взгляд.

— Ты взял у сестры куклу?

— Да, — ответил я тихо.

— А знаешь ты, что это подарок матери, которым ты должен бы дорожить, как святыней?.. Ты украл её?..

— Нет, — сказал я, подымая голову.

— Как нет? — вскрикнул вдруг отец, отталкивая кресло. — Ты украл её и снёс!.. Кому ты снёс её?.. Говори!

Он быстро подошёл ко мне и положил мне на плечо тяжёлую руку. Я с усилием поднял голову и взглянул вверх. Лицо отца было бледно, глаза горели гневом. Я весь съёжился.

— Н-не скажу! — ответил я тихо.

— Скажешь, скажешь!

Я чувствовал, как дрожала его рука, и всё ниже опускал голову; слёзы одна за другой капали из моих глаз на пол, но я всё повторял едва слышно:

— Нет, не скажу... никогда, никогда не скажу вам... Ни за что!

В эту минуту во мне сказался сын моего отца. Он не добился бы от меня иного ответа самыми страшными муками. В моей груди, навстречу его угрозам, подымалось едва осознанное оскорблённое чувство покинутого ребёнка и какая-то жгучая любовь к тем, кто меня пригрел там, в старой часовне. Отец тяжело перевёл дух. Я съёжился ещё более, горькие слёзы жгли мои щёки. Я ждал.

В эту критическую минуту раздался вдруг за открытым окном резкий голос Тыбурция:

— Эге-ге!.. Я вижу моего молодого друга в очень затруднительном положении...

Отец встретил его мрачным и удивлённым взглядом, но Тыбурций выдержал этот взгляд спокойно. Он был серьёзен, не кривлялся, и глаза его глядели как-то особенно грустно.

— Пан судья! — заговорил он мягко. — Вы человек справедливый... отпустите ребенка. Видит Бог, он не сделал дурного дела, и если его сердце лежит к моим оборванным беднякам, то лучше велите меня повесить, но я не допущу, чтобы мальчик пострадал из-за этого. Вот твоя кукла, малый!..

Он развязал узелок и вынул оттуда куклу. Рука отца, державшая моё плечо, разжалась. В лице виднелось изумление.

— Что это значит? — спросил он наконец.

— Отпустите мальчика, — повторил Тыбурций, и его широкая ладонь любовно погладила мою опущенную голову. — Вы ничего не добьётесь от него угрозами, а между тем я охотно расскажу вам всё, что вы желаете знать... Выйдем, пан судья, в другую комнату.

Я всё ещё стоял на том же месте, как дверь кабинета отворилась и оба собеседника вошли. Я опять почувствовал на своей голове чью-то руку и вздрогнул. То была рука отца, нежно гладившая мои волосы.

Тыбурций взял меня на руки и посадил, в присутствии отца, к себе на колени.

— Приходи к нам, — сказал он, — отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой... Она... она умерла.

Голос Тыбурция дрогнул, он странно заморгал глазами, но тотчас же встал, поставил меня на пол, выпрямился и быстро ушёл из комнаты.

Я вопросительно поднял глаза на отца. Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашёл что-то родное, чего тщетно искал в нём прежде. Он смотрел на меня обычным своим задумчивым взглядом, но теперь в этом взгляде виднелся оттенок удивления и как будто вопрос. Казалось, буря, которая только что пронеслась над нами обоими, рассеяла тяжёлый туман, нависший

над душой отца. И отец только теперь стал узнавать во мне знакомые черты своего родного сына.

Я доверчиво взял его руку и сказал:

— Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...

— Д-да, — ответил он задумчиво, — я знаю... Я виноват перед тобой, мальчик, и ты постарайся когда-нибудь забыть это, не правда ли?

Я с живостью схватил его руку и стал её целовать. Я знал, что теперь никогда уже он не будет смотреть на меня теми страшными глазами, какими смотрел за несколько минут перед тем, и долго сдерживаемая любовь хлынула целым потоком в моё сердце.

Теперь я его уже не боялся.

— Ты отпустишь меня теперь на гору? — спросил я, вспомнив вдруг приглашение Тыбурция.

— Д-да... Ступай, ступай, мальчик, — ласково проговорил он всё ещё с тем же оттенком недоумения в голосе. — Да, впрочем, постой... пожалуйста, мальчик, погоди немного.

Он ушёл в свою спальню и, через минуту выйдя оттуда, сунул мне в руку несколько бумажек.

— Передай это... Тыбурцию... Скажи, что я покорнейше прошу его, понимаешь?.. покорнейше прошу — взять эти деньги... от тебя... Ты понял?.. Теперь ступай, мальчик, ступай скорее.

Я догнал Тыбурция уже на горе и, запыхавшись, нескладно исполнил поручение отца.

— Покорнейше просит... отец... — и я стал совать ему в руку данные отцом деньги.

Я не глядел ему в лицо. Деньги он взял.

В подземелье, в тёмном углу, на лавочке лежала Маруся. Слово «смерть» не имеет ещё значения для детского слуха, и горькие слёзы только теперь, при виде этого безжизненного тела, сдавили мне горло...

Вскоре после описанных событий Тыбурций и Валек совершенно неожиданно исчезли, и никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.

Старая часовня сильно пострадала от времени. Сначала у неё провалилась крыша, продавив потолок подземелья. Потом вокруг часовни стали образовываться обвалы, и она стала ещё мрачнее; ещё громче завывают в ней филины, а огни на могилах тёмными осенними ночами вспыхивают синим зловещим светом.

Только могила, огороженная частоколом, каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами.

Мы с Соней, а иногда даже с отцом посещали эту могилу; мы любили сидеть на ней в тени смутно лепечущей берёзы, в виду тихо сверкавшего в тумане города. Тут мы с сестрой вместе читали, думали, дели-

лись своими первыми молодыми мыслями, первыми планами крылатой и честной юности.

Когда же пришло время и нам оставить тихий родной город, здесь же в последний день мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилой свои обеты¹.

¹ Обёт — обещание, клятва.

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ Владимира Короленко «В дурном обществе»? Какие эпизоды вас особенно взволновали?

● Порассуждаем о произведении

Главы I—II

2. От чьего имени ведётся рассказ? Какое значение для читателей имеет то, что рассказ ведётся от лица очевидца событий?
3. Какое настроение возникло у вас от описания городка Княжье-Вено? Отметьте детали пейзажа, создающие это настроение.
4. Как относится рассказчик к «хозяевам» замка и «несчастливым изгнанникам»? Как это его характеризует?
5. Какие представления друг о друге сложились у судьи и его сына? Какими в действительности были Вася и его отец? Найдите в тексте образные средства, с помощью которых складывается наше представление о душевном состоянии этих героев.

Главы III—IV

6. Перескажите близко к тексту эпизод о том, как Вася попал в часовню. Включите в свой пересказ описание часовни и портреты новых знакомых Васи. Какие чувства пережил герой? Какие черты его характера раскрываются в этом эпизоде?
7. Выразительно прочитайте по ролям эпизод знакомства Васи с Валеком и Марусей от слов «Мы стали друг против друга...» до слов «...скажи, что видел чёрта». Попробуйте с помощью интонации передать характеры и чувства героев. Какое впечатление произвели дети друг на друга при первой встрече?
8. Как вы думаете, почему Вася «весь был поглощён» новым знакомством? Что давала дружба каждому из детей?
9. Сравните условия жизни детей судьи и детей Тыбурция. Как отразились эти условия на внешности и поведении Сони и Маруси?
10. Как герой-рассказчик относится к Марусе? Каким образом передано это отношение в тексте?
11. Что нового о своём отце узнал Вася от Валека? Как он отнёсся к этому?
12. Почему Вася завидовал детям Тыбурция?

Главы V—VI

13. Выразительно прочитайте описание подземелья. С какой целью оно даётся автором? Что особенно поразило героя-рассказчика в подземелье?

Почему только теперь стали понятны ему загадочные слова детей о «сером камне»?

14. Подготовьтесь к выразительному чтению в лицах диалога между Васей и Валеком. Обратите внимание на то, как автор характеризует интонацию каждого из героев. Какие чувства испытывает Вася после этого разговора с Валеком? С помощью каких выразительных средств переданы они в тексте?
15. Какое впечатление на рассказчика произвёл «странный человек» Тыбурций Драб? Почему после знакомства с ним Вася ещё больше сдружился с «дурным обществом»?

Главы VII—VIII

16. Подготовьте устный рассказ «Последние дни Маруси». Используйте в речи детали портрета героини, с помощью которых писатель передаёт её состояние.
17. Как характеризует Васю его поведение во время болезни Маруси?
18. Внимательно перечитайте сцену объяснения Васи с отцом. Проследите, как отражается внутреннее состояние героев в их поведении. Какое значение для них имел приход Тыбурция?
19. Какое значение для Васи имела дружба с Валеком и Марусей? Почему Вася и Соня произносили свои обеты над могилкой Маруси?

■ Для самостоятельной работы

20. Подготовьте выразительное чтение одного из монологов героя-рассказчика (глава II «Я и мой отец»).

■ Для будущих филологов

Известно, что в основу рассказа «В дурном обществе» легли детские впечатления писателя о горькой жизни нищих, ютившихся в развалинах старого замка в городе Ровно. Познакомившись с биографией писателя, поразмышляйте, какой ещё жизненный материал использовал Владимир Короленко в своём произведении.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ПОРТРЕТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Как мы запоминаем человека в жизни? Конечно, прежде всего по его внешности. Вспоминая кого-то, мы представляем его лицо, фигуру, манеру держаться, говорить и т. д.

В художественном произведении, знакомя нас со своим героем, писатель описывает его внешность, давая тем самым возможность читателю «увидеть» и запомнить его лицо, одежду, мимику, жесты. Так автор создаёт *портрет героя*.

Вот каким, например, Вася впервые видит Валека: «Это был мальчик лет девяти, больше меня, худощавый и тонкий, как тростинка. Одет он был в грязной рубашонке, руки держал в карманах узких и коротких

штанишек. Тёмные курчавые волосы лохматились над чёрными задумчивыми глазами».

О чём говорит этот портрет читателю? Разумеется, не только о росте мальчика, о цвете его глаз и волос, но и о его бедности (грязная рубашонка, узкие и короткие штанишки), о том, что, скорее всего, у него нет матери (грязная одежда, волосы лохматились), о том, что он, очевидно, многое пережил (задумчивые глаза).

Портрет не всегда даётся в одном месте, при первом знакомстве с героем. Дальше мы прочитаем, как Валеk «подходил... с тем беспечно-задорным видом, с каким всегда... подходили друг к другу мальчишки, готовые вступить в драку», и сделаем вывод, что этот мальчик — не из трусливых. Автор не раз пишет о грустном голосе Валека, его «обычном грустном виде», и читатель догадывается о трудностях, которые испытывает герой.

Портрет помогает не только представить внешность, но и понять характер героя, почувствовать авторское отношение к нему.

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ

Портрет — это описание внешности литературного героя. С помощью портрета автор передаёт настроение и особенности характера героя. В портретной характеристике проявляется авторское отношение к герою.

Закрепим новые знания

1. Найдите в первой главе рассказа «В дурном обществе» описание внешности Тыбурция. О чём говорит читателю его портрет?
2. Сравните портреты Маруси и Сони в четвёртой главе. Как в них выражено отношение автора к каждой из героинь?
3. Как вы думаете, почему в рассказе нет портрета Васи?

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Письменный рассказ о герое художественного произведения

(по рассказу Владимира Короленко «В дурном обществе»)

При подготовке письменного рассказа об одном из героев Владимира Короленко (по вашему выбору) необходимо учитывать следующее:

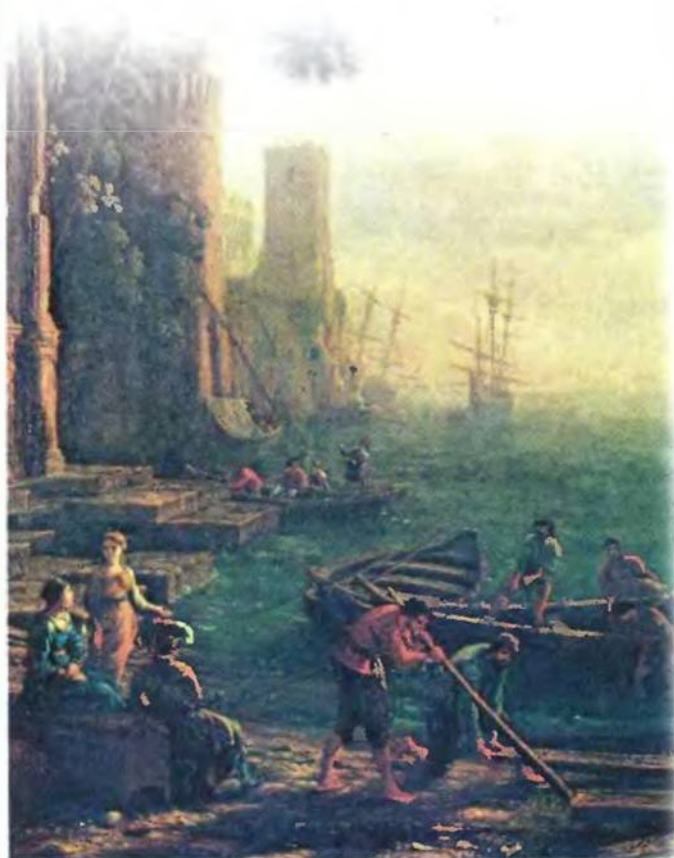
1. Какое у вас сложилось впечатление о герое после прочтения рассказа «В дурном обществе»?
2. Каким вы увидели героя, познакомившись с описанием его внешности? Что привлекло вас в этом описании?
3. Каковы поступки героя? Что вам понравилось, что осуждаете в поступках героя?
4. Чем вы объясните настроение героя? Что можете сказать о его чувствах и мыслях? Разделяете ли вы их?

5. Как вы оцениваете отношение этого героя к другим персонажам?
6. Как характеризует героя его речь?
7. Как выражает автор своё отношение к герою?
8. Как вы относитесь к этому герою?

Проверим и углубим наши знания

1. Расскажите о детстве и лицейских годах Александра Пушкина. Какое значение имел Лицей в формировании Пушкина-поэта?
2. Перечитайте стихотворение Александра Пушкина «Зимнее утро». Каков поэтический язык этого стихотворения?
3. Что такое строфа? Прочитайте понравившуюся вам строфу из стихотворения Александра Пушкина «Зимнее утро».
4. Прочитайте наизусть стихотворение Александра Пушкина «Няне». Каким настроением оно проникнуто? Сформулируйте тему этого стихотворения.
5. Какие двусложные размеры стиха вы знаете? Дайте их определение. Приведите примеры.
6. Что такое баллада? Какая историческая личность стала героем пушкинской баллады «Песнь о вещем Олеге»? Что явилось источником этой баллады? Назовите характерные особенности баллады.
7. Расскажите о детстве и юности Михаила Лермонтова. В чём проявился его ранний талант?
8. Прочитайте наизусть стихотворение Михаила Лермонтова «Парус», соблюдая ритм чтения. Какова идея этого стихотворения?
9. Выразительно прочитайте стихотворение Михаила Лермонтова «Три пальмы». Определите тему и идею этого стихотворения.
10. Каким настроением проникнуты стихотворения Михаила Лермонтова «На севере диком...» и «Утёс»? Прочитайте наизусть то из них, которое вам больше нравится.
11. Как связаны жизнь и творчество Николая Гоголя с Украиной? Чем привлекали современников его произведения?
12. Какие украинские верования и обычаи отражены в повести Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством»? Кто из героев повести вам понравился больше всего? Почему?
13. Прочитайте выразительно понравившийся вам отрывок из повести «Ночь перед Рождеством». Почему вы выбрали именно этот отрывок?
14. Назовите отличительные особенности повести в произведении Николая Гоголя «Ночь перед Рождеством».
15. Расскажите о жизни и творчестве Владимира Короленко. Какие уроки нравственности получил писатель в детстве?
16. Что взволновало вас в рассказе Владимира Короленко «В дурном обществе» больше всего?
17. Какие черты характеров Васи, Валека и Маруси наиболее привлекательны для вас?
18. Какое значение для Васи имела дружба с Валеком и Марусей?
19. Сформулируйте тему и идею рассказа Владимира Короленко «В дурном обществе».

Как бы вы повели себя и что бы почувствовали, если бы вдруг очутились внутри заколоченной старой часовни на заброшенном кладбище при свете заходящего солнца? Наверное, очень испугались бы.

ГЕРОЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В такой ситуации оказался герой рассказа Владимира Короленко «В дурном обществе».

Неописуемый ужас обратил в бегство городских мальчишек — временных союзников Васи, и он остался совершенно один. Внезапное появление незнакомых детей не испугало, а ободрило Васю. Так произошла его встреча с «детьми подземелья». Обстоятельства, в которых очутился герой, выявили лучшие черты его характера: смелость, чуткое отношение к бедным незнакомцам.

С понятием «литературный герой» вы познакомились в пятом классе. Одних из героев прочитанных вами произведений вы полюбили и, возможно, стремитесь быть похожими на них; другие герои вызвали у вас откровенную неприязнь, третьи — смех.

Все герои художественных произведений живут и действуют в определённых обстоятельствах. Что же такое обстоятельства?

Обстоятельства в художественном произведении — это события, ситуации, явления, факты жизни, в которых герои совершают те или иные поступки, проявляют свои чувства.

В одних и тех же обстоятельствах герои могут вести себя по-разному, как, например, Вася и городские мальчишки. Но бывает и по-другому. Вспомним, как ведут себя в царском дворце гоголевские герои из повести «Ночь перед Рождеством» — запорожские казаки и кузнец Вакула. Запорожцы жалуются царице на притеснения, на уничтожение Сечи, а Вакула просит царские черевички для Оксаны. Но все они, эти герои, смелы, не боятся даже «светлейшего» Потёмкина, говоря царице «совершенно не то, чему он их учил».

Обстоятельства вынуждают героя совершать поступки, выявлять своё отношение к людям и миру, бороться, любить и ненавидеть, радоваться и грустить, стремиться к цели и достигать её.

В этом разделе учебника вы познакомитесь с произведениями Даниеля Дефо, Джека Лондона, Виктора Астафьева и Валентина Распутина, герои которых оказываются в разных, но всегда сложных и неожиданных обстоятельствах, иногда смертельно опасных для жизни. Как они поведут себя? Какими предстанут перед вами?

Читайте — и вы найдёте ответы на эти вопросы.

Давайте побеседуем

1. Что такое обстоятельства в художественном произведении?
2. Как обстоятельства влияют на поведение и чувства литературного героя?
3. Почему герои в одних и тех же обстоятельствах ведут себя по-разному? Приведите примеры из прочитанных вами произведений.
4. Подумайте, почему многие читатели любят приключенческую литературу. Связано ли это с обстоятельствами, в которых действуют герои?

...Робинзон Крузо на своём острове — один, лишённый помощи себе подобных и всякого рода орудий, обеспечивающий, однако, себе пропитание и достигающий даже некоторого благосостояния, — вот предмет, интересный для всякого возраста...

Ж. Ж. Руссо

Жизнь английского писателя Даниеля Дефо не менее интересна, чем жизнь и приключения его знаменитого героя Робинзона Крузо.

Даниель Дефо родился в семье зажиточного лондонского торговца. Он достигал богатства и разорился почти до нищеты, спасался бегством от долговой тюрьмы и полиции, снова поднимался наверх, будучи человеком исключительно находчивым и деятельным. На склоне лет он написал о себе:

Судеб таких никто не испытал,
Тринадцать раз я был богат
И снова бедным стал.

За памфлет¹ против религиозного фанатизма² Даниеля Дефо посадили в тюрьму. Три раза его выставляли к позорному столбу на разных площадях Лондона. Но в тюрьме он написал стихотворение

Даниель ДЕФО

(1660 – 1731)

¹ Памфлет — небольшое обличительное сочинение на общественно-политическую тему.

² Фанатизм (от лат. *fanaticus* — исступлённый, неистовый) — доведённая до крайней степени приверженность какому-либо верованиям, нетерпимость к иным взглядам.

«Гимн позорному столбу», которое создало ему ореол мученика. И унижение превратилось в триумф¹.

Дефо издавал газету, писал статьи и книги по истории, педагогике, статистике, экономике, философии, богословию, медицине. Всего Даниель Дефо написал свыше 500 больших и малых произведений, в том числе семь романов. Мировую известность принёс ему один из них — *«Жизнь и необычайные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устья реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого погиб весь экипаж, исключая его одного, с изложением его неожиданного освобождения пиратами. Написано им самим»* (1719). Таково полное название романа.

Это книга о человеке, который оказался наедине с природой, но не растерялся и не одичал в одиночестве. Необжитый уголок земли он превращает в благоустроенную, цветущую плантацию. С каким поэтическим вдохновением Даниель Дефо описывает борьбу Робинзона за жизнь на необитаемом острове, его трудолюбие и находчивость! Робинзон строит и улучшает своё жилище, приручает животных, охотится, сеет хлеб, всегда что-то изобретает, совершенствует свои знания и навыки, работает не покладая рук. И его созидательный труд приносит добрые плоды.

Роман имел потрясающий, небывалый успех. И хотя прошло с тех пор почти триста лет, роман пользуется огромной популярностью и сегодня.

Триумф — выдающийся успех; торжественная встреча человека, одержавшего победу.

1. Чем интересна жизнь Даниеля Дефо?
2. Какие качества характера Дефо помогли ему в житейских невзгодах?
3. Чем близок Робинзон автору?

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ МОРЕХОДА РОБИНЗОНА КРУЗО

(Отрывки)

Глава шестая

*Робинзон на необитаемом острове. Он добывает вещи
с корабля и строит себе жильё*

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться...

Я решил тотчас же пробраться на корабль, чтобы запастись провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в

двух милях отсюда — там, куда её швырнул ураган. Я пошёл было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдёшь: в берег глубоко врезалась бухта, шириною в полмили, и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны на море совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я прошёл по сухому дну.

Тут снова у меня заняло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только выждать, чтобы шторм прошёл, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своём одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слёзы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошёл в воду и поплыл.

Но самое трудное было ещё впереди: взобраться на корабль я не мог. Он стоял на мелком месте, так что почти целиком выступал из воды, а ухватиться было не за что. Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (удивляюсь, как он сразу не бросился мне в глаза!). Канат свешивался из люка, и конец его приходился так высоко над водой, что мне с величайшим трудом удалось поймать его. Я поднялся по канату до кубрика¹. Подводная часть корабля была пробита, и трюм был наполнен водой. Корабль стоял на твёрдой песчаной отмели, корма его сильно приподнялась, а нос почти касался воды. Таким образом, вода не попала в корму, и ни одна из вещей, находившихся там, не подмокла. Я поспешил туда, так как мне раньше всего хотелось узнать, какие вещи испортились, а какие уцелели.

Оказалось, что весь запас корабельной провизии остался совершенно сухим. А так как меня мучил голод, то я первым делом пошёл в кладовую, набрал сухарей и, продолжая осмотр корабля, ел на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашёл бутылку рома и отхлебнул из неё несколько хороших глотков, так как очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги² и рей³. Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу.

¹ Кубрик — помещение для матросов в носовой части корабля.

² Стеньга — вертикальный брус, продолжение мачты.

³ Рей — подвижной поперечный брус на мачтах.

Выбрав несколько брёвен полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив ещё сверху двумя или тремя дощечками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдерживал, но для большого груза он был слишком лёгок и мал. Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и приладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание запастись всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдержать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и выбросил всё содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыра, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашёл несколько ящиков вина и до шести галлонов¹ рисовой водки, принадлежавших нашему капитану.

Эти ящики я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой камзол, рубашку и жилетку, оставленные мной на берегу, унесло в море.

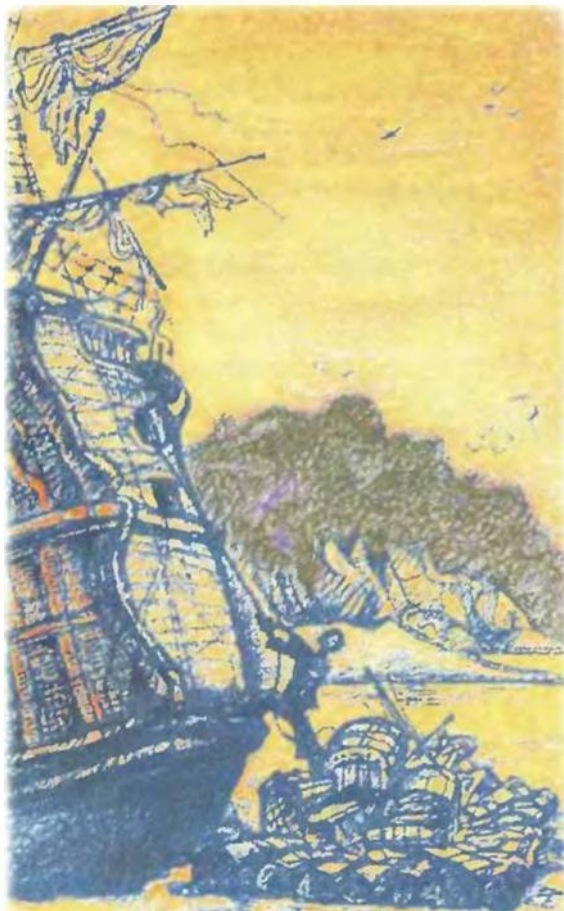
Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие, до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись не только едой, но и одеждой. На корабле было достаточное количество всякого платья, но я взял пока одну только пару, потому что меня гораздо больше соблазняло многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

¹ Галлон — английская мера жидких тел, равна 3,78 литра.

После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драго-

ценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нём.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашёл два хороших охотничьих ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дробы и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля — нелёгкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы всё моё сооружение опрокинулось.

Как художник передаёт исключительность обстоятельств, в которых оказался Робинзон Крузо?

Насколько близка картина М. Лебедева «В ветреную погоду» к описаниям жизни Робинзона Крузо, оказавшегося на необитаемом острове?

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собою сломанные вёсла от корабельной шлюпки, я поспешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом провёл я его гоперёк течения и наконец вошёл в эту бухту, упёршись в дно веслом, так как здесь было мелко; едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья — такое, где я мог бы сложить всё своё имущество, не боясь, что оно погибнет. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружьё, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было видно земли, если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших милях в девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли. Значит, людей здесь и в самом деле не было! Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не заметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, всё каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу её мясо или нет.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверя? Поэтому выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увёз с корабля далеко не всё, что можно было взять; там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не мешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьёт в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевёз на нём много полезных вещей. Во-первых, я захватил всё, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, дюжины две топоров, а главное — такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира¹: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороха. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил ещё запасный парус, гамак, несколько тюфяков и подушек.

Всё это я сложил на плоту и, к моему удовольствию, доставил на берег в целости.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал её из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенёс всё, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью — ружьё и лёг.

¹ Канонир — пушкарь, артиллерист.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провёл в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Особенно успешным было третье моё путешествие. Я разобрал все снасти и взял с собой все верёвки. В этот же раз я привёз большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел обо этом; паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно всё, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевёз три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие смог отодрать при помощи топора. Затем, обрубив все оставшиеся рей, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружён, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное моё имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалёку от берега, но почти весь мой груз очутился под водой; главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетаскивая на берег решительно всё, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевёз бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я всё же отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно общарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уж ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя

ящиками: в одном я нашёл три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой, — всего до тридцати шести фунтов стерлингов.

Я усмехнулся при виде этих денег.

— Негодный мусор, — проговорил я, — на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское! Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы поднять тебя.

Но, поразмыслив немного, я всё же завернул деньги в кусок парусины и прихватил с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутир я выглянул из палатки, от корабля не осталось и следа.

Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жильё мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку?

В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жильё моё было защищено и от солнечного зноя и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

«Может случиться, что неподалёку от острова появится в море корабль, — говорил я себе, — а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай».

Как видите, мне всё ещё не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашёл наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зелёной полянке, я и решил разбить палатку.

Прежде чем ставить палатку, я взял заострённую палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов¹ десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заострённых на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь неё, ни перелезть через неё не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю.

Забор был сплошной, двери не было. Для входа в моё жилище мне служила лестница. Я приставлял её к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

Глава двенадцатая

Робинзон возвращается в пещеру.

Его полевые работы

Во время этого путешествия моя собака испугнула козлёнка и схватила его, но загрызть не успела: я подбежал и отнял его. Мне очень хотелось взять его с собой: я страстно мечтал раздобыть где-нибудь пару козлят, чтобы развести стадо и обеспечить себе мясную пищу к тому времени, когда у меня выйдет весь порох.

Я смастерил для козлёнка ошейник и повёл его на верёвке; верёвку я давно уже свил из пеньки от старых канатов и всегда носил её в кармане. Козлёнок упирался, но всё-таки шёл. Добравшись до своей дачи, я оставил его в ограде, сам же пошёл дальше: мне хотелось поскорее очутиться дома, так как я путешествовал больше месяца.

Не могу выразить, с каким удовольствием воротился я под крышу своего старого дома и снова разлёгся в гамаке. Эти скитания по острову, когда мне негде было приклонить голову, так утомили меня, что мой собственный дом (как называл я теперь моё жильё) показался мне необыкновенно уютным.

С неделю я отдыхал и наслаждался домашней едой. Большую часть этого времени я был занят важнейшим делом: мастерил клетку для Попки, который сразу же сделался домашней птицей и очень привязался ко мне.

Затем я вспомнил о бедном козлёнке, сидевшем в плену на даче. «Наверное, — думал я, — он уже съел всю траву и выпил всю воду, какую я ему оставил, и теперь голодает». Надо было сходить за ним. Придя на дачу, я застал его там, где оставил. Впрочем, он и не мог уйти.

¹ Яр — английская мера длины, 91,4 см.

Он умирал с голоду. Я нарезал веток с ближайших деревьев и перебростил ему за ограду.

Когда козлёнок поел, я привязал к его ошейнику верёвку и хотел вести его, как раньше, но от голода он сделался таким ручным, что верёвка стала не нужна: он побежал за мной сам, как собачонка.

Дорогой я часто кормил его, и благодаря этому он стал таким же послушным и кротким, как и прочие жильцы моего дома, и так ко мне привязался, что не отходил от меня ни на шаг.

Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик, потому что, как я уже говорил, засуха погубила почти весь посев первого года и у меня оставалось не более осьмушки бушеля¹ каждого сорта зерна.

На этот раз можно было ожидать отличного урожая, но вдруг оказалось, что я снова рискую потерять весь посев, так как моё поле опустошается целыми полчищами разнообразных врагов, от которых едва ли возможно уберечься. Этими врагами были, во-первых, козы, во-вторых, те дикие зверьки, которых я называл зайцами. Сладкие стебли риса и ячменя пришлись им по вкусу: они проводили на поле дни и ночи и съедали молодые побеги, прежде чем те успевали заколоситься.

Против нашествия этих врагов было лишь одно средство: огородить всё поле плетнём. Я так и сделал. Но эта работа была очень тяжела, главным образом потому, что надо было спешить, так как враги нещадно истребляли колосья. Впрочем, поле было такое небольшое, что через три недели изгородь была готова.

Изгородь оказалась довольно хорошей. Покуда она не была закончена, я отпугивал врагов выстрелами, а на ночь привязывал к изгороди собаку, которая лаяла до утра. Благодаря всем этим мерам предосторожности враги оставили меня в покое, и мои колосья стали наливаться зерном.

Но чуть только хлеб заколосился, появились новые враги: налетели стаи прожорливых птиц и начали кружиться над полем, выжидая, когда я уйду и можно будет наброситься на хлеб. Я сейчас же выпустил в них заряд дробы (так как никогда не выходил без ружья), и не успел я выстрелить, как с поля поднялась другая стая, которой я сначала не заметил.

Я был не на шутку встревожен.

«Ещё несколько дней такого грабежа — и прощай все мои надежды, — говорил я себе, — у меня нет больше семян, и я останусь без хлеба».

Что было делать? Как избавиться от этой новой напасти? Ничего придумать я не мог, но

¹ Бу́шель — английская мера сыпучих тел; равен 36 литрам.

твёрдо решил во что бы то ни стало отстоять свой хлеб, хотя бы мне пришлось караулить его круглые сутки.

Раньше всего я обошёл всё поле, чтобы установить, много ли вреда причинили мне птицы. Оказалось, что хлеб порядком попорчен. Но с этой потерей можно было ещё примириться, если бы удалось сберечь остальное. Птицы притаились на ближайших деревьях: они ждали, чтобы я ушёл. Я зарядил ружьё и сделал вид, что ухожу. Воры обрадовались и стали один за другим опускаться на пашню. Это страшно рассердило меня. Сначала я хотел было подождать, чтобы опустилась вся стая, но у меня не хватило терпения.

«Ведь из-за каждого зерна, которое они съедят теперь, я, может быть, лишаюсь в будущем целой ковриги хлеба», — сказал я себе.

Я подбежал к изгороди и начал стрелять; три птицы остались на месте. Я поднял их и повесил на высоком столбе, чтобы запугать остальных. Трудно себе представить, какое поразительное действие произвела эта мера: ни одна птица не села больше на пашню. Все улетели из этой части острова; по крайней мере, я не видал ни одной за всё время, пока мои пугала висели на столбе. Можете быть уверены, что мне эта победа над птицами доставила большое удовольствие.

К концу декабря хлеб поспел, и я снял жатву, вторую в этом году.

У меня, к сожалению, не было ни косы, ни серпа, и после долгих размышлений я решил воспользоваться для полевых работ широкой саблей, взятой мною с корабля вместе с другим оружием. Впрочем, хлеба было у меня так немного, что убрать его не составляло большого труда. Да и убирал я его своим собственным способом: срезал только колосья и уносил с поля в большой корзине. Когда всё было собрано, я перетёр колосья руками, чтобы отделить шелуху от зерна, и в результате из одной осьмушки бушеля семян каждого сорта получил около двух бушелей риса и два с половиной бушеля ячменя (конечно, по приблизительному расчёту, так как у меня не было мерки).

Урожай был очень хороший, и такая удача окрылила меня. Теперь я мог надеяться, что через несколько лет у меня будет постоянный запас хлеба. Но вместе с тем предо мною возникли и новые затруднения. Как без мельницы, без жерновов превратить зерно в муку? Как просеять муку? Как вымесить из муки тесто? Как, наконец, испечь хлеб? Ничего этого я не умел. Поэтому я решил не трогать урожая и оставить всё зерно на семена, а тем временем, до следующего посева, приложить все усилия к тому, чтобы разрешить главную задачу, то есть изыскать способ превращать зерно в печёный хлеб.

Глава тринадцатая

Робинзон изготавливает посуду

Когда шёл дождь и нельзя было выйти из дому, я между делом учил своего попугая говорить. Это очень забавляло меня.

После нескольких уроков он уже знал своё имя, а потом, хотя и не скоро, научился довольно громко и чётко произносить его.

«Попка» было первое слово, какое я услышал на острове из чужих уст.

Но разговоры с Попкой были для меня не работой, а подспорьем в работе. В то время у меня было очень важное дело. Давно уже я ломал голову над тем, как изготовить глиняную посуду, в которой сильно нуждался, но ничего не мог придумать: не было подходящей глины.

«Только бы найти глину, — думал я, — и мне будет очень нетрудно вылепить что-нибудь вроде горшка или миски. Правда, и горшок и миску нужно будет обжечь, но ведь я живу в жарком климате, где солнце горячее всякой печи. Во всяком случае, моя посуда, просохнув на солнце, станет достаточно крепкой. Её можно будет брать в руки, можно будет держать в ней зерно, муку и вообще все сухие запасы для предохранения их от сырости.

И я решил, что, как только найду подходящую глину, вылеплю несколько больших кувшинов для зерна. О такой глиняной посуде, в которой можно было бы стряпать, я пока и не помышлял.

Читатель, несомненно, пожалел бы меня, а может быть, и посмеялся бы надо мною, если бы я рассказал ему, как неумело я приступал к этой работе, какие нелепые, неуклюжие, безобразные вещи выходили у меня на первых порах, сколько моих изделий разваливалось оттого, что глина была недостаточно круто замешана и не выдерживала собственной тяжести. Одни горшки у меня потрескались, так как я потропился выставить их на солнце, когда оно жгло слишком сильно; другие рассыпались на мелкие части ещё до просушки, при первом прикосновении к ним.

Два месяца я трудился не разгибая спины. Много труда ушло у меня на то, чтобы найти хорошую гончарную глину, накопать её, принести домой, обработать, и всё же после долгих хлопот у меня получились всего только две уродливые глиняные посуды, потому что назвать их кувшинами было никак невозможно.

Но всё-таки это были очень полезные вещи. Я сплёл из прутьев две большие корзины и, когда мои горшки хорошо высохли и затвердели на солнце, осторожно приподнял их один за другим и каждый поставил в корзину. Всё пустое пространство между посудой и корзиной

я для большей сохранности заполнил рисовой и ячменной соломой. Эти первые горшки предназначались покуда для хранения сухого зерна. Я боялся, что они отсыреют, если я буду держать в них влажные продукты. Впоследствии я предполагал хранить в них муку, когда я найду способ размалывать моё зерно.

Крупные изделия из глины вышли у меня неудачными. Гораздо лучше удавалась мне выделка мелкой посуды: маленьких круглых горшочков, тарелок, кувшинчиков, кружек, чашек и тому подобных вещей. Мелкие вещи легче лепить; кроме того, они ровнее обжигались на солнце и потому были более прочными.

Но всё же моя главная задача оставалась невыполненной. Мне нужна была такая посуда, в которой можно было бы стряпать: она должна была выдерживать огонь и не пропускать воду, а для этого сделанные мною горшки не годились.

Но вот я как-то развёл большой огонь, чтобы испечь на углях мясо. Когда оно испеклось, я хотел загасить уголья и нашёл между ними случайно попавший в огонь черепок от разбившегося глиняного кувшина. Черепок раскалился, стал красен, как черепица, и затвердел, как камень. Я был приятно удивлён этим открытием.

«Если глиняный черепок так затвердел от огня, то, значит, с таким же успехом можно обжигать на огне и глиняную посуду», — решил я.

Я думаю, ни один человек в мире не испытывал такой радости по столь ничтожному поводу, какую испытал я, когда убедился, что мне удалось изготовить горшки, которые не боятся ни воды, ни огня.

Я едва мог дожидаться, когда мои горшки остынут, чтобы можно было налить в один из них воды, поставить снова на огонь и сварить в нём мясо. Горшок оказался отличный. Я сварил себе из козлятины очень хороший бульон, хотя, конечно, если бы положить в него капусту и луку да заправить овсяной мукой, он вышел бы ещё лучше.

Теперь я стал думать о том, как сделать каменную ступку, чтобы размалывать или, вернее, толочь в ней зерно; ведь о таком замечательном произведении искусства, как мельница, не могло быть и речи: одной паре человеческих рук было не под силу выполнить подобную работу.

Но сделать ступку было тоже не так-то просто: в ремесле каменотёса я был таким же круглым невеждой, как и во всех остальных, и, кроме того, у меня не было инструментов. Не один день потратил я на поиски подходящего камня, но ничего не нашёл. Тут нужен был очень твёрдый камень и притом достаточно большой, чтобы в нём можно было выдолбить углубление.

На моём острове были утёсы, но ни от одного из них я при всех усилиях не мог отколоть обломка подходящих размеров. К тому же для ступки этот хрупкий, пористый камень из породы песчаников всё

равно не годился: под тяжёлым пестом он стал бы непременно крошиться, и в муку попадал бы песок.

Таким образом потеряв много времени на бесплодные поиски, я отказался от мысли о каменной ступке и решил смастерить деревянную, для которой гораздо легче было найти материал.

Действительно, я скоро наметил в лесу очень твёрдую колоду, такую большую, что я с трудом мог сдвинуть её с места. Я обтесал её топором, чтобы придать ей по возможности нужную форму, а затем высек огонь и принялся выжигать в ней углубление. Так поступают бразильские краснокожие, когда делают лодки. Нечего и говорить, что эта работа стоила мне большого труда.

Покончив со ступкой, я вытесал тяжёлый крупный пест из так называемого железного дерева. И ступку и пест я спрятал до следующего урожая. Тогда, по моим расчётам, я получу достаточное количество зерна и можно будет некоторую часть отделить на муку.

Теперь надо было подумать о том, как я буду месить свои хлебы, когда приготовлю муку.

Прежде всего, у меня не было закваски; впрочем, этому горю всё равно пособить было нечем, и потому о закваске я не заботился. Но как обойтись без печи? Это был поистине головоломный вопрос. Тем не менее я всё-таки придумал, чем её заменить.

Я вылепил из глины несколько посудин вроде блюд, очень широких, но мелких, и хорошенько обжёг их в огне. Я приготовил их задолго до начала жатвы и сложил в кладовой. Ещё раньше у меня был устроен на земле очаг — ровная площадка из квадратных (то есть, строго говоря, далеко не квадратных) кирпичей, тоже собственного изделия и тоже хорошо обожжённых.

Когда пришла пора печь хлеб, я развёл на этом очаге большой огонь. Едва дрова прогорели, я разгрёб уголья по всему очагу и дал им полежать с полчаса, чтобы очаг раскалился докрасна. Тогда я отгрёб весь жар к сторонке и сложил на очаге свои хлебы. Затем я накрыл их одним из заготовленных мною глиняных блюд, опрокинув его кверху дном, а блюдо завалил горячими угольями.

И что же? Мои хлебы испеклись, как в самой лучшей печке.

Приятно мне было отведать свежее испечённого хлеба! Мне казалось, что я никогда в жизни не едал такого дивного лакомства.

Вообще я в короткое время сделался очень хорошим пекарем; не говоря уже о простом хлебе, я научился печь пудинги и лепёшки из риса. Только пирогов я не делал, да и то больше потому, что, кроме козлятины и птичьего мяса, у меня не было никакой другой начинки.

На эти хозяйственные работы ушёл весь третий год моего пребывания на острове.

Пересказал Корней Чуковский

Это интересно

Необыкновенный случай долголетию жизни человека на необитаемом острове не выдуман Даниелем Дефо. В 1711 году в Англию вернулся шотландский матрос Александр Селькирк, найденный на одном из островов Хуан-Фернандес, лежащих в Тихом океане примерно на широте Вальпараисо (Чили). За четыре года одиночества Селькирк одичал и почти разучился говорить.

По Е. Брандесу

Вопросы и задания**Обменяемся впечатлениями от прочитанного**

1. В чём секрет долголетия и популярности книги о Робинзоне Крузо? Чем эта книга заинтересовала вас?
2. Перескажите эпизоды, которые вам понравились.

Порассуждаем о произведении

3. Что представляет собой заглавие, данное Даниелем Дефо своему произведению? (Смотрите статью о писателе.)
4. Какое значение для вас как читателей имеет то, что рассказчиком в книге выступает сам Робинзон Крузо?
5. После кораблекрушения Робинзон, разумеется, не мог предвидеть, что ему придётся жить на необитаемом острове двадцать восемь лет. Что он делает прежде всего, о чём заботится? О чём говорит такое его поведение?
6. Что помогло Робинзону Крузо выжить на необитаемом острове в полном одиночестве?
7. Какие особенности характера Робинзона Крузо вызывают уважение?
8. Рассмотрите иллюстрации, на которых изображён Робинзон Крузо. Какие эпизоды проиллюстрировал художник?
9. Как характеризует Робинзона его рассуждение о деньгах? Почему он не бросил их на дно морское?
10. Перечитайте эпизоды, где рассказывается о том, как Робинзон Крузо выращивал ячмень и рис, как учился делать глиняную посуду. Согласны ли вы с мнением, что эти описания — гимн труду?
11. «Удивительно, как мало людей задумывается над вопросом, сколько надо произвести различных работ для изготовления самого простого предмета нашего питания — печёного хлеба». Что испытал и пережил герой, придя к такой мысли? Понятно ли вам, почему герой задумался над ценой «самого простого предмета нашего питания»?

12. Как относится Робинзон к труду и какие качества его характера выявляются в труде? Может ли труд быть спасением для человека в экстремальных¹ обстоятельствах?
13. Прочитайте выразительно одно из описаний природы. С какой целью в произведении использованы пейзажи?
- Для самостоятельной работы
14. Выберите один из эпизодов романа для сжатого (краткого) пересказа. Объясните свой выбор.
15. Как чрезвычайные обстоятельства, в которых оказался Робинзон, влияют на его характер?
16. Что преобладает в книге: описание, повествование или рассуждение? Аргументируйте свой ответ. Почему писатель выбрал именно такой способ изложения?
17. Французский писатель и философ Жан-Жак Руссо считал, что «Робинзон Крузо» — первая книга, которую следует прочитать каждому ребёнку, едва он научится читать по букварю (смотрите эпиграф к статье о Д. Дефо). Согласны ли вы с его мнением? Почему?
18. Как вы думаете, почему с Робинзоном не произошло то же, что с Александром Селькирком?

■ Для будущих филологов

Даниель Дефо жил в эпоху, когда передовые люди верили в могущество человека, его разум и энергию, преобразующие мир. Удалось ли Дефо выразить эту веру в романе о Робинзоне Крузо, столкнув своего героя с невероятными трудностями? Подготовьте аргументированный ответ на вопрос и познакомьте с ним своих товарищей в классе.

¹Экстремальный — чрезвычайный, выходящий за рамки обычного.

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения

Сжатый пересказ главы художественного произведения
(из книги Даниеля Дефо «Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо»)

Краткость — сестра таланта.
А. П. Чехов

Подготовьте сжатый (то есть краткий) пересказ одной из глав: об изготовлении календаря — столба с насечками (глава 8), о спасении Робинзоном человека, которого он называл Пятницей (глава 21), о возвращении Робинзона на родину (глава 28).

1. Внимательно перечитайте указанную учителем главу.

¹ Фрагмент — отрывок, часть какого-либо произведения искусства.

2. Составьте план главы и подберите к каждому его пункту важные фрагменты ¹ текста (план — это уже одна из форм сжатого пересказа).
3. В своём пересказе используйте короткие простые предложения и наиболее значимые слова и выражения из текста.

Это интересно

Книга о Робинзоне Крузо Даниеля Дефо пользовалась таким огромным успехом, что писатель решил продолжить приключения полюбившегося читателям героя. В 1719—1720 годах были напечатаны две его книги: «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо, составляющие вторую и последнюю часть его жизни и охватывающие изложение его путешествий по трём частям света, написанное им самим» и «Серьёзные размышления в течение жизни и удивительные приключения Робинзона Крузо, с его видением английского мира». В первой из них есть рассказ о посещении Робинзоном России, о его похождениях в Сибири, о жизни в Тобольске и общении с политическими ссыльными. Ещё одна интересная, но не такая известная книга Даниеля Дефо — «Жизнь, приключения и пиратские подвиги прославленного капитана Синглтона» (1720 г.).

Популярность книги о Робинзоне Крузо была так велика, что в литературе XVIII века появились десятки «робинзонад». «Робинзонадой» стали называть литературное произведение о приключениях, подобных тем, что случились с Робинзоном Крузо.

В одной только Германии до 1760 года было написано около сотни «робинзонад».

К «робинзонадам» относятся и произведения Жюль Верна «Новая родина», «Таинственный остров».

Очень весёлую книгу о приключениях сельских мальчишек — повесть «Робинзон Кукурузо» — написал украинский писатель Всеволод Нестайко в 1964 году.

Все «робинзонады» повествуют о способности героя справиться с почти непреодолимыми препятствиями, выжить в невероятных условиях.

В Джеке Лондоне я люблю его спокойную силу, твёрдый и ясный ум, гордую мужественность. Джек Лондон — удивительный писатель, прекрасный образец таланта и воли, направленной к утверждению жизни.

Л. Андреев

Джек ЛОНДОН

(1876 – 1916)

О СЕБЕ

Я родился в Сан-Франциско в 1876 году. В пятнадцать лет я был уже взрослым...

Не помню, чтобы меня обучали грамоте, — в пять лет я умел читать и писать, — но знаю, что первая моя школа была в Аламеде, а затем я вместе с родными переселился на ранчо и там работал, начиная с восьмилетнего возраста...

Мне не было одиннадцати лет, когда я расстался с ранчо и уехал в Окленд, где проводил много времени в Общедоступной Публичной Библиотеке, жадно читая всё попадавшее мне под руку... По мере того как я узнавал жизнь, всё чаще приходилось мне наталкиваться на разочарования. В то время я зарабатывал себе на пропитание уличной продажей газет. С тех пор и до шестнадцати лет я перепробовал тысячу и одно занятие, причём работа чередовалась с учёбой.

Тогда-то и заговорила во мне жажда приключений, и я ушёл из дома. Не бежал, а ушёл —

выплыл в залив и присоединился к устричным пиратам... Позже я плавал матросом на шхуне и принимал участие в ловле лососей. Довольно чудно — следующим моим занятием была служба в рыбацком патруле, где в обязанности мои входило арестовывать всех нарушителей законов рыбной ловли. Единственным моим оружием была стальная вилка, но я чувствовал себя мужчиной и не ведал страха, взбираясь на борт лодки, чтобы задержать какого-нибудь браконьера.

Вслед за этим я отправился к берегам Японии на ловлю тюленей, а оттуда — в Берингово море. Через семь месяцев вернулся в Калифорнию и брался за всякую работу — сгребал уголь, служил в береговых патрулях, поступил на джутовую¹ фабрику, где работал с шести утра до семи вечера...

Пешком я исходил Соединённые Штаты от Калифорнии до Бостона и с севера на юг; через Канаду вернулся к тихоокеанскому побережью, а в Канаде попал в тюрьму и отработал положенный срок за бродяжничество... Труд был для меня всем. В нём видел я путь к святости и спасению. Вам не понять той гордости, какую я испытывал, добросовестно выполнив тяжёлую работу...

Восемнадцать лет я вернулся в Окленд и поступил в высшую школу, выпускавшую обычный школьный журнал. ...Я стал писать рассказы, где, почти ничего не измышляя, я просто передавал впечатления из своих морских скитаний и бродяжничества. Я оставался здесь год и служил привратником, чтобы заработать себе на жизнь... Оставив высшую школу, я три месяца самостоятельно занимался, выполнив за это время работу трёх лет, и поступил в Калифорнийский университет... Я работал пером и в прачечной, чтобы было чем жить. Впервые я работал из любви к работе, но дела было слишком много, и в середине семестра мне пришлось уйти из университета...

...Я отправился в Клондайк за золотом. К концу года началась цинга, и я вынужден был уехать. В Клондайке я нашёл себя. Там все молчат. Все думают. Там у вас вырабатывается правильный взгляд на жизнь. Сформировалось и моё мировоззрение.

Пока я был в Клондайке, умер мой отец, и бремя семьи легло на мои плечи. В Калифорнии настали тяжёлые времена, и я не находил места. В поисках работы я написал «Вниз по реке» — рассказ, который не приняли. В ожидании ответа от издательства я написал для одного газетного издательства рассказ в двадцать тысяч слов; его нужно было печатать отдельными выпусками. Это также было отвергнуто. В промежутках между отказами я продолжал писать...

Наконец калифорнийский журнал принял один рассказ, за который я

получил пять долларов. Вскоре после этого «Чёрный кот» предложил мне сорок долларов за повесть. С тех пор колесо закрутилось, и, по всей вероятности, в будущем мне не придётся сгребать уголь, чтобы прокормиться, хотя я это делал и снова мог бы взяться за эту работу.

¹ Джут — растение, из волокон которого изготавливают грубые ткани, верёвки, канаты.

Первая моя книга была напечатана в 1900 году... Я верю в необходимость регулярной работы и никогда не жду вдохновения. Человек я не только беспечный и безалаберный, но и меланхолик¹ по темпераменту. Однако я поборол и то и другое. На мне сказалась дисциплина, которой я привык подчиняться в бытность мою матросом...

1. Когда началась трудовая жизнь Джека Лондона?
2. Чем он занимался, пока не стал писателем?
3. Что помогло Джеку Лондону добиться успеха в творчестве?
4. Перечитайте эпиграф. Русский писатель Леонид Андреев (1871—1919) назвал Джека Лондона «прекрасным образцом таланта и воли». Подтвердите эту мысль примерами из автобиографии Лондона.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

(В сокращении)

Прихрамывая, они спускались к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжёлые тюки, стянутые ремнями. Каждый из них нёс ружьё. Оба шли сгорбившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенявшуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лёд, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлёстывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова: он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот всё так же шёл вперёд, даже не оглядываясь. Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

¹ Меланхо́лик — человек, склонный к грусти, к мрачным мыслям.

Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жёсткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла...

Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружьё с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пере-силлил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружьё, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошёл к берегу, морщась от боли.

Он шёл не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, — и сам он казался ещё более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет! На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк ещё дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз...

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что ещё немного — и он подойдёт к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нём не мутная. По берегам ручья растёт камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдёт вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдёт свой тайник под перевёрнутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — всё нужное

для того, чтобы добывать себе пропитание. А ещё там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождёт его там, и они вдвоём спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, всё на юг, пока не доберутся до реки Маккензи. На юг, всё на юг, — а зима будет догонять их, и быстрину в реке затянет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чём думал путник, с трудом пробираясь вперёд. Но как ни трудно было ему идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждёт его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть. И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы. Он снова и снова перебирал мысленно запасы пищи в своём тайнике и запасы на складе Компании Гудзонова залива. Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Довольно долго он лежал на боку не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Ещё не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха. Набрав целую охапку, он развёл костёр — тлеющий, дымный костёр — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один свёрток он положил в пустой кисет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал всё это, ему вдруг стало страшно; он развернул все три свёртка и снова пересчитал. Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стёрты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел её: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полоску от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал

лодыжку, оторвал ещё несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим носки и мокасины, потом выпил кипятку, завёл часы и лёг, укрывшись одеялом.

Он спал как убитый. К полуночи стемнело, но ненадолго. Солнце взопило на северо-востоке — вернее, в той стороне начало светать, потому что солнце скрывалось за серыми тучами.

В шесть часов он проснулся, лёжа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фыркание и увидел большого оленя, который настороженно и с любопытством смотрел на него. Олень стоял от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запах и вкус оленины, шипящей на сковородке. Он невольно схватил незаряженное ружьё, прицелился и нажал курок. Олень всхрапнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

Он выругался, отшвырнул ружьё и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и нескоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он наконец поднялся на ноги, ему понадобилась ещё целая минута, чтобы выпрямиться и стать прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озёрки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришёл вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал. Скоро он при-

Какие качества выделил художник в характере своего героя? Что в нём общего с путником из рассказа Джека Лондона?

дёт в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда — быть может, за следующим пологим холмом.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свёртка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов — столько же, сколько всё остальное, — и это его тревожило. Наконец, он отложил мешочек в сторону и стал свёртывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплёлся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной...

Когда он дошёл до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича: кр, кр, кр... Он бросил в них камнем, но промахнулся. Потом, положив тюк на землю, стал подкрадываться к ним ползком, как кошка подкрадывается к воробьям. Штаны у него порвались об острые камни, от колен тянулся кровавый след, но он не чувствовал этой боли, — голод заглушал её. Он полз по мокрому мху; одежда его намокла, тело зябло, но он не замечал ничего, так сильно терзал его голод. А белые куропатки всё испархивали вокруг него, и наконец это «кр, кр» стало казаться ему насмешкой; он выругал куропаток и начал громко передразнивать их крик...

К середине дня он дошёл до болота, где дичи было больше. Словно дразня его, мимо прошло стадо оленей, голов в двадцать, — так близко, что их можно было подстрелить из ружья. Его охватило дикое желание бежать за ними, он был уверен, что догонит стадо. Навстречу ему попалась черно-бурая лисица с куропаткой в зубах. Он закричал. Крик был страшен, но лисица, отскочив в испуге, всё же не выпустила добычи.

Вечером он шёл по берегу мутного от извести ручья, поросшего редким камышом. Крепко ухватившись за стебель камыша у самого корня, он выдернул что-то вроде луковицы, не крупнее обойного гвоздя. Луковица оказалась мягкая и аппетитно хрустела на зубах. Но волокна были жёсткие, такие же водянистые, как ягоды, и не насыщали. Он сбросил свою поклажу и на четвереньках пополз в камыши, хрустя и чавкая, словно жвачное животное.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а ещё больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озерах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пескаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведёрко, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился, и выплёскивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем, и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё он плакал без слёз, сотрясаясь от рыданий.

Он развёл костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одежда была сырые и холодные на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил всё гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел, и костёр погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тюк на спину и брести вперёд, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту...

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холод-

ный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что дождь мочит ему лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своём тайнике у реки Диз...

Дождь растопил снег, и только верхушки холмов оставались белыми. Проглянуло солнце, и путнику удалось определить стороны света, хотя теперь он знал, что сбился с пути. Должно быть, блуждая в эти последние дни, он отклонился слишком далеко влево. Теперь он свернул вправо, чтобы выйти на правильный путь.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведёрком. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке всё слабела, становилась всё менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжевывая, и это было чисто рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.

Вечером он поймал ещё трёх пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак. Солнце высушило изредка попадавшиеся клочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды. В этот день он прошёл не больше десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, — не больше пяти. Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул. Местность была ему теперь незнакома, олени попадались всё чаще и волки тоже. Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он видел трёх волков, которые, крадучись, перебегали ему дорогу.

Ещё одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивающий кожаный мешочек. Из него жёлтой струйкой сыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам, одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешок. Своё последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружьё он всё ещё не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны...

Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно. Голод упорно гнал его вперёд. Но что, если... Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружьё заряжено, он просто этого не

заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон...

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

Волки по двое и по трое то и дело перебегали ему дорогу. Но они не подходили близко. Их было не так много; кроме того, они привыкли охотиться за оленями, которые не сопротивлялись им, а это странное животное ходило на двух ногах, и должно быть, царапалось и кусалось.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках ещё не угасла жизнь. Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такова жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему ж тогда не хочется умирать?..

Наступили страшные дни дождей и снега. Он уже не помнил, когда останавливался на ночь и когда снова пускался в путь. Шёл, не разбирая времени, и ночью и днём, отдыхал там, где падал, и тащился вперёд, когда угасавшая в нём жизнь вспыхивала и разгоралась ярче. Он больше не боролся, как борются люди. Это сама жизнь в нём не хотела гибнуть и гнала его вперёд. Он не страдал больше. Нервы его притупились, словно оцепенели, в мозгу теснились странные видения, радужные сны.

Он пришёл в сознание однажды утром, лёжа на плоском камне. Яркое светило и пригревало солнце. Издали ему слышно было мычание оленят. Он смутно помнил дождь, ветер и снег, но сколько времени его преследовала непогода — два дня или две недели, — он не знал...

Медленно, равнодушно, без всякого интереса он проследил за течением незнакомой реки почти до самого горизонта и увидел, что она вливается в светлое блистающее море. И всё же это его не взволновало. «Очень странно, — подумал он, — это или мираж, или видение, плод расстроенного воображения». Он ещё более убедился в этом, когда увидел корабль, стоявший на якоре посреди блистающего моря. Он

закрыв глаза на секунду и снова открыл их. Странно, что видение не исчезает! А впрочем, нет ничего странного. Он знал, что в сердце этой бесплодной земли нет ни моря, ни кораблей, так же как нет патронов в его незаряженном ружье.

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять слышались сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали кверху, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это по крайней мере не кажется», — подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов понял, в чём дело. Он шел на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая, медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружьё и нож он потерял. Шапка тоже пропала и вместе с ней спички, спрятанные за подкладку, но спички в кисете за пазухой, завернутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они всё ещё шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их...

Все его движения были медленны. Он дрожал, как в параличе. Он хотел набрать сухого мха, но не смог подняться на ноги. Несколько раз он пробовал встать и в конце концов пополз на четвереньках. Один раз он подполз очень близко к больному волку. Зверь неохотно посторонился и облизнул морду, насилу двигая языком. Человек

заметил, что язык был не здорового красного цвета, а желтоватобурый, покрытый полужасохшей слизью.

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк...

Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморённую унылую собаку, стоял, понунив голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

Взошло яркое солнце, и всё утро путник, спотыкаясь и падая, шёл к кораблю на блистающем море. Погода стояла прекрасная. Это началось короткое бабье лето северных широт. Оно могло продержаться неделю, могло кончиться завтра или послезавтра.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шёл, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек всё ещё ел болотные ягоды и пескаррей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл по следам другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца. Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмёт золота — и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблём, а на следующий день — на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля всё ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабье лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга...

Однажды он пришёл в чувство, услышав чьё-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и полумили. И всё-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней...

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше. Полдня он лежал неподвижно, борясь с забытьём и сторожа волка, который хотел его съесть и которого он съел бы сам, если бы мог. Время от времени волна забытья захлёстывала его, и он видел длинные сны; но всё время, и во сне и наяву, он ждал, что вот-вот услышит хриплое дыхание и его лизнёт шершавый язык.

Дыхания он не слышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал,

что в горло ему сочится тёплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставил себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезающий в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем, сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днём. Учёные качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он всё раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чём дело. А когда учёные стали следить за ним, им тоже стало всё ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря. Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачки, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно произошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Перевод Н. Дарузес

Это интересно

Основой сюжета рассказа «Любовь к жизни» послужили действительные происшествия на Аляске, о которых узнал писатель из газет. Одно случилось на реке Куперман, где вывихнувший ногу золотоискатель с трудом добрался до жилья. Другое — у местечка Ноум. Там заблудился и едва не умер в тундре золотоискатель. Сведения о болезненной мании запастись провизией, появившейся у перенёсшего жестокий голод человека, Джек Лондон тоже почерпнул из достоверного источника — из книги лейтенанта Грили о своей полярной экспедиции. Как видим, в основе сюжета рассказа — подлинные факты. Добавим к ним опыт собственных голодалий и «хождений по мукам», которые пережил Лондон, его впечатления от пребывания на Аляске. Всё это были крупницы, но весьма существенные для реалистической канвы рассказа. Далее работало воображение и безжалостный судья — разум, отобравший самое необходимое, самое действенное.

По В. Быкову

? Вопросы и задания**● Обменяемся впечатлениями от прочитанного**

1. Как начало рассказа «Любовь к жизни» готовит читателя к его восприятию? Какие зрительные образы возникают перед вами?

● Порассуждаем о произведении

2. Джек Лондон своих героев не характеризует «от себя», он заставляет их «самораскрываться». Как в начале рассказа «Любовь к жизни» раскрываются характеры Билла и путника?
3. Проследите по тексту, как день за днём у героя усиливается ощущение безысходности. Как писатель добивается этого? Какие детали при этом использует? (Вспомните: художественная деталь — выразительная подробность, одно из средств создания художественного образа в художественном произведении.)
4. В рассказах Джека Лондона большое внимание уделяется изображению острых ситуаций, раскрывающих силу и слабость человека. Приведите примеры таких ситуаций в рассказе «Любовь к жизни». Что же заставляет путника двигаться вперёд?
5. Какое значение для понимания героя и рассказа в целом имеет эпизод его встречи с волком? Почему человек, а не волк решается на единоборство? Подготовьте выразительное чтение этого эпизода.
6. Как иллюстрации к рассказу помогли вам представить героя и обстоятельства, в которых он оказался?

7. Почему герой расстался с золотом, ради которого рисковал жизнью? Есть ли сходство в отношении к золоту путника и отношении к деньгам Робинзона Крузо?
 8. Найдите и перечитайте отрывок из рассказа «Любовь к жизни», где герой размышляет о смерти. Почему Билл погиб, а его спутник победил смерть?
- Для самостоятельной работы
9. Определите тему и идею рассказа «Любовь к жизни».
 10. Описание каких исключительных обстоятельств помогает Джеку Лондону выразить идею рассказа?
 11. Как раскрывается тема товарищества в рассказе?
 12. Объясните значение пейзажных и портретных зарисовок в передаче внутреннего состояния героя. Включите в свой ответ 2–3 примера из текста.

■ Для будущих филологов

Почему герой рассказа «Любовь к жизни» не назван по имени? Имеет ли это какое-либо значение для понимания рассказа?

Добрых людей на свете... больше, чем плохих и злых, иначе в мире наступила бы дисгармония¹, он перекопился бы, как нагруженный... мусором на один борт корабль, и давно бы опрокинулся и затонул.

В. Астафьев

АСТАФЬЕВ Виктор Петрович

(1924 – 2004)

Виктор Петрович Астафьев родился и вырос в Сибири, у слияния двух больших рек — Маны и Енисея. Родной сердцу пейзаж он описал в своих повестях и рассказах: «На самом горбистом всплеске тайги заблудившимся парусом сверкает белый утёс. Загадочно, недостижимо синеют далёкие перевалы, о которых и думать-то жутко. Меж них петляет, ревет и гремит на порогах Мана-река — кормилица-поилица: пашни наши здесь, промысел² надёжный тоже на этой реке. Много на Мане зверя, дичи, рыбы. Много порогов, росох, гор, речек с завлекательными названиями Каракуш, Нагалка, Бёжать, Миля, Кандынка, Тыхты, Негнет» (рассказ «Монах в новых штанах»).

Детство будущего писателя пришлось на тяжёлое довоенное время. В восемь лет мальчик остался сиротой, воспитывали его бабушка и дедушка, и о них с особой любовью и теплотой говорит Астафьев почти в каждом своём произведении.

Учился Виктор Астафьев «в старом деревенском доме с угарными печами. Парт не было,

¹ Дисгармония — отсутствие согласия, несоответствие; разлад.

² Промысел — занятие охотой, добычей зверя, птицы.

скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было. Один букварь на весь первый клас и один красный карандаш. Принесли ребята из дому табуретки, скамейки, сидели кружком, слушали учителя, затем, пристроившись на подоконнике, поочерёдно писали палочки. Счёту учились на спичках и палочках, собственноручно выструганных из лучины¹ (рассказ «Фотография, на которой меня нет»).

Взрослели тогдашние дети быстро, и больше учились жизни, чем грамоте. Учиться жизни для крестьянского мальчика означало учиться труду — пахать, сеять, косить, заготавливать дрова, охотиться. И, конечно же, учиться жить среди людей, постигать нравственные нормы и ценности народной жизни.

Судьба Астафьева была сложной и многотрудной: детдом, затем учёба в ФЗО (фабрично-заводское обучение), работа составителем поездов под Красноярском, три года войны, тяжёлые ранения, контузии. Много горечи и печали осело в душе в войну. Хотелось рассказать, какие прекрасные люди ушли из жизни — духовно сильные, талантливые. Так приходит решение учиться мастерству писателя, и в 1959 году Виктор Астафьев поступил на Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Он много и успешно пишет. Его творчество заслужило признание у читателей всех поколений. Повести «Звездопад», «Кража», «Последний поклон», «Пастух и пастушка», сборники рассказов издаются массовыми тиражами.

Большинство рассказов, созданных Виктором Астафьевым для детей, вошло в сборник «Конь с розовой гривой». «Рассказы, включённые в эту книжку, — отмечал автор, — написаны в разное время. Почти все они о моей родине — Сибири, о далёком деревенском детстве, которое, несмотря на трудное время и сложности, связанные с ранней гибелью мамы, — всё-таки было удивительно светлой и счастливой моей порой».

1. Чем замечателен край, в котором родился и вырос Виктор Петрович Астафьев?
2. Какой была «школа жизни» Виктора Астафьева?
3. Как называется сборник рассказов Виктора Астафьева для детей?

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

(В сокращении)

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются по землянику, и велела сходить с ними.

- Наберёшь туесок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.
- ¹ Лучина — тонкая длинная щепка. — Конём, баба?
- ² Туесок — берестяная корзинка. — Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских мальчишек. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, конь-огонь!..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ластанся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадобах¹ вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготавливал лес на бадоба, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не помню — Левонтий получал деньги, и тогда в доме Левонтьевых, где были одни ребятки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала её бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тётка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме заполошная² Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

¹ Бадоба — длинные поленья.

² Заполошная — суетливая.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напустилась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Но Васеня опять юбкой вихрь взмётывала и укатывалась:

— Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого Левонтия, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведении:

— Зато как папа шурунёт нас — бегишь и не загнуешься!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубашке вовсе без пуговиц. Садился на истюканный топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почёсывался:

— Я, Петровна, слободу люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетает!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его полочки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и попасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окружён бываю редкостным вниманием, тут мне полный праздник.

— Выдь отсюда! — строго приказывал пьяненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вылезал из-за стола, пояснял детям это действие уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всё ж при родителях! — И, жалостно глянув на меня, тут же взрёвывал: — Мать-то ты хоть помнишь? — Я утвердительно кивал головой, и тогда дядя Левонтий горестно облокачивался на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы, вспоминал: — Бадога с ней по один год кололи-и-и! — И совсем уж разрыдавшись:

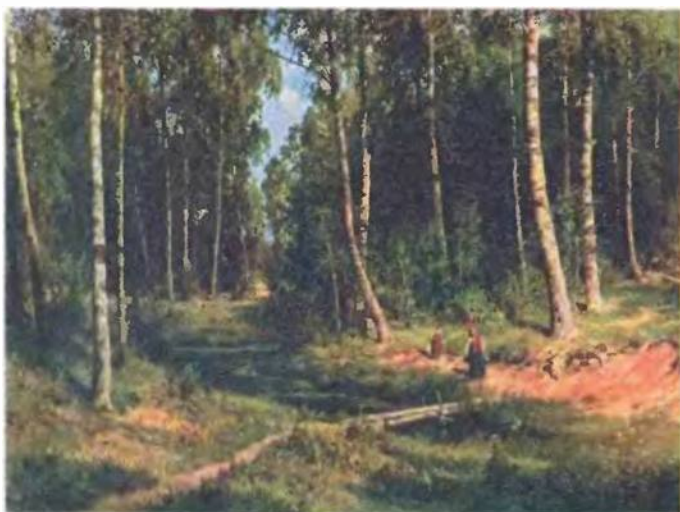
— Когда ни придёшь... ночь, полночь... «Пропа... пропащая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опохмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия и я вместе с ними ударились в рёв, и до того становилось жалостно в избе, и такая доброта охватывала людей, что всё-всё высыпалось и вываливалось на стол, и все наперебой угощали меня и сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что такое жисть?!» — после чего я хватал пряники, конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хватали что попало под руки и разбегались кто куда. Последней ходу задавала Васеня. И бабушка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять ходила по соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего придётся...

Вот с ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные туески, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали березья луку-батуну, наелись до зеленой слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

*Соответствует ли
вашим представле-
ниям о сибирской
природе, описанной
В. Астафьевым, пей-
заж И. Шишкина?*

Тут все перестали пицать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького туюска стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посуды. Вдохнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребятишки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так ничего-о-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и, видать, обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх, ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смекнул: — Скажи уж лучше — боишься её, и ещё жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — Сказал я это и сразу покался: понял, что попал на уду.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач носи. Может, ещё шанег¹ прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, и мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог, и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, вглубь побёг бы, да босой я, а там змеев гибель.

— Жмеев? — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовника худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопаёт. Я ей камнем в глаз залिमонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне —

¹ Ша́ньга — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

кто-то в пещере всё стонет, всё стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха. Нам-то ништяк! Ха-ха. А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, — не тётка Васеня.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребятшек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовника с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирал ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. — Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всем Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под рубахой. Потом ещё принес, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я, — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, ба-тюшко...

«А что, если разбудить её и всё-всё рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко её будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу ей обо всем: и про туесок, и про домовниху с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием.

Слонялся я утром, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским...

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить. Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребятишки ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреться у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины² клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие колокольчики, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы, — должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по

¹ Заимка — земельный участок, вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

² Поскотина — пастбище, выгон.

ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истончался и кружевец рвался.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай...

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

— Ну, и лешак с тобой! Во! Ключуло! У тебя ключуло!

Я свалился с яра, переполюбошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв...

Вдруг за ближним каменным бычком зацёлкали по дну кованые шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок, — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе... Вот уж кормовой дакнул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или по большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стрижиновую норку. Подлетел стриж, ткнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — нёсся вслед мне голос бабушки.

А тут еще мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди-Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди-Ваниного дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е, — ответил я как можно бодрей и беспечней. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала.

А тонкошей молчун Кешка попил варёного молока, и мать сказала ему:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было свету. Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втолкнула в пристроенную к сениям кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в половик, притих, слушая.

Тётя Феня и бабушка о чем-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натюканной во все щели и под потолком. Травы эта всё чего-то пощелкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Темень была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на вареву. У кого-то левонтьевские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промышлять дрова далеко!..

Ушла тётя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихла мышь. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинута дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все куплю». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы помереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало неважно дышать, и я открылся.

— Своим вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Все равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну, что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескаты! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё что-то делал. Чувствуя его незримую и надёжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бочкал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смирененький! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по её усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать всё, что у неё накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз раскаянно заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скобленому кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло! А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Чем увлék вас рассказ Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой»?
2. Кто из героев рассказа вам особенно понравился? Почему?
3. Найдите в тексте необычные для вас слова. С чем связано их употребление?
4. Где и когда происходят события, описанные в рассказе «Конь с розовой гривой»? Какие приметы места и времени действия говорят об этом?

● Порассуждаем о произведении

5. От чьего лица ведётся повествование в рассказе? Каким вы представляете себе главного героя?
6. Почему мечта о «прянике конём» была заветной для всех деревенских детей?
7. Прочитайте описание левонтьевского дома. Как дом характеризует своих хозяев? Почему героя-рассказчика неудержимо тянуло в этот дом?
8. Почему бабушка Катерина Петровна «поносила» Левонтьиху, «корила» Левонтия?
9. Расскажите, как дети собирали землянику. Сравните поведение левонтьевских ребят и внука бабушки Катерины. Почему Санька стал дразнить его?
10. Объясните, почему герой поддаётся на уловки Саньки. Сожалеет ли он о совершённых поступках?
11. Каким вы представляете себе дедушку? А бабушку? Что можно сказать об отношении героя к ним? Кто, по-вашему, больше любил внука?
12. Почему бабушка, несмотря на обман внука, купила ему желанный пряник?

● Для самостоятельной работы

13. Прочитайте другие рассказы из сборника Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой». Почему писатель дал такое название всему сборнику?

■ Для будущих филологов

Подготовьте устный рассказ на тему «Самый поучительный урок из моего детства».

Книга жизни человека начинается со страниц детства.

В. Распутин

Валентин Григорьевич Распутин родился в Сибири, в четырёхстах километрах от Иркутска. Детство было трудное: шла война, а затем наступили послевоенные полуголодные годы. «Для нашего поколения был очень труден хлеб детства», — вспоминает Валентин Григорьевич.

В 1944 году Распутин пошёл в школу. И вскоре стал первым грамотеем в деревне. Он писал под диктовку письма на фронт и читал редкие весточки оттуда.

Радостей было мало. Но любовь к чтению наполнила его жизнь новыми впечатлениями и интересами. Не обошлось и без курьёзов¹. В деревенской начальной школе библиотеку составляли две полки книг. Чтобы сохранить их, разрешалось читать книги только в школе.

«Своё знакомство с книгами я начал... с воровства. Мы с приятелем одно лето частенько забирались в библиотеку. Вынимали стеклину, влезали в комнату и брали книги. Потом приходили, возвращали прочитанное и брали новые. За лето я настолько пристрастился к чтению, что, придя в школу, почувствовал себя несчастным человеком: читать стало нечего. А без книг я уже не мог. В то время я прочитывал всё, что могло попадаться на глаза, — будь то брошюра², обрывок газеты или плакат. А когда перешёл в пятый класс, учиться

РАСПУТИН Валентин Григорьевич

(рог. в 1937 г.)

¹ Курьёз — нелепый случай, смешное происшествие.

² Брошюра — небольшая (до 48 страниц) книжка в бумажной обложке.

стал в районном центре. Там уже была библиотека. По сравнению с сельской — неплохая. И книги в ней были доступны».

О том, с какими трудностями будущий писатель столкнулся в райцентре, куда привезла его мать продолжать учёбу в пятом классе, Валентин Григорьевич рассказал в «Уроках французского». Распутин считает детство очень важным периодом в становлении и самоопределении человека. «Я уверен, что писателем человека делает его детство, способность в раннем возрасте увидеть и почувствовать всё то, что даёт ему затем право взяться за перо. Образование, книги, жизненный опыт воспитывают и укрепляют в дальнейшем этот дар, но родиться ему следует в детстве».

В 1959 году Распутин закончил историко-филологический факультет Иркутского университета. Думал стать учителем и очень серьёзно готовился к этому. Но в студенческие годы ему пришлось поработать в областной молодёжной газете, и это определило его судьбу. В 1965 году его рассказы, напечатанные в газете, получили высокую оценку на совещании молодых писателей и были выпущены отдельной книгой — «Человек с этого света».

Славу большого писателя и мировое признание принесли Валентину Распутину повести «Прощание с Матёрой», «Живи и помни», «Последний срок», «Пожар».

1. С какими событиями совпало детство Валентина Григорьевича Распутина?
2. Что скрашивало жизнь будущего писателя в школьные годы?
3. Где друзья доставали книги для чтения?
4. Какие воспоминания вынес Валентин Распутин о годах учёбы в районном центре?
5. Какие произведения принесли Валентину Распутину мировую известность?

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

(В сокращении)

*Анастасии Прокопьевне
Копыловой*

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговори-лась со своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний

день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мелкие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне осталось? — затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок,

поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бесильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедem домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне присылали довольно часто, примерно раз в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная

женщина, которая одна мыкалась с тремя ребятами, кто-то из её старших девчонок, или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырвав гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни экономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

Однажды, еще в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяйничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важней всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и, если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очерёдности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же

раза два она подкладывала мне в письмо по пятёрке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился за свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба пошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая...

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества; один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много...

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш тройне...

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам...

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым меня ударил Птах. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птах. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивал одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне влед Вадик...

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос впух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине

уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: сразу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал! — выкрикнул Тишкин, захлёбываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он нарочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись этой мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил школу... Но и

тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вовсе меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так до-мой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, по-дальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверное?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо хоть так. И что ты делаешь с деньгами? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают, наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

-- Можно.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто его кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящем во дворе заброшенном сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карман и убегал на улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблескивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навыпуск рубаше с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — щурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет, — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся...

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова...

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру.

Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того: я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю?..

Стыдно сейчас вспомнить, как я путался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучшие я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — настолько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех остальных.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шюфёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали, для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё

был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии боль-

ше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попускаюсь. Это зам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не бывало, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разрёб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварешь себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще: я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой отмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет. — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристенок». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскивала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: «замеряшки». Достанешь — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далеко. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе.

Я озирался, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадоривала меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и

средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала пошла своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться.

Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо

*Чем нравится вам
иллюстрация
Г. Фиттингофа?
Как художник
передаёт изменив-
шиеся взаимоотно-
шения героев?*

мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать-двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко... Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормозила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» неслитово.

— Почему это неслитово?

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёлся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор.

— Играем в «пристенки», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Сокращение. И ещё... ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видел всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макаронов. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. То, о чём рассказал Валентин Григорьевич Распутин в «Уроках французского», произошло более полувека тому назад. Всё ли вам понятно в рассказе?

2. Что вам понравилось в герое произведения — деревенском мальчике?
3. Какое мнение сложилось у вас о Лидии Михайловне?

● Порассуждаем о произведении

4. Как вы помните, рассказом называется небольшое прозаическое произведение, в котором изображено одно, реже несколько событий с небольшим количеством действующих лиц. Часто повествование ведётся от имени рассказчика. Сколько рассказчиков в «Уроках французского»? Подтвердите свой ответ примерами из текста.
5. Какие трудности преодолевает главный герой в деревне и с чем они связаны?
6. Чему научила мальчика деревенская жизнь?
7. Почему жизнь в городе оказалась труднее, чем в деревне?
8. Какие уроки преподнесла герою городская жизнь? Как отразились они на формировании его характера?
9. Найдите в тексте и выразительно прочитайте строчки, в которых взрослый рассказчик даёт оценку себе, ребёнку.
10. Какие качества характера мальчика проявились особенно ярко в игре на деньги с мальчишками?
11. Рассмотрите иллюстрации. Какие эпизоды рассказа изображены?
12. Как раскрывается характер героя в его отношении к учительнице Лидии Михайловне, к директору школы, ребятам? Что влияло на такое отношение?
13. Как характеризует Лидию Михайловну придуманный ею тактический ход — игра в «пристенки»?
14. Какие уроки преподносит мальчику жизнь, а какие — Лидия Михайловна? Какие уроки оказались главными? Только ли сила духа помогла ему выстоять?
15. Можно ли директора школы и игроков в «чеху» отнести к одной «компании»?
16. Почему автор чувствует свою вину как перед учителями, так и перед родителями?
17. Почему рассказ называется «Уроки французского»?

● Для самостоятельной работы

18. Перечитайте статью о Валентине Распутине. События, происшедшие с ним в детстве, послужили основой рассказа «Уроки французского». Такие произведения, в которых описываются события из жизни писателя, называются *автобиографическими*. Какие ещё вы читали автобиографические произведения?
19. Выделите основные эпизоды рассказа и озаглавьте их. Каков тон повествования в каждом эпизоде?
20. Что нового о герое вы узнаете в каждом из последующих эпизодов?

■ Для будущих филологов

Рассказ «Уроки французского» посвящён матери Александра Вампилова (1937—1972) — талантливого писателя, друга Валентина Распу-

тина. Объясняя посвящение, Распутин говорит о том, что трудная учительская судьба часто изменяет выражение глаз, и в них поселяется суровость, а иногда и жёсткость, но Анастасия Прокопьевна Копылова сохранила доброту души, и глаза её всегда излучали свет добра. Какая мысль заложена в посвящении? Каково её значение для понимания идеи рассказа «Уроки французского»?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

ОБ АВТОРСКОМ ОТНОШЕНИИ К ГЕРОЮ

Читая художественное произведение, мы мысленно представляем его героев и созданные писателем картины жизни, выстраиваем одно за другим воображаемые события, размышляем, переживаем и... чувствуем незримое присутствие автора. От строчки к строчке, от абзаца к абзацу автор открывает перед читателем свой образный мир, своё отношение к героям, свои чувства и мысли. Как это происходит? Давайте понаблюдаем.

Вот перед нами герой рассказа Валентина Распутина «Уроки французского». «Башковитый», смышлённый паренёк, имеющий проблемы с иностранным языком из-за произношения, которое «с головой выдавало» всё его «ангарское происхождение вплоть до последнего колена». Он «шпарил по-французски на манер... деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью проглатывал, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями». Какое впечатление складывается у читателя после столь краткой, но выразительной характеристики французского произношения героя? Мы невольно улыбаемся. С помощью фразеологизмов *выдавать с головой, до последнего колена* и метафор, имеющих эмоционально-оценочную окраску, автор выражает своё ироническое отношение к орфоэпическим недочётам героя.

Мы читаем портретную характеристику героя-рассказчика и проникаемся сочувствием к мальчику:

«...тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки».

Диалоги героя с игроками в «чику» помогают читателю не только представить каждого из них по речевой характеристике, но и почувствовать отрицательное отношение автора к Вадику и Птахе.

Наше одобрение или неприязнь, сочувствие или осуждение вызывают поступки и поведение персонажей, мастерски обрисованные автором.

Так, читатель мысленно поддерживает героя рассказа Виктора Астафьева «Конь с розовой гривой», который хоть и совершил предосудительный поступок, но раскаивается, переживает, ищет способ загладить вину.

Автор помещает описание переживаний мальчика в нескольких фрагментах рассказа, и всякий раз сочувствие читателя усиливается:

«Бабушку надул. Калачи украл. Что будет? — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня как окончательно запутавшегося преступника».

«А что если разбудить её и всё-всё рассказать?»

«Ах, если б заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся».

«Тут я... закрылся полушубком, забился в него, чтобы помереть скорее».

«...и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из глаз моих».

Иногда в произведении автор (рассказчик) непосредственно оценивает героя. Например, в рассказе Астафьева «Конь с розовой гривой» читаем: «Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят»; «И подмигнул мне бес Санька...». Такой приём называется прямой авторской характеристикой.

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Авторское отношение к герою выражается в художественном произведении через изобразительные средства языка, портрет, пейзаж, речевую характеристику, поступки и поведение героев, а также изображение их в необычных обстоятельствах.

Часто, чтобы ярко выявить какую-либо характерную черту своего героя, автор изображает его в необычных обстоятельствах. Так поступает Валентин Распутин, «заставив» учительницу французского языка Лидию Михайловну играть в «замеряшки» со своим учеником. Для чего автор это делает? Чтобы подчеркнуть находчивость, душевную тонкость учительницы, пытающейся хоть как-то поддержать голодающего, но гордого и упрямого ученика.

Героя рассказа «Конь с розовой гривой» Виктор Астафьев ставит перед выбором: заслужить одобрение сомнительного друга или выполнить задание бабушки. Мальчик не выдержал испытания «на прочность», но мы видим, что он не похож на Саньку, у него есть совесть, его терзает чувство вины, и в этом нас убеждает автор, описывая переживания героя.

Закрепим новые знания

Каковы приёмы выражения авторского отношения к герою? Приведите самостоятельные примеры из изученных произведений.

Учимся работать самостоятельно над текстом художественного произведения**Выделение эпизодов художественного произведения и их комментирование¹**

Эпизод — это часть художественного произведения, имеющая относительно самостоятельное значение. Чтобы выделить эпизоды художественного произведения, нужно хорошо знать его содержание.

1. Выделите несколько эпизодов художественного произведения («Конь с розовой гривой» В. Астафьева или «Уроки французского» В. Распутина). Озаглавьте их.
2. Внимательно перечитайте первый из выделенных эпизодов. Определите его главную мысль.
3. Прокомментируйте, как автор выражает главную мысль эпизода: через поступки, поведение героев, портрет, пейзаж и т. д.
4. Проследите, как этот эпизод связан с последующим.
5. Приступайте к работе над следующим эпизодом.

¹ **Комментирование** — разъяснение смысла текста.

Проверим и углубим наши знания

1. Литературные герои, с которыми вы познакомились в разделе учебника «Герой и обстоятельства», поставлены перед необходимостью выбора: как в сложных обстоятельствах вести себя, какой жизненный путь выбрать? С какими трудностями встретился Робинзон Крузо? Как он ведёт себя в этих обстоятельствах?
2. Что вам больше всего нравится в Робинзоне Крузо?
3. Надуманы ли автором обстоятельства, в которых Робинзон Крузо пробыл на острове 28 лет, или они вполне реальны?
4. Какие события и впечатления положены в основу произведения «Жизнь и удивительные приключения морехода Робинзона Крузо»? Можно ли Робинзона отождествлять с Селькирком? Почему?
5. Что сближает Робинзона с путником из рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни»? Как оба героя ведут себя в сложной ситуации? Кому из них было проще бороться за свою жизнь?
6. С какими обстоятельствами путник из рассказа «Любовь к жизни» не смирился?
7. Что для путника было страшнее всего? Как он действует в эпизоде с волком? Побеждает ли свой страх до конца?
8. Что заставляло путника идти вперёд, хотя нога была повреждена и силы слабели с каждым днём?
9. Какие жизненные впечатления послужили Джеку Лондону материалом для создания образа путника?

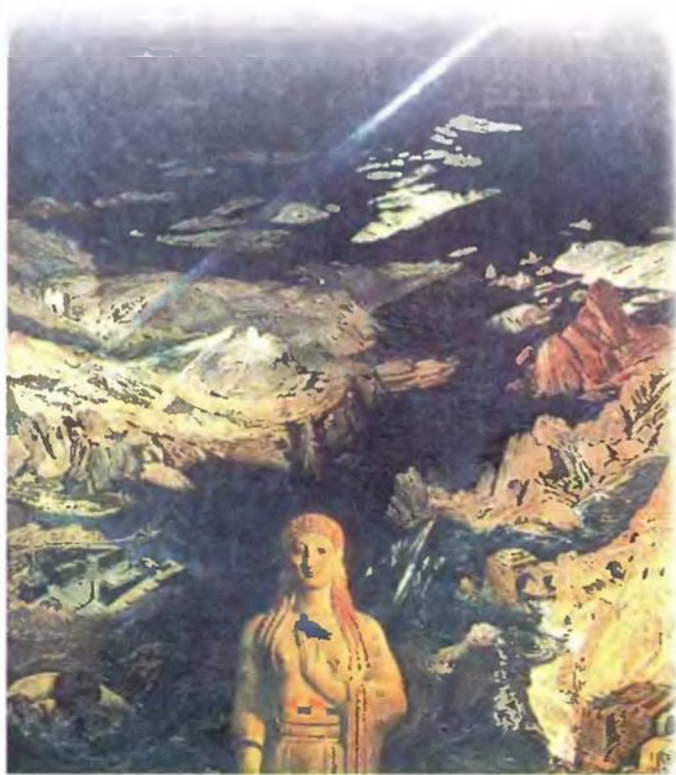
10. Как вы думаете, смерть Билла — это наказание за предательство или нелепая случайность?
11. Проследите, как в рассказе «Конь с розовой гривой» меняется настроение героя — в доме у Левонтия, в лесу, после возвращения домой и на следующий день. Как эти изменения в настроении отражаются в поведении героя, в его речи, в интонации рассказа?
12. Согласитесь, что ситуация, в которую попал герой Астафьева, — очень неприятная. Как ведёт себя герой? Кто помогает мальчику в сложных обстоятельствах?
13. Какие нравственные уроки извлёк астафьевский герой из описанной в рассказе ситуации?
14. Сравните поведение в сложных жизненных обстоятельствах главных героев рассказов Виктора Астафьева и Валентина Распутина.
15. Почему герой рассказа Распутина «Уроки французского» начал играть в «чику»?
16. Согласны ли вы с мыслью, что испытания, выпадающие на долю человека, закаляют его характер? Можно ли утверждать, что это произошло с героем Распутина? Аргументируйте свой ответ.
17. Какую роль в жизни своего ученика сыграла Лидия Михайловна?
18. Какое из четырех произведений, помещённых в разделе учебника «Герой и обстоятельства», произвело на вас самое сильное впечатление?

Герой Даниеля Дефо Робинзон Крузо сумел выжить на необитаемом острове во многом благодаря тому, что ему удалось воспользоваться некоторыми достижениями цивилизации. (Цивилизация — довольно высокий

ТЕМА
ПРИРОДЫ И
ЦИВИЛИЗАЦИИ
В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

уровень развития духовной и материальной культуры человечества.) С тонущего корабля он взял Библию, бумагу, чернила, некоторые инструменты, пригодившиеся ему в его новой, очень трудной жизни, оружие и порох, необходимые для охоты и защиты. Робинзон был цивилизованным человеком, многое знал и умел. Это помогло ему создать на острове условия цивилизованной жизни. Вполне заслуженно его называют в конце книги «губернатором цивилизованного острова». Но и природа, окружающая Робинзона, была к нему благосклонна, одаряла его своими щедротами. Книга о приключениях Робинзона одновременно является книгой о природе и цивилизации, которые сосуществуют в полной гармонии, не причиняя вреда друг другу.

Со временем тема природы и цивилизации в литературе приобрела иное звучание. Вслушайтесь в слова Антона Павловича Чехова, которые он вложил в уста своего героя — доктора Астрова: «Русские леса трещат под топором, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи... Лесов всё меньше и меньше. Дичь перевелась, климат испорчен и с каждым днём земля становится всё беднее и безобразнее...» (пьеса «Дядя Ваня»).

Что же заставило Чехова обратиться к читателям и зрителям с такими взволнованными словами? Великий русский писатель призывал человека задуматься над тем, что происходит в мире, задуматься над своим отношением к природе и встать на её защиту.

Вчитайтесь в стихотворение Николая Заболоцкого «Журавли». Полюбуйтесь вместе с автором красотой освещённого солнцем журавлиного клина в апрельском небе. И вместе с поэтом вы ужаснётесь выстрелу, бессмысленному и жестокому, ударившему в сердце вожака...

Поэт Роберт Рождественский в стихотворении «Ксении» радуется рождению дочери и печалится, что земля, на которой ей предстоит жить, пока ещё не «самая праздничная».

С героями Рэя Брэдбери вы почувствуете, что может случиться, если люди не опомнятся, не осознают своей ответственности перед миром и самой жизнью.

Сохраните лучшее достояние цивилизации — культуру, берегите природу, жизнь и красоту на планете — вот к чему зовут писатели и поэты. Этот зов обращён и к вам.

Давайте побеседуем

1. Почему тема природы и цивилизации в художественной литературе приобрела особую остроту? Почему писателей волнует тема защиты природы?
2. Какие произведения художественной литературы о природе вам запомнились и оставили след в вашей душе?
3. Какие стихотворения о природе вы знаете наизусть и чем они вам нравятся?

Надо работать и бороться за самих себя. Сколько неудач ещё впереди, сколько разочарований, сомнений! Но если в такие минуты человек поколеблется — его песня спета. Вера и упорство. Труд и честность...

Н. Заболоцкий

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич

(1903 – 1958)

Николай Заболоцкий был всегда верен своему завету: «Вера и упорство. Труд и честность...», несмотря на страшные испытания судьбы: замалчивание его поэтического творчества, аресты, тюрьмы, ссылки. Поэт Заболоцкий запомнился потомкам таким же гармоничным, цельным человеком, какой была и его поэзия.

Николай Алексеевич Заболоцкий родился в семье агронома. Из детства он вынес незабываемые впечатления от родной природы и работы отца, любовь к литературе и рано осознанное призвание — посвятить свою жизнь поэзии.

Первая книга стихотворений Заболоцкого «Столбцы» вышла в 1929 году и обратила на себя внимание читателей, получила одобрение в литературных кругах. А в советской печати появились клеветнические оценки и толкования творчества молодого поэта: его называли носителем чуждой идеологии¹. Поэтому новая книга стихов Николая Заболоцкого так и не была напечатана. Но он продолжал работать.

¹ Идеология — совокупность политических, правовых, моральных взглядов; мировоззрение.

Чтобы выжить, Заболоцкий стал заниматься переводами: переложил для юношества книгу французского писателя Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», перевёл поэму грузинского поэта Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», роман бельгийского писателя Шарля де Костера «Легенда об Уленшпигеле» и другие произведения.

В марте 1938 года Заболоцкий был арестован и только в 1946 году возвратился в Москву. Завершил переложение «Слова о полку Игореве», переводил грузинскую поэзию. Начался новый период в его творчестве: он воспевал красоту природы, её влияние на внутренний мир человека; в его поэзии появилась ранее не свойственная ему душевная открытость.

Только в 1957 году вышел второй сборник его стихотворений. Высокую оценку дал этому сборнику Корней Иванович Чуковский: «Пишу вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину. Для меня нет никакого сомнения, что автор «Журавлей», «Лебеда», «Уступи мне, скворец, уголок», «Неудачника», «Актрисы», «Человеческих лиц», «Утра», «Лесного озера», «Слепого», «В кино», «Ходоков», «Некрасивой девочки», «Я не ищу гармонии в природе» — подлинно великий поэт, творчеством которого рано или поздно нашей культуре (может быть, даже против воли) придётся гордиться, как одним из высочайших своих достижений». Знаменитый детский поэт и известный литературный критик Корней Чуковский оказался прав.

1. Через какие испытания прошёл Николай Заболоцкий на пути к своему призванию?
2. Какую работу выполнял поэт, когда его стихи в советское время запретили печатать?
3. Как оценил поэзию Заболоцкого Корней Чуковский?

ЖУРАВЛИ

Вылетев из Африки в апреле
К берегам отеческой земли,
Длинным треугольником летели,
Утопая в небе, журавли.

Вытянув серебряные крылья
Через весь широкий небосвод,
Вёл вожак в долину изобилия
Свой немногочисленный народ.

Но когда под крыльями блеснуло
Озеро, прозрачное насквозь,
Чёрное зияющее дуло
Из кустов навстречу поднялось.

Луч огня ударил в сердце птичье,
Быстрый пламень вспыхнул и погас,
И частица дивного величья
С высоты обрушилась на нас.

Два крыла, как два огромных горя,
Обняли холодную волну,
И, рыданию горестному вторя,
Журавли рванулись в вышину.

Только там, где движутся светила,
В искупленье собственного зла
Им природа снова возвратила
То, что смерть с собою унесла:

Гордый дух, высокое стремленье,
Волю непреклонную к борьбе —
Всё, что от былого поколенья
Переходит, молодость, к тебе.

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Вопросы и задания

1. Какое чувство вызывает картина, нарисованная поэтом в первой и второй строфах стихотворения?
2. Что в стихотворении Николая Заболоцкого «Журавли» особенно волнует? Кто повинен в разыгравшейся трагедии над «озером, прозрачным насквозь»?
3. Почему вожак назван «частицей дивного величья»?
4. Какая мысль выражена в предпоследней строфе? Почему, глядя на осиротевших, рванувшихся в небо журавлей, автор вспоминает о людях — былом поколении и молодых?
5. Сравните первую и последнюю строфы стихотворения. Как в них противопоставлены картины жизни и смерти?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О МЕТАФОРЕ

Метафора — одно из важнейших средств художественной речи.

Слово «метафора» происходит от греческого *metaphorá* (перенос) и обозначает *перенесение свойств одних предметов на другие по принципу их сходства*.

Метафора является главным средством создания художественных образов, эмоционально обогащает изображаемую картину мира. Николай Гоголь, изображая ночь накануне Рождества, передаёт впечатление от снега, освещённого лунным светом: «Снег загорелся широким серебристым полем, обсыпался хрустальными звёздами».

Вы, вероятно, заметили, что в основе метафоры лежит *неназванное сравнение* предмета с каким-либо другим предметом по признаку, общему для обоих: снег загорелся, словно огонь, засверкал, словно хрусталь при ярком свете. Метафора отличается от сравнения тем, что в сравнении всегда известно, что с чем сравнивается. Например, сравнение у Пушкина в «Зимнем утре»: «Луна, как бледное пятно, сквозь тучи мрачные желтела». В метафоре же сравнение не названо, скрыто, но мы о нём догадываемся. У Гоголя: «месяц заглядывает в окна украдкой», «весело смеющаяся ночь», «месяц танцевал». Это разновидности метафоры — *олицетворения*: свойства живого предмета переносятся на неживой (месяц заглядывает, как может это делать только живое существо — человек, кот и т. д.).

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Метафора — это перенесение свойств одних предметов на другие, сходные с ними. Она является главным средством создания художественного образа.

Широко используются метафоры в современной литературе. В поэтическом языке XX века они получили дальнейшее развитие и стали более сложными. У Роберта Рождественского встречаются такие метафорические выражения: «водосточные трубы устали трубить», «ручьи бегут нараспев»; у Николая Заболоцкого — журавли «летели, утопая в небе», «луч огня ударил в сердце».

Закрепим новые знания

1. Каким главным свойством обладает метафора? Какова её роль в художественном произведении?
2. Чем отличается метафора от сравнения?
3. Приведите примеры метафор из изученных произведений.

Не навреди, человек, ни берёзе, ни морю,
влажной тропинке
и птице, летящей во тьму.

Вместе со всею своею немыслимой мощью
не навреди ненароком себе самому.

Р. Рождественский

Роберт Иванович Рождественский родился в алтайском селе Косиха в семье военного. Мать была врачом, и, когда грянула война, заставшая Рождественских в Омске, родители будущего поэта ушли на фронт. «А я, — вспоминает он, — потрясённый всем случившимся, написал стихотворение, и наш школьный учитель отнёс это стихотворение в газету. Там оно и было опубликовано».

Много лет спустя Рождественский напишет стихотворение «Дни рождений»:

Меня

война в себя впитала.

Я — сын её.

Я — полон ею...

Так оно и было, так складывался поэтический характер Роберта Рождественского, в творчестве которого постоянно будут звучать мотивы мужества, борьбы, преодоления, чистый, романтический зов трубы...

Роберт Рождественский вошёл в литературу вместе с группой талантливых современников, среди которых — Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Владимир Цыбин.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Роберт Иванович

(1932 – 1994)

Если выстроить стихи и поэмы Рождественского в хронологическом порядке, то легко можно убедиться, что лирическая исповедь поэта отражает нашу жизнь, её движение, возмужание, духовные обретения и потери.

Многие стихотворения Рождественского положены на музыку: «За того парня», «Товарищ Песня», «Огромное небо», «Мгновение», «Благодарю тебя» и другие.

По Е. Сидорову

Вопросы и задания

1. Как творчество Роберта Рождественского связано с Великой Отечественной войной?
2. Перечитайте эпиграф. Как вы понимаете призыв поэта «Не навреди, человек...»?
3. Знаете ли вы песни на стихи Роберта Рождественского (возможно, из фильма «Семнадцать мгновений весны»)?

КСЕНИИ

Вырастешь, Ксения,
строки эти прочти...

Водосточные трубы
уже устали трубить!
Целый час ты живёшь на земле.
Прими её.

И прости,
что земля ещё не такая,
какою ей надо
быть...

На земле умирают и плачут.
По земле ручьи бегут нараспев.
Задышались пальмы.
Чавкает тундровый мох...
Я хотел её сделать

— самой праздничной!

И не успел.
Я хотел её сделать

— самой улыбочивой!

И не смог.
Я над нею тряся.

Я её так просил!

Я земле открывался.

Понял её язык...
Ты прости отца.
У него не хватило сил
Накормить голодных,
оживить убитых,
обуть босых.

Мы —
всегда продолжение!
И я
не начал с нуля.

Мы —
всегда продолжение!
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой
твоя и моя земля.

В это верит отец!
И ты — непременно —
верь!

Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной,
Что такое «светло» —
не знаешь,

Что такое «темно»,
Что такое «весна»
(Хотя родилась ты весной),
Что такое «снег»
(Хотя снега полным-полно).
Целый час
ты живёшь на планете...

Привыкай дышать.
Продолжай сопеть.
Начинай басить
с номерком на руке...

Даже имя своё
ещё не можешь ты удержать
в малюсеньком,
почти в невзаправдашном
кулачке.

Вопросы и задания

1. Стихотворение «Ксении» Роберт Иванович Рождественский написал в связи с особенным событием в своей жизни — рождением дочери. Как

уже в его первых строках выражено радостное, взволнованное состояние отца?

2. Почему отец просит прощения у своей дочери? В чём он чувствует себя виноватым перед ней?
3. С помощью каких языковых средств поэт передаёт чувства тревоги и ответственности отца за судьбу дочери? (Обратите внимание на глаголы.)
4. Как вы понимаете слова поэта «Мы — всегда продолженьё!»?
5. Как представляет отец начало жизни своей дочери на земле? Какие отцовские чувства выражает он при этом?
6. Почему поэт хочет, чтобы его дочь, став взрослой, обязательно прочитала это стихотворение? О чём самом важном она должна узнать?
7. Прочитайте стихотворение выразительно, соблюдая правильный темп и ритм чтения.
8. Найдите метафоры и олицетворения в стихотворении Роберта Рождественского «Ксении».

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О КОМПОЗИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Быть настоящим читателем означает не только понимать содержание произведения, но и видеть, в какую форму это содержание заключено. Без этого читатель никогда до конца не поймёт художественное произведение и не сможет в полной мере насладиться его достоинствами.

Художественной формой обычно называют художественную речь и композицию. О некоторых элементах художественной речи вы уже знаете (эпитет, метафора, сравнение и др.). А что же такое композиция?

Слово *композиция* происходит от латинского *compositio*, что переводится как *составление, расположение, связь*. Следовательно, *композиция художественного произведения — это построение, расположение и взаимосвязь составных частей произведения*.

Каждая часть, каждый эпизод, их расположение, их связь друг с другом помогают воспринять произведение как единое целое и способствуют раскрытию главной мысли автора.

Стихотворение Роберта Рождественского «Ксении» начинается с обращения к только что родившейся дочери: «Вырастешь, Ксения, строки эти прочти». Это — вступление.

Поэт радостно взволнован, и эта радость передаётся с помощью необычной метафоры: «Водосточные трубы уже устали трубить!» (Метафора основана на сходстве с конкретным явлением: тающая вода и осколки апрельской капли с грохотом и звоном летят по водосточным трубам и падают на тротуары, создавая музыку весны.) Отец преподносит

дочери, родившейся час назад, всю землю. Это — первая часть стихотворения.

Во второй части чувство радости сменяется тревогой: земля «не такая, какой ей надо быть». Картину неблагополучия создают образы-глаголы. Двигается мир, перед нами — юг и север («задыхаются пальмы», «чавкает тундровый мох»), но везде беспокойно. Двигается и мысль поэта, достигая драматической напряжённости. Противопоставляются, с одной стороны, стремление отца сделать землю «самой праздничной», «самой улыбчивой» и, с другой стороны, невозможность осуществить эту мечту: «И не смог», «И не успел» — эти фразы исполнены отчаяния.

Вторая часть начинается и заканчивается просьбой о прощении.

Казалось, что на грустно-отчаянной ноте стихотворение и закончится. Но в третьей части настроение снова меняется, становится спокойнее, бодрее. Закон жизни — на смену одному поколению приходит другое: «Мы — всегда продолжение». Отец верит, что земля станет счастливой, и эту веру он передаёт дочери.

И последняя часть — заключение. Слова отца звучат с огромной нежностью к девочке, которая ещё даже имя своё не может «удержать в малюсеньком, почти в невзаправдашном кулачке». Эта часть связана с началом стихотворения: смысл отцовского завещания станет понятен дочери, когда она вырастет.

Такое расположение частей, их взаимосвязь — такая композиция — помогает раскрытию идеи стихотворения: отец видит в дочери своё продолжение и завещает ей заботу о «пронзительном шаре земном» и свою веру в то, что земля «будет самой счастливой».

ВЫДЕЛИМ ГЛАВНОЕ:

Композиция (латин. *compositio* — составление, расположение, связь) — это построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь его частей.

Закрепим новые знания

1. Что называется композицией художественного произведения? Каково её значение?
2. В чём особенности композиции стихотворения Р. Рождественского «Ксении»? Как связаны составные части композиции этого стихотворения?
3. Установите, в чём связь вступления и заключительных строк стихотворения.
4. Какую роль в стихотворении Рождественского «Ксении» (во второй его части) выполняют глаголы? Как передаётся драматизм душевного состояния поэта?
5. Как с помощью композиции выражается идея стихотворения?

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВАХ
ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Почему, читая художественное произведение, мы так часто переживаем эмоциональные, душевные потрясения? Почему смеёмся или плачем над судьбами литературных героев?

Вы уже вполне самостоятельно сможете ответить на эти вопросы: в литературе жизнь представлена в ярких картинах и образах, созданных посредством слов. Что же это за волшебные слова, которые вызывают у нас такие сильные переживания? Это — *изобразительные средства художественной речи (или тропы)*.

Изобразительный означает наглядный, *средство* — приём, способ.

С помощью изобразительных средств создаются картины и образы, отличающиеся особой наглядностью, зримостью.

Читателей многих поколений завораживает стихотворение Пушкина «Зимнее утро». Ваши бабушки, дедушки, родители, наверное, знают это стихотворение наизусть и сейчас. Чтобы понять его притягательную силу, достаточно вчитаться хотя бы в эту строку: *Вся комната янтарным блеском озарена*. Внимание привлекает необычайно выразительный эпитет *янтарным* (блеском) — не жёлтым, не солнечным, не золотым, а *янтарным*! Как это неожиданно и свежо! Не менее выразительно и слово *блеск* в этом словосочетании: не свет, не сияние, а *блеск*. *Янтарный блеск* — это не только ровный солнечный свет, льющийся из окон, но и мигающий отблесками огонь весело потрескивающей затопленной печки. Поэтому комната не просто освещена, а *озарена янтарным блеском*. Читаешь — и в воображении предстаёт картина, рожающая настроение радостной приподнятости, ожидания чего-то прекрасного, счастливого, необычного.

Многие произведения русских писателей и поэтов поражают нас красотой и совершенством языка. Мы никогда не бывали в пустыне, не видели верблюжьих караванов (разве только в кино?). Но, благодаря Михаилу Лермонтову, увидели всё это, читая его стихотворение «Три пальмы»: *И шёл, колыхаясь, как в море челнок, верблюд за верблюдом, взрывая песок*. Ритм стихотворения, сравнение «как в море челнок» создают впечатление движения каравана, подобного колыханию челнока среди волн.

Эпитеты, сравнения, олицетворения, метафоры называются *изобразительными средствами языка*. От привычных бытовых метафор, сравнений и т. д. изобразительные средства художественной литературы отличаются новизной, свежестью, выразительностью.

Кроме изобразительных средств, в художественной литературе широко используются *выразительные средства языка*: интонация, ритмика, повторы и др. Выразительные средства способствуют выразительности речи, усиливают эмоциональное воздействие образов на читателя.

Художественное произведение адресовано читателю, помогает ему пережить и почувствовать то, что пережил и почувствовал автор, создавая своё произведение. В значительной мере этому служат изобразительно-выразительные средства художественной речи.

Закрепим новые знания

1. Каково значение изобразительных средств языка художественной литературы?
2. Приведите примеры метафор из разговорной речи. Чем они отличаются от метафор художественных произведений?
3. Найдите изобразительные средства художественной речи в стихотворении Николая Заболоцкого «Журавли». Какова их роль?
4. Объясните значение эпитетов из стихотворения Роберта Рождественского «Ксении».
5. Александр Пушкин назвал эпитеты «душой поэзии». Как вы понимаете эти слова великого русского поэта?

БРЭДБЕРИ Рэй Дуглас

(рог. в 1920 г.)

¹ Жюль Верн (1828—1905) — французский писатель-фантаст. Герберт Уэллс (1866—1946) — английский писатель-фантаст. Эдгар Аллан По (1809—1849) — американский писатель, автор научно-фантастических и детективных произведений.

² Научная фантастика (от греч. *phantastike* — способность воображать) — художественные произведения, в которых речь идёт о научных проблемах и возможном их решении в будущем.

Жюль Верн был моим отцом, Уэллс — мудрым дядюшкой. Эдгар Аллан По¹ был для меня двоюродным братом... Ну кем я ещё мог стать, как не писателем-фантастом — в такой вот семейке.

Р. Д. Брэдли

Замечательный американский писатель Рэй Дуглас Брэдли родился в семье электромонтёра в городе Вокиган близ Чикаго, на берегу озера Мичиган. Очень рано он приобщился к чтению. Пятилетнему Рэю тётушка подарила на Рождество фантастический комикс. Мальчик открыл для себя мир научной фантастики².

Первый рассказ Брэдли написал в 16 лет; печататься начал в 1938 году. Молодой писатель продолжал напряжённо и много учиться. «Я почти все вечера проводил в библиотеке. К двадцати годам я уже прочитал все значительные пьесы, знал американскую, французскую, итальянскую, английскую историю, известные повести, рассказы», — вспоминал Брэдли в статье «Как вместо колледжа я закончил библиотеку». С присущей ему иронией он подытожил: «Справедливо будет считать меня выпускником библиотеки».

Так уже в юности Брэдли определил свой жизненный путь: он стал писателем-фантастом. Он уверовал в чудеса научно-технического прогресса и вступил в клуб научных фантастов в Лос-Анджелесе. Но началась вторая мировая война, и

Брэдбери убедился, что не всегда развитая техническая мысль способствует настоящему прогрессу, понял, каким страшным злом оборачиваются научные достижения, если они оказываются в руках злых, жестоких, жадных людей.

Брэдбери навсегда меняет свои ориентиры: он отдаёт предпочтение не машине, а человеку. Своё отношение к технике писатель выразил с предельной ясностью: «Сами машины — это пустые перчатки, но их надевает человеческая рука, которая может быть хорошей или плохой». Бездушным механизмам Брэдбери противопоставляет волшебство и мечту — о «зелёном утре в зелёной долине», о жизни среди деревьев, цветущих на всей планете, без рёва реактивных самолётов, без грохота телевизоров...

Рэй Брэдбери пишет о человеке и его проблемах, о нравственных ценностях, которые помогают отличить добро от зла, истину от лжи. В произведениях, известных во всём мире («Марсианские хроники», «Золотые яблоки солнца», «451° по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков», «Машина радости», «Далеко на север» и др.), ярко раскрывается лирическое дарование писателя, его способность глубоко воздействовать на чувства читателя, облекать в поэтические образы даже отвлечённые понятия.

Великий труженик, Брэдбери создал свыше 800 научно-фантастических произведений. При этом его любознательность, интерес к миру и человеку не угасает. «Я интересуюсь всеми отраслями знаний... Некоторые отрасли я знаю очень хорошо: психиатрия, философия, поэзия, литература... С детства люблю детективы. Очень интересуюсь искусством Ренессанса¹, греческой и латинской цивилизациями. Мысли, почерпнутые из разных дисциплин, накапливаются и вспыхивают в мозгу...»

Созданные Брэдбери книги способствуют человеческому взаимопониманию, воспитывают ответственность за сохранение зелёного космического оазиса — Земли. Прочитайте его рассказы — и вы убедитесь в этом.

¹ Ренессанс — эпоха Возрождения в европейской культуре (XIII—XVI века).

- ?
1. Перечитайте эпиграф к статье о Р. Брэдбери. Кого из писателей Брэдбери считает своей «семейкой», своими учителями? Читали ли вы произведения Жюль Верна, Герберта Уэллса, Эдгара Аллана По?
 2. Почему Рэй Дуглас Брэдбери стал писателем-фантастом? Что помогло ему определить свой путь?
 3. Какое влияние оказала война на писателя? Как изменилось его отношение к научно-техническому прогрессу?
 4. Что противопоставил Брэдбери бездушным механизмам?
 5. Какие проблемы волнуют фантаста?

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и

*Какие мысли
и чувства вызывает
у вас рисунок
М. Ромадина?*

цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было неспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс: безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мглистых далях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чьё-то сердце. Чёрный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколёсной дрезине, на обращённой в две стороны двойной скамейке, защищённые от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развеивал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперёд. Иногда,

на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время насторожённо — что дальше?

На ровной прямой дороге мотор вдруг закашлял и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землёй и морем, землёй и небом, затормозил и пресёк вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушённый гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедим?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало-Альто.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясу-чей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут, на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда, поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свиданья», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и, даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинай всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверное, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё, что растёт, — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть, потому, что уже столько лет не любили город, и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они позавтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повел её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско.

Молчание. Молчание. Молчание.

— Всё, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучили. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей!

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и

умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцами по своему карману.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль — хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедem по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам,

ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула.

И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледное. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там, где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать.

Муж хотел взять руку мальчика.

Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал:

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них; лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

«Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?»

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал?

Это или не это?

Наше или своё?..

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолётной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблёскивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко.

Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам. Её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Перевод Л. Жданова

Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Что в рассказе Рэя Брэдбери «Каникулы» привлекло ваше внимание, произвело сильное впечатление?
2. Испытывали ли вы чувство тревоги, читая рассказ «Каникулы»? Чем вы объясните это чувство?

● Порассуждаем о произведении

3. Перечитайте первый абзац рассказа. Какое настроение создаёт начало рассказа «Каникулы»? Совпадает ли оно с душевным состоянием героев?
4. Герои рассказа «Каникулы» устали от шума и перенаселённости большого города, от суеты, от погони за материальным благополучием. Что они испытали и почувствовали в опустевшем мире, освободившись от всех обязанностей перед другими людьми?
5. Какой открывается природа в рассказе? Как к ней относятся герои?
6. Почему так тоскливо путешественникам, хотя осуществилась их мечта о «тридцатилетнем счастье»? Почему плачут отец и мальчик? Найдите в рассказе этот эпизод и внимательно его перечитайте.

7. Что мог написать мальчик в записке? Совпало ли его желание с желанием родителей? Что бы вы написали?

8. Имеет ли отец право решать судьбу сына?

● Для самостоятельной работы

9. Относится ли рассказ Р. Брэдбери «Каникулы» к научно-фантастическим произведениям? Что в рассказе — фантастика?

■ Для будущих филологов

Можно ли избежать разрушительного воздействия цивилизации на природу и людей? Даёт ли писатель ответ на этот вопрос? О своих наблюдениях и выводах сообщите в классе.

УЧИМСЯ БЫТЬ ЧИТАТЕЛЯМИ

О ТЕМЕ И ИДЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (углубление знаний)

Название рассказа, повести, книги часто не отражает тему произведения. Обратимся к рассказу Рэя Брэдбери «Каникулы». О каких каникулах идёт речь в рассказе? Какова его тема? В этом произведении рассказывается о людях, уставших от грохота, шума цивилизации, от непрекращающейся борьбы за её блага и бежавших в «рай», который называется одиночеством. Так обозначена главная проблема (тема) рассказа.

Тема произведения тесно связана с его идеей. Вспомним: идея — то, во имя чего произведение написано, его главная мысль.

Что же почувствовали герои рассказа Рэя Брэдбери «Каникулы», очутившись вне цивилизации? Мучительную тоску по человеку, по людям, по общению с ними — по всему тому, без чего жизнь теряет смысл.

Рэй Брэдбери ставит людей перед дилеммой¹: как избежать трагических последствий цивилизации и сохранить её ценности — общение, взаимопонимание, культуру? Как вернуться в «потерянный рай» — нормальное человеческое общество и что делать с цивилизацией? Такова главная мысль. Писатель ставит вопрос перед каждым человеком, перед человечеством, но ответа не даёт. Почему? Задача автора — заставить людей задуматься над поставленной проблемой и вместе искать ответ.

Читая рассказ, обратите внимание, какие художественные образы помогают нам понять трагедию людей, их одиночество. О чём говорит бесконечная заржавленная дорога? Есть ли у людей надежда на спасение?

Как видите, главная, основная мысль произведения может быть выражена в форме вопроса, обращённого к читателю. Поразмышляйте, какой ответ дадите вы.

¹ Дилемма — неспособность выбора между двумя противоположными возможностями.

УЛЫБКА

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далёкие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче. Мальчишка притоптывал на месте и дул на свои красные, в цыпках руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это моё место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул её. — Просто подумал, чудно это — ребёнок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покатился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варёво в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, — я слышал — была на доске нарисована, в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трёхтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперёд по холодным камням мостовой.

— Скоро мы её увидим? — уныло протянул Том.

— Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четырёх латунных столбиках бархатную верёвку, всё честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось всё выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбёжек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — новые троглодиты¹, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утехи, кроме этих наших праздников, Том. Наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц

¹ Троглодиты — первобытные пещерные люди.

тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливики могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я разбил переднее стекло — стекло, слыпишь? Господи, звук-то какой был, премесь! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, — продолжал вспоминать Григсби, — было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолёты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернётся?

— Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае, не мне!

— А вот я готов её терпеть, — сказал один из очереди. — Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет этого, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернёт нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз всё будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперёд — шли, изготавившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских — четверо мужчин с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Картина художника Леонардо да Винчи — выдающееся произведение живописи. О таинственной улыбке моны Лизы споры продолжаются до сих пор. Почему улыбка моны Лизы оказала такое потрясающее воздействие на героя Рэя Бредбери?

Том замер перед картиной, глядя на неё.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но, — медленно произнёс Том, — она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женищина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал, как пеня! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как её звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».

— Слушайте объявление, — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли

его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, что же ты! — крикнул Григсби.

Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша.

— Том? — раздался во мраке голос матери.

— Да.

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать.

Ещё пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста.

Мир спал, освещённый луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он всё ещё видел её, даже после того, как осторожно сложил и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

Перевод Л. Жданова

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Какие мысли о переменах в жизни города возникли у вас при чтении рассказа Рэя Брэдбери «Улыбка»?

● Порассуждаем о произведении

2. Какие чувства вызвал у вас Том?
3. Каким вы представляете себе мир, в котором живёт герой рассказа «Улыбка»? Что вы узнали об этом мире, пока вместе с Томом стояли в очереди?
4. Что заставило всех этих людей выстроиться в очередь? Прочитайте ответ Григсби на вопрос Тома: «Зачем мы все тут собрались?»
5. Почему мальчик не сделал того, что делали все? Какие чувства испытал он, рассматривая картину, а потом «Улыбку»?
6. Как изображено поведение толпы, расправляющейся с картиной Леонардо да Винчи «Мона Лиза» («Джоконда»)?

● Для самостоятельной работы

7. Как в рассказе показана сила ненависти?
8. Почему на уничтожении культуры Рэй Брэдбери сосредотачивает внимание читателя? О чём предостерегает человечество писатель?
9. Является ли рассказ «Улыбка» фантастическим?

ЗЕЛЁНОЕ УТРО

Когда солнце зашло, он присел возле тропы и приготовил нехитрый ужин; потом, кладя в рот еду и задумчиво жуя, слушал, как потрескивает огонь. День был похож на тридцать других: с утра пораньше вырыть побольше аккуратных ямок, потом сыпать в них семена и носить воду из прозрачных каналов. Сейчас, скованный свинцовой усталостью, он лежал, глядя, как в небе один оттенок темноты сменяется другим.

Его звали Бенджамен Дрисколл, ему был тридцать один год. Он мечтал о том, чтобы весь Марс зазеленел, покрылся высокими деревьями с густой листвой, рождающей воздух, больше воздуха; пусть растут во все времена года, освежают города и душное лето, не пускают зимние ветры. Дерево, чего-чего только оно не может... Оно красит природу, простирает тень, роняет плоды. Или становится царством детских игр — целый небесный мир, где можно лазить, играть, висеть на руках... Средоточие пищи и радости — вот что такое дерево. Но большинство деревьев — это живительный холодок для лёгких и ласковый шелест для уха, который ночью, когда лежишь в снежно-белой постели, баюкает тебя.

Он лежал и слушал, как тёмная почва собирается с силами, ожидая солнце, ожидая дождей, которых всё нет и нет... Приложив ухо к почве, он слышал поступь грядущих годов и видел — видел, как посаженные сегодня семена брызжут зеленью, как ветка за веткой рвутся к небу, цепляются за него и тянутся ввысь, и весь Марс становится солнечным лесом, светлым фруктовым садом.

Рано утром, едва маленькое бледное солнце всплывёт над складками холмов, он встанет, живо проглотит завтрак с дымком, затопчет головешки и выйдет в путь с рюкзаком, выбирая места, копая, сажая семена или саженцы, осторожно уминая землю, поливая — и дальше, насвистывая и глядя в ясное небо, а оно к полудню всё ярче и жарче...

— Тебе нужен воздух, — сказал он своему костру. Костёр — живой румяный товарищ, который шутливо кусает тебе пальцы, а в прохладные ночи, тёплый, дремлет рядом, щуря сонные розовые глаза... — Нам всем нужен воздух. Здесь, на Марсе, воздух редкий. Чуть что и устал. Всё равно что в Андах, в Южной Америке. Вдохнул и не чувствуешь. Никак не надышишься.

Он тронул грудную клетку. Как она расширилась за тридцать дней! Да, им нужно развивать лёгкие, чтобы вдохнуть побольше воздуха. Или сажать ещё деревья.

— Понял, зачем я здесь? — сказал он. Огонь стрельнул. — В школе нам рассказывали про Джонни Эплсида. Как он шёл через Америку и сажал яблони. А ведь моё дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы и клёны. Всякие деревья: осины, каштаны и кедры. И делаю не просто плоды для желудка, а воздух для лёгких. Только подумать: когда все эти деревья наконец вырастут, сколько — сколько от них будет кислорода!

Вспомнилось прибытие на Марс. Подобно тысяче других, он всматривался в тихое марсианское утро и думал: «Как-то я здесь освоюсь? Что буду делать? Найдётся ли работа по мне?»

И потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос пузырёк с нашатырным спиртом, он закашлялся и пришёл в себя.

— Ничего, оправитесь, — сказал врач.

— А что со мной было?

— Здесь очень редкий воздух. Одни его переносят. А вам, мне кажется, лучше возвратиться на Землю.

— Нет! — Он сел, но в тот же миг в глазах у него потемнело; и Марс сделал два оборота у него под ногами. Ноздри расширились, он принудил лёгкие пить нечто. — Я свыкнусь. Я останусь здесь!

Его оставили в покое; он лежал, дыша, словно рыба на песке, и думал: «Воздух, воздух. Они хотят меня отослать из-за воздуха». И он повернул голову, чтобы видеть холмы и равнины Марса. Присмотрел-

ся и сразу заметил: куда ни глянь, сколько ни смотри — ни одного дерева, ни единого. Волнами уходит вдаль чёрный перегной, а на нём — ничего, ни одной травинки. «Воздух, — думал он, шумно вдыхая бесцветное нечто. — Воздух, воздух...» И на верхушках холмов, на тенистых склонах, даже возле ручья — ни деревца, ни травинки.

Ну конечно!

Ответ родился не в сознании, а в горле, в лёгких. И мысль, словно глоток чистого кислорода, сразу взбодрила. Деревья и трава. Он поглядел на свои руки и повернул их ладонями вверх. Он будет сажать траву и деревья. Вот его работа: бороться против того самого, что может ему помешать остаться здесь. Он поведёт свою частную «садовую» войну с Марсом. Древняя марсианская почва... Её собственные растения прожили столько тысячелетий, что вконец одряхлели. А если посадить новые виды? Земные деревья — ветвистые мимозы, плакучие ивы, магнолии, величественные эвкалипты. Что тогда? Можно лишь гадать, какие минеральные богатства таятся в здешней почве — нетронутые, потому что древние папоротники, цветы, кусты, деревья погибли от изнеможения.

— Я должен встать! — крикнул он. — Мне надо видеть Координатора!

Полдня он и Координатор говорили о том, что растёт в зелёном уборе. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем начнутся планомерные посадки. Пока что продовольствие доставляют с Земли замороженным, в летающих сосульках; лишь несколько общественных садов зеленеют хлореллой.

— Так что пока, — сказал Координатор, — действуйте сами. Добудем семян, сколько можно, кое-какое снаряжение. Сейчас в ракетах плохо с местом. Боюсь, поскольку первые поселения связаны с рудниками, ваш проект зелёных посадок не будет пользоваться успехом...

— Но вы мне разрешите?

Ему разрешили. Выдали мотоцикл, он наполнил багажник семенами и саженцами, выезжал в пустынные долины, оставлял машину и шёл пешком, работая.

Это началось тридцать дней назад, и он ни разу не оглянулся. Оглянуться — значит пасть духом: стояла необычайно сухая погода, и вряд ли хоть одно семечко проросло. Может быть, битва проиграна? Четыре недели труда — впустую? И он смотрел только вперёд, шёл вперёд по широкой солнечной долине, всё дальше от Первого Города, и ждал — ждал, когда же пойдёт дождь.

...Он натянул одеяло на плечи; над сухими холмами пухли тучи. Марс непостоянен, как время. Пропечённые солнцем холмы подёрнулись ночным инеем, а он думал о богатой чёрной почве — такой чёрной и блестящей, что она чуть ли не шевелилась в горсти, о жирной почве,

из которой могли бы расти могучие, исполинские стебли фасоли, и спелые стручки будут ронять огромные, невообразимые зёрна, сотрясающие землю.

Сонный костёр укутался пеплом. Воздух дрогнул: вдали прокатилась телега. Гром. Неожиданный запах влаги. «Сегодня ночью, — подумал он и вытянул руку проверить, идёт ли дождь. — Сегодня ночью».

Что-то тронуло его бровь, и он проснулся.

По носу на губу скатилась влага. Вторая капля ударила в глаз и на миг его затуманила. Третья разбилась о щеку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, лёгкий, он моросил с высокого неба — волшебный эликсир, пахнувший чарами, звёздами, воздухом; и он

нёс с собой острую на вкус пыль, рождая во рту то же ощущение, что старый херес¹.

Дождь.

Он сел. Одеяло съехало, и по голубой рубашке забегали тёмные пятна: капли становились крупнее и крупнее. Костёр выглядел так, будто по нему, топча огонь, плясал невидимый зверь; и вот остался только сердитый дым. Шёл дождь. Огромный чёрный свод вдруг треснул, и шесть аспидно-голубых² осколков полетели вниз. Он увидел десять миллиардов дождевых кристаллов, они замерли в воздухе ровно на столько времени, сколько было необходимо, чтобы их запечатлел электрический фотограф. И — мрак, вода.

Он промок до костей, но сидел и смеялся, подняв лицо, и капли стучали по векам. Он хлопнул в ладоши, вскочил на ноги и прошёлся вокруг своего маленького лагеря; был час ночи.

Дождь лил непрерывно два часа, потом прекратился. Высыпали чисто вымытые звёзды, яркие, как никогда.

Бенджамен Дрисколл достал из целлофановой сумки сухую одежду, переделся, лёг, счастливый, уснул.

Солнце медленно взошло между холмами. Лучи вырвались за ограду, тихо скользнули по земле и разбудили Дрисколла.

Он чуть помешкал, прежде чем встать. Целый месяц, долгий жаркий месяц он работал и ждал, и работал... Но вот он поднялся и впервые стал лицом в ту сторону, откуда пришёл.

Утро было зелёное.

¹ Херес — сорт виноградного вина.

² Аспидный — чёрного цвета.

Насколько хватало глаз, к небу поднимались деревья. Не одно, не два, не десяток, а все те тысячи, что он посадил, опуская в землю семена и саженцы. И не мелочь какая-нибудь, нет, не поросль, не хрупкие деревца, а мощные стволы, могучие деревья высотой с дом, зелёные-зелёные, огромные, пышные, деревья с отливающей серебром листвой, шелестящие на ветру, длинные ряды деревьев на склонах холмов, лимонные деревья и липы, секвойи и мимозы, дубы и вязы, осины, вишни, клёны, ясени, яблони, апельсиновые деревья, эвкалипты — подстёгнутые буйным дождём, вскормленные чужой волшебной почвой. На его глазах тянулись новые ветви, лопались новые почки.

— Невероятно! — воскликнул Бенджамен Дрисколл.

Но долина и утро были зелёные.

А воздух!

Отовсюду, словно живой поток, словно горная река, струился свежий воздух, кислород, источаемый зелёными деревьями. Присмотрись — и увидишь, как он переливается в небе хрустальными волнами. Кислород — свежий, чистый, зелёный, прохладный кислород превратил долину в дельту реки. Еще мгновение, и в посёлке распахнутся двери, люди выбегут навстречу чуду, будут его глотать, вдыхать полной грудью, щёки порозовеют, носы озябнут, лёгкие заново оживут, сердца забьются чаще, и усталые тела полетят в танце.

Бенджамен Дрисколл глубоко-глубоко вдохнул влажный зелёный воздух и потерял сознание.

Прежде чем он очнулся, навстречу золотистому солнцу поднялось ещё пять тысяч деревьев.

Перевод Н. Галь

? Вопросы и задания

● Обменяемся впечатлениями от прочитанного

1. Что поразило вас в рассказе Рэя Брэдбери «Зелёное утро»?

● Порассуждаем о произведении

2. В какие условия помещает автор своего героя Бенджамена Дрисколла?

3. Почему Дрисколл остался на Марсе, где его жизнь подвергалась опасности? Найдите в тексте и прочитайте отрывок, который бы подтвердил ваш ответ.

4. Почему Дрисколл, сажая деревья, не оглядывался назад?

5. Какие слова из рассказа «Зелёное утро» можно рассматривать как гимн дереву? Выразительно прочитайте их.

6. Как в описаниях марсианской природы передаются настроения и чувства героя рассказа?

7. Что больше тревожит писателя: состояние природы на Марсе или уничтожение её на Земле?
8. Какова идея рассказа «Зелёное утро»?

● Для самостоятельной работы

9. Составьте план рассказа. Попробуйте ответить на вопрос: как расположены части рассказа «Зелёное утро»?
10. Напишите сочинение на тему: «Почему Рэй Брэдбери переносит действие рассказа “Зелёное утро” на Марс?».
11. Вспомните содержание ранее прочитанных рассказов Рэя Брэдбери и ответьте на вопрос: чему учат нас фантастические рассказы Брэдбери?

■ Для будущих филологов

1. Рэй Брэдбери — писатель-фантаст. Как вы знаете, *фантастика* — литературные произведения, в которых создан мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением писателя на основе реальных, подлинных фактов жизни. Докажите, что рассказы Рэя Брэдбери относятся к научной фантастике.
2. Какие изобразительные средства языка использует Брэдбери в описании марсианской грозы в рассказе «Зелёное утро»?

Проверим и углубим наши знания

1. В каких произведениях, помещённых в разделе учебника «Тема природы и цивилизации в художественной литературе», писатели выражают свою озабоченность взаимоотношениями человека и природы?
2. Чем объяснить, что писатели видят угрозу цивилизации в самом человеке? Найдите примеры к своему ответу в стихотворении Николая Заболоцкого «Журавли» и в рассказе Рэя Брэдбери «Улыбка».
3. Какая мысль объединяет стихотворение Роберта Рождественского «Ксении» и рассказ Рэя Брэдбери «Зелёное утро»?
4. Как авторы прочитанных вами произведений относятся к изображаемым событиям? (В некоторых произведениях оценка изображаемому дана непосредственно, в других — скрыто.)
5. Какие из произведений этого раздела учебника произвели на вас сильное впечатление? Почему?
6. Чем отличаются фантастические рассказы Рэя Брэдбери от сказок?
7. Какие фантастические картины рисует Брэдбери? Есть ли в них нечто земное? Подтвердите свой ответ примерами из рассказов.
8. Подготовьте сжатый пересказ рассказа Рэя Брэдбери «Улыбка».
9. Каково значение фантастических событий в рассказе Брэдбери «Зелёное утро»?
10. Почему рассказ Брэдбери «Улыбка» относится к жанру фантастических рассказов? Что в нём фантастического?
11. Прокомментируйте смысл фантастических событий в рассказе Брэдбери «Каникулы».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

- Аллегория** — иносказательное описание предмета или явления с целью его конкретного, наглядного изображения.
- Баллада** — стихотворный рассказ на легендарную, историческую или бытовую тему; реальное в балладе нередко сочетается с фантастическим.
- Басня** — краткий иносказательный рассказ поучительного характера. Действующими лицами в басне часто выступают животные, предметы, в которых проявляются человеческие качества. Чаще всего басни пишутся в стихах.
- Герой (литературный)** — персонаж, действующее лицо, художественный образ человека в литературном произведении.
- Гипербола** — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета.
- Диалог** — разговор двух или нескольких лиц.
- Драматическое произведение, или драма** — произведение, предназначенное для постановки на сцене.
- Идея** — основная мысль художественного произведения.
- Интонация** — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и к собеседнику.
- Ирония** — тонкая, скрытая насмешка. Отрицательный смысл иронии скрыт за внешней положительной формой высказывания.
- Комедия** — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.
- Комическое** — смешное в жизни и литературе. Основные виды комического: юмор, ирония, сатира.
- Композиция** — построение, расположение и взаимосвязь всех частей художественного произведения.
- Легенда** — произведение, созданное народной фантазией, в котором сочетаются реальное (события, личности) и фантастическое.
- Лирическое произведение** — произведение, в котором выражаются мысли и чувства автора, вызванные различными явлениями жизни.
- Метафора** — перенесение свойств и действий одних предметов на другие, сходные с ними по принципу подобия.
- Монолог** — речь одного человека в произведении.
- Олицетворение** — перенесение признаков и свойств живых существ на неживые.
- Описание** — словесное изображение картины (пейзаж, портрет героя, внутренний вид жилища и др.).
- Пародия** — смешное, искажённое подобие чего-то; комическое или сатирическое подражание кому-нибудь (чему-нибудь).
- Пейзаж** — изображение природы в художественном произведении.
- Повесть** — один из видов эпических произведений. По охвату событий и героев повесть больше, чем рассказ, но меньше, чем роман.

- Портрет** — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.
- Поэзия** — стихотворные произведения (лирические, эпические и драматические).
- Поэма** — один из видов лирико-эпических произведений: в поэме есть сюжет, события (как в эпическом произведении) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).
- Притча** — небольшой рассказ, содержащий в иносказательном виде религиозное или моральное поучение.
- Проза** — нестихотворные художественные произведения (рассказы, повести, романы).
- Прототип** — реальное лицо, послужившее писателю основой для создания литературного образа.
- Рассказ** — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях из жизни человека.
- Рассказчик** — образ человека в художественном произведении, от лица которого ведётся повествование.
- Ритм** — повторение однородных элементов (речевых единиц) через равные промежутки.
- Рифма** — созвучие окончаний стихотворных строк.
- Сатира** — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни посредством изображения их в нелепом, карикатурном виде.
- Сравнение** — сопоставление одного явления или предмета с другим.
- Стих** — стихотворная строка, наименьшая единица ритмически организованной речи. Слово «стихи» часто употребляется также в значении «стихотворения».
- Стихотворение** — небольшое поэтическое произведение в стихах.
- Стихотворная речь** — в отличие от прозы, речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.
- Строфа** — в стихотворном произведении группа строк (стихов), составляющая единство, с определённым ритмом, а также повторяющимся расположением рифм.
- Сюжет** — событие или ряд событий, изображённых в произведении.
- Тема** — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; то, о чём говорится в произведении.
- Фантастика** — художественные произведения, в которых создаётся мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением писателя.
- Хорей** — двусложный размер стиха с ударением на первом слоге (— —).
- Художественная литература** — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа, изображения явления, выражения чувства и мысли.
- Художественный образ** — человек, предмет, явление, картина жизни, творчески воссозданные в художественном произведении.
- Эзопов язык** — вынужденное иносказание, художественная речь, насыщенная недомолвками и ироническими намёками. Выражение восходит к легендарному образу древнегреческого поэта Эзопа, создателя жанра басни.

Эпиграф — краткое изречение (поговорка, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю понять главную мысль.

Эпизод — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

Эпитет — художественное определение предмета или явления, помогающее живо представить предмет, почувствовать отношение автора к нему.

Эпическое произведение — художественное произведение, в котором автор повествует о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений: роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др.

Юмор — в художественном произведении: изображение героев в смешном, комическом виде; весёлый, добродушный смех, помогающий человеку освободиться от недостатков.

Ямб — двусложный размер стиха с ударением на втором слоге (— —).

ДЛЯ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ

Н. Кун. «Легенды и мифы Древней Греции».

В. Смирнова. «Герои Эллады», «Легенды. Предания. Бывальщины», «Скандинавские сказания о богах и героях».

Г. Лонгфелло. «Песнь о Гайавате».

В. Жуковский. «Светлана».

А. Пушкин. «Дубровский».

М. Лермонтов. «Горные вершины...», «Беглец», «Морская царевна», «Листок», «Перчатка».

Н. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Л. Толстой. «Детство».

С. Аксаков. «Детские годы Багрова-внука».

А. Толстой. «Детство Никиты».

М. Горький. «Детство».

Ж. Верн. «Дети капитана Гранта».

Ф. Купер. «Последний из могикиан», «Зверобой».

А. Дюма. «Три мушкетёра».

Р. Л. Стивенсон. «Остров сокровищ».

Ф. Бернетт. «Маленький лорд Фаунтлерой».

О. Уайльд. «Кентервильское привидение».

Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке».

В. Крапивин. «Брат, которому семь», «Звёзды под дождём», «Всадники со станции Роса».

А. Лиханов. «Последние холода», «Чистые камушки».

В. Астафьев. «Конь с розовой гривой» (сборник рассказов).

А. Рыбаков. «Кортик».

Ю. Яковлев. «Цветок хлеба».

Ф. Искандер. «Чик и Пушкин».

Б. Таркинтон. «Приключения Пенрода».

Дж. Лондон. Рассказы.

Б. Андерсен. «Простите, где здесь природа?».

Р. Брэдбери. Рассказы.

Э. Сетон-Томпсон. Рассказы.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ДЛЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ В УЧЕБНИКЕ

- Н. Рерих. "Поцелуй Земле" — с. 3.
 "Персефона" (фрагмент античной фрески) — с. 4.
 Г. Уоттс. "Минотавр" — с. 5.
 "Деметра" (античный барельеф) — с. 6.
 Г. Доре. "Дон Кихот" — с. 11.
 Л. Бакст. "Элизиум" — с. 13.
 Д. Энгр. "Зевс и Фетида" — с. 16.
 "Персефона срывает цветы" (фрагмент античной фрески) — с. 16.
 "Деметра и Метансйра" (античный барельеф) — с. 17.
 "Атлант" (античная скульптура) — с. 20.
 Ч. Ландон. "Дедал и Икар" — с. 24.
 А. Иванов. "Явление Христа народу";
 Джотто. "Христос среди учеников" — с. 33.
 Рембрандт. "Возвращение блудного сына" — с. 35.
 Джотто. "Христос и ученики" — с. 37.
 Б. Патерсен. "Петербург строится" (гравюра XVIII—XIX в.) — с. 39.
 "Михайловские сады" (по проекту К. Росси) — с. 41.
 И. Билибин. "Русские былины" — с. 53.
 И. Билибин. "Ручей зимой" — с. 57.
 Н. Ильин. "Пушкин с няней" — с. 58.
 Н. Рерих. "Целитель" — с. 61.
 И. Раух. "Замоскворечье" — с. 67.
 И. Шишкин. "На севере диком..." — с. 73.
 И. Лисенко. "На Ивана Купала" — с. 76.
 Кукрыниксы. "Зима" — с. 79.
 И. Сколоздра. "Колядники" — с. 88.
 Кукрыниксы. "Пацок" — с. 95.
 Кукрыниксы. "В мешке" — с. 98.
 И. Лисенко. "Гадание на колках" — с. 99.
 Н. Борисов-Мусатов. "Сон божества" — с. 112.
 М. Нестеров. "Два лада" — с. 114.
 Г. Фиттингоф. "Страх" — с. 120.
 Г. Фиттингоф. "Дети подземелья" — с. 128.
 М. Лебедев. "В ветреную погоду" — с. 150.
 Ж. Гранвиль. "Робинзон Крузо" — с. 153.
 И. Шишкин. "По ягоды" — с. 183.
 К. Соколов — с. 193.
 Г. Фиттингоф. "Уюки французского" — с. 203, 212.
 Л. Бакст. "Древний ужас" — с. 219.
 Г. Захаров — с. 221, 225.
 О. Клевер. "Соната" — с. 232.
 М. Ромадин. "Рельсы" — с. 234.
 Леонардо да Винчи. "Мона Лиза" — с. 245.

В художественном оформлении обложки
использованы фрагменты произведений *И. Шишкина* и *И. Билибина*.

Видано за рахупок державних коштів.
Продаж заборонено.

«Вежа». 02125, Київ, вул. Старосільська, 2,
тел. 512-25-09, 510-59-03

Свідомство про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців
ДК № 362, 15.03.2001 р.